

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**МОЛОДЕЖЬ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ
XXI ВЕКА**

Сборник научных трудов

**МОСКВА
2018**

ББК 60.5

М 75

Серия
«Теория и история социологии»

Центр социальных научно-информационных исследований

Отдел социологии и социальной психологии

Молодежь перед вызовами XXI века: Сб. науч. тр. /
М 75 РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ.исслед. Отд.
социологии и социал. психологии; отв. ред. М.А. Ядова. –
М., 2018. – 228 с. – (Сер.: Теория и история социологии).
ISBN 978-5-248-00909-1

В статьях и реферативно-аналитических материалах исследуются наиболее острые социальные проблемы, с которыми сталкивается молодежь России и зарубежных стран. Анализируются кардинальные изменения в системе ценностей, социальных установок и поведенческих паттернов современной молодежи.

Для научных сотрудников, преподавателей, аспирантов и всех, кто интересуется молодежной проблематикой.

Youth facing the challenges of the 21st century /
Ed. by M.A. Yadova. – Moscow: ISSS RAS, 2018.
ISBN 978-5-248-00909-1

The articles, reviews and summaries study the most pressing social issues faced by young people in Russia and abroad. Radical changes in the system of values, social attitudes and behavioral patterns of modern youth are analyzed.

Intended for researchers, lecturers, postgraduate students and anyone interested in youth issues.

ББК 60.5

ISBN 978-5-248-00909-1

DOI: 10.31249/molpv/2018.00.00

© ИНИОН РАН, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М.А. Ядова. Молодежь перед вызовами современности: Актуальные проблемы социологических исследований.</i>	
Предисловие	7

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

<i>М.А. Ядова, Е.В. Якимова. Тенденции взросления в эпоху постмодерна.....</i>	12
<i>А.М. Понамарева. Вовлечение молодежи в сетевые структуры «Исламского государства»</i>	19
<i>С.Г. Ким. Молодые люди как виновники и жертвы насилия. (Реферативный обзор).....</i>	31
<i>М.А. Ядова. Крымский кризис-2014 в представлениях «модернистов» и «традиционалистов» постсоветского поколения.....</i>	45
<i>Я.В. Евсеева, М.А. Ядова. Социологические исследования детства и юности в современной России: Аналитический обзор материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Дети и общество: Социальная реальность и новации», 23–24 октября 2014 г.</i>	61
<i>М.А. Ядова. Молодежные исследования в Латинской Америке: Тенденции и перспективы. (Реферативный обзор).....</i>	93

РЕФЕРАТЫ

<i>Элиасон С.Р., Мортимер Дж.Т., Вуоло М. Взросление как переходный период: Структуры жизненного цикла и их субъективное восприятие.....</i>	105
--	-----

<i>Галлан О.</i> Ценности молодых европейцев: Общий взгляд	113
Влияние событий 9/11 и борьбы с террором на психическое здоровье детей и молодежи: Систематический обзор научной литературы за последние 10 лет / Руссо С., Джамиль У., Бхай К., Буджаран М.	120
<i>Серракант П.</i> Влияние экономического кризиса на жизненные траектории молодежи: Случай Южной Европы	129
Молодежь в нестабильных государствах Африки: Карьерные ожидания и траектории. (Сводный реферат)	136
<i>Уиллинг К., Кинтеро Г., Лиллиот Э.</i> «Будто бьешься об стену»: Молодежь о скуке, проблемном поведении и практиках употребления наркотиков в сельских районах штата Нью-Мексико	147
<i>Фернквист С.</i> Игра не на равных: Опыт переживания и стратегии преодоления бедности школьниками	155
<i>Бенедикто Х., Лус Моран М.</i> Политизация иного рода? Репрезентации коллективной жизни и процессов гражданского участия в среде неблагополучной молодежи.....	161
<i>Дос Сантос И.</i> Ангола – Эльдorado для португальской молодежи? Воображаемые миры и опыт мобильности в португалоязычном пространстве	168
Жизненные траектории японской молодежи: Изменение паттернов романтических отношений, брака и профессиональной занятости. (Сводный реферат)	175
<i>Шпрехер С., Хэтфилд Э.</i> Значение любви как основы брака: По следам исследования У. Кепхарта (1967)	187
Хикикомори и NEET: Особенности социальной самоизоляции в молодежной среде. (Сводный реферат)	192
Буллинг в подростковой среде: Причины и последствия. (Сводный реферат)	200
<i>Райт М.Ф.</i> Кибервиктимизация и воспринимаемый стресс: Связь киберагрессии с особенностями психологического функционирования старших подростков	210
Эта «опасная» феминность: Гендерный анализ стрессовых переживаний молодых шведских женщин / Стрёмбёк М., Формарк Б., Викалунд М., Мальмгрен-Олссон Е.-Б.	215
Аннотации статей и ключевые слова	220
Сведения об авторах	227

CONTENTS

<i>M.A. Yadova.</i> Youth in the face of the challenges of modern times: Current issues of sociological research. Introduction	7
---	---

ARTICLES AND REVIEWS

<i>M.A. Yadova, E.V. Yakimova.</i> Trends of becoming adults in the postmodern era	12
<i>A.M. Ponamareva.</i> Involving young people in network structures of the «Islamic State»	19
<i>S.G. Kim.</i> Young people as perpetrators and victims of violence. (Summary review)	31
<i>M.A. Yadova.</i> The Crimean crisis-2014 as seen by «modernists» and «traditionalists» of the post-Soviet generation	45
<i>Ya.V. Evseeva, M.A. Yadova.</i> Sociological studies of childhood and adolescence in contemporary Russia: Analytical review of the materials of the All-Russian scientific and practice-oriented conference with international participation «Children and society: Social reality and innovations», 23–24 October 2014	60
<i>M.A. Yadova.</i> Youth studies in Latin America: Trends and prospects. (Summary review)	92

SUMMARIES

<i>Eliason S.R., Mortimer J.T., Vuolo M.</i> The transition to adulthood: Life course structures and subjective perceptions	105
<i>Galland O.</i> The values of young Europeans: An overall picture	113
Consequences of 9/11 and the war on terror on children's and young adult's mental health: A systematic review of the past 10 years / Rousseau C., Jamil U., Bhui K., Boudjarane M.	120

<i>Serracant P.</i> The impact of the economic crisis on youth trajectories: A case study from Southern Europe.....	129
Youth in the unstable African states: Career expectations and trajectories. (Joint summary).....	136
<i>Willging C., Quintero G., Lilliot E.</i> Hitting the wall: Youth perspectives on boredom, trouble and drug use dynamics in rural New Mexico	147
<i>Fernqvist S.</i> Joining in on different terms: Dealing with poverty in school and among «peers»	155
<i>Benedicto H., Luz Moran M.</i> Another kind of politicization? Representations of collective life and processes of civic participation of disadvantaged youth	161
<i>Dos Santos I.</i> Angola: An Eldorado for the Portuguese youth? Imagined worlds and mobility experiences in the Lusophone world	168
Life trajectories of the Japanese youth: Changes in the patterns of romantic relationships, marriage and employment. (Joint summary)	175
<i>Sprecher S., Hatfield E.</i> The importance of love as a basis of marriage: Revisiting Kephart (1967)	187
Hikikomori and NEET: Characteristics of social self-isolation among young people. (Joint summary).....	192
Bulling among teenagers: Causes and consequences. (Joint summary)	200
<i>Wright M.F.</i> Cyber victimization and perceived stress: Linkages to late adolescents' cyber aggression and psychological functioning	210
The corporeality of living stressful femininity: A gender-theoretical analysis of young Swedish women's stress experiences / Strömböck M., Formark B., Wiklund M., Malmgren-Olsson E.-B.	215
Abstracts and keywords	220
About authors	227

М.А. Ядова

**МОЛОДЕЖЬ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОСТИ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Предисловие

Ключевые слова: молодежь; современность; социологические исследования.

Ключевым понятием, приближающим ученых к категории «молодежь», является возраст. Однако представления о молодости относительно и социально обусловлены. По мнению специалистов, нижняя граница молодежного возраста, как правило, связана со временем полового созревания, окончания школы, начала профессионального обучения, а верхняя – с юридическим совершеннолетием, завершением профессионального обучения, вступлением в брак, достижением экономической независимости, высокого профессионального уровня и личностной зрелости¹. Поскольку эти процессы завершаются в разные периоды времени, хронологические рамки молодости могут варьироваться. В современном мире нижняя возрастная граница молодости обычно устанавливается на уровне 14–16 лет, верхняя охватывает период между 25 и 35 годами.

Существует множество определений молодежи. Исследователей прежде всего разделяют различные подходы к предмету изучения – с позиции социологии, психологии, педагогики, истории, политологии, социальной антропологии и т.п. В социологии под молодежью принято понимать «социально-демографическую

¹ Молодежь России: Тенденции, перспективы / Под ред. И.М. Ильинского, А.В. Шаронова. – М.: Молодая гвардия, 1993. – С. 15.

группу, выделяемую на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств»¹.

Социология молодежи как самостоятельная отрасль социального знания в нашей стране и за рубежом возникла во второй половине прошлого столетия и институционально оформилась к 1970-м годам. Социологи первыми среди обществоведов увидели в молодежи как социальной группе присущие только ей черты, идеалы, ценности, поведенческие установки и нормы. Кроме того, они заговорили о специфических молодежных проблемах, детерминированных в первую очередь социальными причинами.

Отечественные исследователи Ю.Р. Вишневский и В.Т. Шапко выделяют ряд научных подходов, сложившихся в социологии молодежи². В рамках *психофизиологического* подхода молодость рассматривается как период между пубертатом (половым созреванием) и «maturity» (полной зрелостью). *Социально-психологическое* направление уделяет внимание молодежному возрасту с присущими тому биологическими и психологическими отношениями. Согласно *стратификационному* подходу, молодежь – особая социально-демографическая группа со своими социальными позициями и статусом. Для *конфликтологов* молодость – это прежде всего проблемная стадия в жизни человека, характеризующаяся стрессами и трудностями. Последователи *ролевого* подхода считают, что главное отличие молодежи кроется в ее специфических поведенческих ролях, уже «не мальчика» (Ребенка, по классификации Э. Фромма), но еще и «не мужа» (Взрослого). В фокусе внимания специалистов *субкультурного* направления находятся стилевые и культурные особенности образа жизни молодых. *Социализационные* концепции подразумевают, что молодость – это в первую очередь период усвоения социальных норм, время первичной социализации. С точки зрения приверженцев *интеракционистских* теорий, молодость – одно из трех состояний души, нечто среднее между позициями «Взрослый», характеризующейся нормативным, рациональным поведением, и «Ребенок» с его ориентацией на спонтанность, непосредственность и нестандартность. *Процессу-*

¹ Кон И.С. Молодежь // Философский энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – С. 375.

² Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Современная российская молодежь: Методология изучения // Молодежь и общество на рубеже веков / Науч. ред. И.М. Ильинский. – М.: Голос, 1999. – С. 243–244.

альному подходу свойственен взгляд на молодежь как на людей, находящихся в стадии становления. Для последователей *субъективного* направления молодость не столько конкретный возраст, сколько особое мироощущение, характеризующееся оптимизмом, открытостью новому, активностью, жадной деятельностью.

Интерес исследователей к молодежной теме неразрывно связан с процессами индустриализации и модернизации общества. В традиционных социумах, где «прошлое взрослых оказывается будущим каждого нового поколения»¹, о выделении особого положения молодежи не могло идти и речи. После успешного прохождения обряда инициации и освоения необходимых для полноценной жизни навыков вчерашние дети наделялись социальным статусом взрослого равноправного члена общины. Тогда как в современном и особенно постсовременном обществах усложнение социальной жизни и трудовой деятельности повлекло за собой удлинение необходимых сроков обучения и периода «ролевого моратория».

Несмотря на то что в СССР и на Западе внимание к «молодежному вопросу» было обусловлено схожими причинами, подходы к этой теме заметно различались. Единственным объединяющим советские и западные дискурсы фактором стало «объектно-эксплуататорское» отношение к молодежи со стороны тогдашнего исследовательского сообщества².

Широко распространенные на Западе теории субкультуры и контркультуры были своеобразным ответом ученых на моральные паники обывателей, встревоженных проявлениями различных форм молодежной культуры³. Долгое время западных социологов отличал односторонний – «проблематизированный» – взгляд на молодежь: в своих работах они уделяли особое внимание молодежным девиациям и другим «опасностям», исходящим от представителей новых поколений⁴. В итоге стремление изучать только «проблемную» молодежь привело к тому, что вне исследовательского интереса оказалось большинство молодых людей, чье поведение не нарушало законов и общепринятых нравственных устоев. Совет-

¹ Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения. – М.: Наука, 1988. – С. 322.

² Омельченко Е.Л. Молодежь: Открытый вопрос. – Ульяновск: Симбирская книга, 2004. – С. 25.

³ Там же. – С. 18.

⁴ См., в частности, работы: Cohen A.K. Delinquent boys: The culture of the gang. – Glencoe (IL): Free press, 1955; Cohen A.K. Folk devils and moral panics: The creation of the Mods and Rockers. – L.: Paladin, 1973.

ские социологи, напротив, фокусировались преимущественно на социально одобряемой деятельности молодежи, воспринимая юношей и девушек как потенциальных творцов «светлого будущего и строителей коммунизма»¹. Характерная для советского общества цензура, создавая многочисленные информационные барьеры, делала подчас невозможным серьезное исследование действительно проблемных сторон жизни советской молодежи. К тому же, как справедливо замечает российский социолог Е.Л. Омельченко, западные теории в большинстве своем выросли из биосоциальных, психологических и культурологических концепций развития личности, а советские базировались на доктрине «марксистско-ленинской идеологии»².

Сегодня различия между отечественными и западными подходами постепенно стираются. Очевидно, что такое сближение – результат сходных тенденций, происходящих во многих странах мира. Реалии современной жизни заставляют социологов пересмотреть привычные «объективированные» концепции и увидеть в молодых людях полноправных социальных акторов, способных на качественное преобразование окружающей реальности. При этом некоторые исследователи призывают рассматривать индивида в качестве самостоятельного субъекта уже с детства³.

Настоящий сборник – результат продолжительной работы сотрудников отдела социологии и социальной психологии ИНИОН РАН и приглашенных авторов; большинство материалов ранее были опубликованы в издаваемом отделом реферативном журнале «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология». В предлагаемых вниманию читателей статьях, обзорах и рефератах анализируются изменения, сопровождающие процесс взросления современной молодежи. В трансформирующихся социумах жизненные траектории представителей новых поколений дестандартизируются, а период «транзита» от юности к взрослости усложняется и удлиняется. Жизнь в «обществе риска» значительным образом влияет на взгляды и поведение молодых людей, заставляя их выбирать наиболее

¹ Омельченко Е.Л. Молодежь: Открытый вопрос. – Ульяновск: Симбирская книга, 2004. – С. 25.

² Там же.

³ Подробнее см., например.: James A., Jenks C., Prout A. Theorizing childhood. – Oxford: Polity, 1998; Lee N. Childhood and society: Growing up in an age of uncertainty. – Buckingham: OUP, 2001.

эффективные стратегии адаптации к перманентной социальной нестабильности.

Круг рассматриваемых тем чрезвычайно широк: это и считающиеся традиционно молодежными вопросы (личностное, профессиональное самоопределение, взаимоотношения со сверстниками, выбор спутника жизни и т.д.), и стоящие перед новыми поколениями глобальные угрозы социального, экономического и политического характера. Нам показалось целесообразным, чтобы география исследований, представленных в сборнике, не ограничивалась Россией, Европейским сообществом и США, но также включала бы страны Азии, Африки и Латинской Америки. Несмотря на то что заявленные в сборнике работы не позволяют оценить всю широту проблемно-тематического диапазона ювентологических социологических исследований, надеемся, что нам удалось дать читателям хотя бы некоторое представление о наиболее злободневных проблемах, с которыми приходится сталкиваться современной молодежи.

М.А. Ядова, Е.В. Якимова

ТЕНДЕНЦИИ ВЗРОСЛЕНИЯ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

В эпоху постмодерна привычные взгляды о едином, унифицированном пути социального развития сменяются представлениями о его неопределенности и вариативности. Стремительно трансформирующиеся социальные реалии вкупе с усилением «хаотизации» общественного порядка заставляют говорить об особых актуальных тенденциях взросления.

По словам отечественного психолога К.Н. Поливановой, среда развития, в которой происходит становление современного человека, находится под влиянием следующих общемировых процессов [Поливанова, 2012]:

1) экономическая глобализация (транснациональность капитала, дерегуляция рынков труда, управления, либерализация торговли, появление электронных денег); 2) политическая (демократизация, открытие и закрытие границ, всевозможные формы трудовой миграции, рост разного рода политических движений, в том числе неолиберализм, правые движения, фундаментализм); 3) культурная (вестернизация, обретение английским языком статуса универсального языка, распространение поп-культуры); 4) коммуникационная (усиление роли массмедиа, Интернета, появление возможности моментально связаться с необходимым человеком, увеличение скорости передвижения по миру).

Сегодня происходит сложная трансформация социокультурных пространств, которые еще несколько десятилетий назад казались неизблемыми. Среди этих изменений выделяют экономическую нестабильность, сужение вертикально-иерархических

способов управления, распространение информационных технологий, ориентацию на индивидуализацию [Поливанова, 2012].

В современной западной социологической литературе бытует несколько вариантов объяснения трансформации паттернов взросления в эпоху позднего модерна [Bauman, 1992; Beck, 1992; Castells, 1996]. При этом большинство исследователей акцентируют следующие ключевые параметры этого процесса: удлинение / расширение границ юности, нелинейность жизненных траекторий, повторяемость фаз жизненного цикла и их диверсификация.

Под удлинением имеется в виду тенденция к более затяжному, чем прежде (растянутому во времени и отчасти – в социальном пространстве), процессу вступления молодого человека во взрослую жизнь. Для человека позднего модерна юность, по сравнению с другими периодами жизни, становится едва ли не самым существенным биографическим этапом, который в значительной мере предопределяет последующий индивидуальный жизненный путь. Подготовка индивида к полноценному участию в жизни социума приобретает сегодня дробный характер, ее промежуточные фазы множатся, удлиняются и демонстрируют все новые и неожиданные формы. Повышение социальных требований к вступающему в жизнь человеку постмодерна предполагает более длительный период обучения и приобретения специальных знаний и отложенный момент выхода на рынок труда; особая экономическая незащищенность молодых людей, столкнувшихся с реалиями взрослой жизни (безработица или временная занятость) заставляет их позднее покидать родительский кров и откладывать обзаведение собственным домом и семьей на более отдаленный возрастной период.

Помимо этого, обнаруживается тенденция к «присвоению» молодостью заключительных этапов отрочества: современные подростки все чаще демонстрируют поведенческие и ролевые паттерны, свойственные юности. Это обстоятельство заставляет исследователей задуматься о введении специального термина для обозначения социовозрастной группы, которая приобретает доступ к материальным и нематериальным атрибутам взрослой жизни, оставаясь в личностно-биографическом плане на уровне тинейджеров [Alléon, Morvan, Lebovici, 1985; Serracant, 2015]. Таким образом, фаза юности удлиняется в обоих временных направлениях.

Нелинейность жизненных траекторий выражается в нарушении традиционной последовательности сменяющих друг друга этапов внутри данной фазы жизненного цикла: получение образования – работа – достижение финансовой независимости – созда-

ние семьи – рождение ребенка [Pollock, 2008; Baizan, Michielin, Billari, 2002; Serracant, 2015]. Ряд исследователей считают, что классическая цепочка жизненных трансформаций претерпела изменения уже в европейских обществах модерна; еще менее пригодна данная модель для описания биографических маршрутов молодого человека в современном мире, где преобладает постфордистский вариант жизненного пути. Зачастую юноши и девушки совмещают либо попеременно чередуют учебу и трудовую деятельность; нередки случаи, когда взрослый ребенок возвращается в отчий дом после нескольких лет самостоятельной жизни либо создает семью, еще не имея финансовой независимости.

Под тенденцией возвратности обществоведы предлагают понимать повторение социальных практик, уже имевших место в жизни молодого человека (получение еще одного образования, воссоединение с родительской семьей после периода самостоятельности). В фордистских обществах относительная ригидность цепочки жизненных событий в юности, вероятно, была обусловлена приверженностью твердым жизненным принципам. В то же время ориентация на индивидуалистические ценности, характерная для современного общества, делает возвратно-поступательное движение в границах юности почти нормой. Тем не менее возвратность как механизм нарушения линейности жизненного цикла может проявлять себя и в рамках традиционной последовательности его внутренних субпереходов [Serracant, 2015].

Наконец, диверсификация жизненных траекторий современной молодежи связана со свойственными эпохе позднего модерна тенденциями «биографической» индивидуализации и саморефлексии. Это прежде всего обусловлено возрастающей необходимостью для человека постмодерна самостоятельно справляться с возникающими перед ним социальными вызовами и трудностями [Leccardi, 2005].

Особого интереса заслуживает рассмотрение в новейших западных исследованиях социальных факторов, влияющих тем или иным образом на содержательную трансформацию этапов взросления. Популярностью у социологов пользуется, в частности, концепция биографического выбора, согласно которой рефлексивность и диверсификация жизненных путей в юности подготавливаются и поддерживаются доступностью и масштабностью тех ресурсов (материальных, образовательных и т.п.), которые современное общество предоставляет своим новым членам.

Вместе с тем значительный массив эмпирических исследований¹, проводившихся на протяжении двух последних десятилетий в ряде западноевропейских стран, показывает, что выявленные общие тенденции изменения внутренней структуры жизненных траекторий современной молодежи и деформация линейности и поступательности личных и поколенческих биографий опосредуются национальной и культурной спецификой, религиозной традицией, региональными экономическими особенностями, социально-классовыми позициями и даже личностными перцепциями процесса взросления. С этой точки зрения заслуживает внимания модель режимов социального обеспечения, разработанная в 1990-е годы и получившая конкретизацию уже в нынешнем столетии [Esping-Andersen, 1990; Globalization, uncertainty... 2005; Walther, 2006; Van de Velde, 2008].

В данной концепции специфические паттерны взросления в обществах позднего модерна трактуются как совокупный итог доминирующих национальных и культурных ценностей, с одной стороны, и содержания социальной политики – с другой. Так, в Северной Европе преобладает государственная и социальная поддержка длительного, активного, экспериментального жизненного поиска в юности. В континентальной Европе сохраняет свое влияние корпоративная установка, заставляющая молодежь так или иначе встраивать свою жизнь в существующую образовательную систему, что, в свою очередь, гарантирует ей социальную идентичность и статус в соответствии с избранной нишей на рынке труда. Соответственно, жизненные траектории молодежи здесь более линейны и менее длительны, но при этом ориентированы на финансовую помощь семьи. В либеральных англосаксонских странах режим социальной политики поощряет раннюю автономию молодежи; жизненные траектории юности здесь изначально ориентированы на трудовую деятельность, что предполагает раннюю экономическую самостоятельность, самофинансирование образования и независимость от родителей. На юге Европы возрастная сегментация рынка труда, слабость социальной политики и малодоступность социальных гарантий способствуют устойчивости традиционных межпоколенческих связей. Данную стратегию можно рассматривать как договоренность между поколениями об ограниченной автономии взрослых детей в родительском доме до

¹ Подробнее см., например, рефераты, опубликованные в настоящем сборнике.

достижения ими необходимой экономической самостоятельности, что позволяет говорить о «семейственном» режиме взросления [Seracant, 2015, p. 41–42].

Примечательно, что, по результатам исследований отечественных социологов, процесс взросления российской молодежи обнаруживает схожие тенденции. Начиная с 1990-х годов выявляется «существенное обновление общей траекторной картины процесса социализации молодежи» [Ковалева, 2003, с. 115]. В жизненных траекториях молодежи «проявляются... преждевременное или запаздывающее освоение социальных норм и культурных ценностей, обретение социальных ролей, а также затяжные кризисы социализации в молодежном возрасте, для которой рассогласовываются пути, сроки и способы становления» [там же].

Эти наблюдения позволяют предположить, что свобода выбора жизненных траекторий, постулируемая социологической теорией постмодерна как предпочтительный биографический вариант в третьем тысячелетии, нуждается в эмпирических поправках и конкретизациях, учитывающих культурный и социально-экономический контекст возможных биографических поворотов.

Помимо этого, стоит отметить характерную для общества постмодерна ориентацию на «вечную молодость», которая, охватывая все сферы жизни социума, формирует инфантильный этос поведения. В целом темпы «омоложения» человечества таковы, что еще в 2003 г. Национальная академия наук США предложила считать 30-летний возраст временем окончания подросткового периода в жизни среднестатистического человека, а, по мнению экспертов Американского общества подросткового здоровья и медицины, по-настоящему взрослым человек становится лишь после 34 лет [Danesi, 2003].

По словам украинского социального психолога М. Дворник, постмодернистская реальность формирует особый тип личности – кидалта [Dvornyk, 2016]. Словом «кидалт» (от англ. *kid* – ребенок и *adult* – взрослый) принято обозначать взрослого, сохраняющего детские увлечения. Впервые это понятие было употреблено в 1980-е годы обозревателем газеты «The New York Times» П. Мартином для описания мужчин старше 30 лет, на первый взгляд, вполне состоявшихся, но продолжающих получать удовольствие от детских игр, просмотра мультфильмов и пр. Кидалтам, как правило, свойственны психологический и социальный инфантилизм, избегание ответственности, отторжение идентично-

сти взрослого, а также высокий уровень суггестивности и ориентация на анахроничное выстраивание собственной жизни.

Наверное, не будет преувеличением сказать, что феномен кидалтизма – следствие дестандартизации «биографических маршрутов» современного человека. Еще несколько десятков лет назад вступление во взрослую жизнь традиционно связывалось с обретением финансовой самостоятельности, получением стабильной работы, браком и рождением детей. Однако гибкие условия постмодернистской реальности больше не вынуждают индивида «маркировать» свою жизнь многими атрибутами «взрослого» статуса. Это, по словам М. Дворник, породило новое – ориентированное на игру – отношение к окружающему миру, что делает кидалта как особый тип *homo ludens* ключевой фигурой постмодернистского пространства [Dvornyk, 2016].

Подводя итоги, отметим, что социальные трансформации, характерные для постсовременных обществ, существенно удлиннили и видоизменили период «перехода» от юности к взрослости. В свою очередь стремительность происходящих изменений, необходимость преодоления глобальных угроз требуют от исследователей выработки новых научных подходов к изучению тенденций и трудностей взросления.

Список литературы

- Ковалева А.И. Концепция социализации молодежи: Норма, отклонения, социализационная траектория // Социологические исследования. – М., 2003. – № 1. – С. 109–115.
- Поливанова К.Н. Практики развития: Взросление в современном мире: Материалы научно-экспертного семинара «Новое детство» // PsyJournals.ru: Портал психологических изданий. – М., 2012. – Режим доступа: http://psyjournals.ru/newchildhood/issue/56292_full.shtml (Дата обращения: 30.07.2018.)
- Alléon A.-M., Morvan O., Lebovici S. Adolescente terminée, adolescence interminable. – P.: PUF, 1985. – 240 p.
- Baizan P., Michielin F., Billari F.C. Political economy and life course patterns: The heterogeneity of occupational, family and household trajectories of young Spaniards // Demographic research. – Norderstedt, 2002. – Vol. 6, N 8. – P. 190–240.
- Bauman Z. Intimations of postmodernity. – L.: Routledge, 1992. – XXVIII, 232 p.
- Beck U. Risk society: Towards a new modernity. – L.: SAGE, 1992. – 288 p.
- Globalization, uncertainty and youth in society / Ed. by H.P. Blossfeld, E. Klijzing, M. Mills, K. Kurz. – L.; N.Y.: Routledge, 2005. – XXVII, 452 p.
- Castells M. The rise of the network society. – Malden (MA): Wiley-Blackwell, 1996. – 480 p.

- Danesi M.* Forever young: The «teen-aging» of modern culture. – Toronto: Univ. of Toronto press, 2003. – X, 139 p.
- Dvornyk M.* Postmodern rejuvenation of grown-ups: Who are kidults? // Психологічні науки: Проблеми і здобутки: 36. наук. пр. – Київ, 2016. – N 9. – С. 56–71. – Режим доступа: <http://lib.iitta.gov.ua/705695/1/Postmodern%20Rejuvenation%20of%20Grown-Ups%20Who%20Kidults%20Are.pdf> (Дата обращения: 30.07.2018.)
- Esping-Andersen G.* The three worlds of welfare capitalism. – Cambridge: Polity press, 1990. – XI, 248 p.
- Leccardi C.* Facing uncertainty: Temporality and biographies in the new century // Young. – L., 2005. – Vol. 13, N 2. – P. 123–146.
- Pollock G.* Youth transitions: Debates over the social context of becoming an adult // Sociology compass. – Oxford, 2008. – Vol. 2, N 2. – P. 467–484.
- Serracant P.* The impact of the economic crisis on youth trajectories: A case study from Southern Europe // Young. – L., 2015. – Vol. 23, N 1. – P. 39–58.
- Van de Velde C.* Devenir adulte: Sociologie comparée de la jeunesse en Europe. – P.: PUF, 2008. – IX, 278 p.
- Walther A.* Regimes of youth transitions: Choice, flexibility and security in young people's experiences across different European contexts // Young. – L., 2006. – Vol. 2, N 14. – P. 119–139.

А.М. Понамарева

**ВОВЛЕЧЕНИЕ МОЛОДЕЖИ
В СЕТЕВЫЕ СТРУКТУРЫ
«ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА»**

Увеличение количества добровольцев из Европы, готовых воевать на стороне группировки «Исламское государство» (ИГ)¹, вызывает крайнюю обеспокоенность западного политического истеблишмента. Особенно тревожным представляется тот факт, что значительную часть потенциальных наемников составляют представители мусульманских меньшинств второго и третьего поколения иммиграции. Это *граждане* европейских государств, т.е. те, от кого ожидают полной интеграции в социокультурное пространство Европы и готовности связать свое будущее со Старым континентом. Обострению угрозы национальной безопасности европейских государств также способствует изменение направленности вербовочной работы террористических группировок вследствие успешного освоения ими сетевых форм организации и социальных медиа. Как отмечает британский социолог Четан Бхатт, в основе эффективности интернет-пропаганды современных террористических организаций лежит следующий принцип взаимодействия с целевой аудиторией: «Вы не должны приезжать к нам для прохождения боевой подготовки, мы перенесем обучение к вам домой; вы сможете сделать все что угодно самостоятельно, используя инст-

¹«Исламское государство» – исламистская террористическая организация, действующая на территории Ирака и Сирии (сокращенно ИГ или ИГИЛ, в арабских СМИ – ДАИШ). ИГ признано террористической организацией в Австралии, Великобритании, Египте, Индии, Индонезии, Канаде, ОАЭ, США, Таджикистане, Турции, а также в России (с 29 декабря 2014 г.). Ее деятельность на территории этих стран запрещена.

рукции, находящиеся в общем доступе; вам не требуется чье-либо разрешение для начала операций, вы всего лишь должны сделать первый шаг» [Bhatt, 2014, p. 30]. В данном контексте показательно, что основными исполнителями серии парижских терактов 2015 г., ответственность за которые взяло на себя «Исламское государство», оказались молодые люди с арабскими именами, но с европейскими паспортами. Следует отметить, что в общественной реакции на случившееся некоторые эксперты увидели «спасительное социально-политическое пробуждение»: они обратили внимание на высказывания отдельных французских граждан – потомков иммигрантов-мусульман, которые заявляли, что впервые почувствовали себя истинными французами, поскольку произошедшие события побудили их провести ревизию собственных ценностей и окончательно определиться с тем, какую страну считать родиной [Ушкова, 2016]. Однако подобный оптимистический подход оставляет без внимания тех представителей иммигрантского сообщества, кто по итогам переоценки ценностей пришел к прямо противоположным выводам, но по вполне понятным причинам не сообщил об этом.

Проблема наемников актуальна и для Российской Федерации, где ислам, в отличие от Европы, является традиционной религией автохтонных народов. В сознании масс и правящих элит еще слишком свежи воспоминания о трагических событиях, сопутствовавших волне этносепаратизма начала 1990-х годов, чтобы игнорировать фактор притяжения транснационального вооруженного джихадизма ИГ и его роль в радикализации молодежи мусульманских регионов страны (беспокойного Северного Кавказа в частности). Дополнительную остроту вопрос противодействия пропаганде ИГ обретает в контексте доминирования среднеазиатского вектора трудовых мигрантов в России. Многие выходцы из Центральной Азии (ЦА), стремящиеся в Сирию, используют российскую территорию как «перевалочный пункт» на пути к участию в войне за халифат. Помимо этого, как пишет издание *Financial Times*, цитируя Ноа Такера, автора доклада о вовлечении Центральной Азии в конфликт в Сирии и Ираке, 80–90% бойцов ИГ из числа граждан Узбекистана, Таджикистана и Киргизии были завербованы, находясь на заработках в России. «В этих странах – поясняет американский исследователь, – локальная и региональная идентичности обладают значительно большей важностью, чем национальная. Когда они [трудовые мигранты] приезжают в Россию, то утрачивают связь со своим “комьюнити” и подменяют идентичность ме-

стного сообщества исламской» [Hille, 2015]. Хотя приводимые Н. Такером статистические данные представляются несколько завышенными и напоминают сознательный медиавброс, призванный убедить широкую общественность в неэффективности работы российских спецслужб, выявленный американским экспертом вектор трансформации идентичности переселенцев из ЦА в ситуации разрыва с родиной заслуживает самого пристального анализа.

С нашей точки зрения, ИГ особо опасно именно в качестве молодежного проекта, адресующего свой эмоциональный призыв социальной группе, которая наиболее чувствительна к любым изменениям, происходящим в экономической и политической сферах.

С одной стороны, молодежь традиционно воспринимается как носитель некоего инновационного потенциала, как группа, обеспечивающая динамику социальных изменений. С другой стороны, жизненный старт неизбежно опосредован рядом проблем – получения образования, начала трудовой деятельности, создания семьи, профессионального роста – и все это обуславливает уязвимость молодых людей в широком смысле слова. Будучи частью общества, молодежь обременена всем комплексом противоречий, связанных с реализацией присущих ей социальных функций – воспроизводственной, трансляционной, инновационной¹. В силу этого в условиях кризиса государственной системы молодые люди стал-

¹ Говоря о воспроизводственной, трансляционной и инновационной функциях молодежи, мы опираемся на совокупность теоретических положений, выдвинутых и обоснованных под руководством В.И. Чупрова и положенных в основу крупного научного проекта «Социальное развитие молодежи», осуществлявшегося в Институте социально-политических исследований РАН в 1991–2002 гг. С нашей точки зрения, плодотворность концепции социального развития молодежи В.И. Чупрова в макросоциальном контексте обуславливается, в числе прочего, ее легкой «переводимостью» в инструментарий эмпирических исследований. Как отмечает ученица и последовательница В.И. Чупрова, автор рискологической концепции молодежи Ю.А. Зубок: «Такой подход позволяет обосновать меру существенных признаков, необходимых для операционализации молодежи как базового понятия данной отрасли социологии. В качестве меры выступает способность молодого поколения унаследовать, воспроизвести на качественно новой основе и передать (транслировать) следующим поколениям всю систему социальных отношений, обеспечивающих внутреннюю устойчивость и целостность общества. То есть функционирование и развитие молодежи как социально-демографической группы отражает становление субъекта общественного производства и общественной жизни. Соответственно нарушение, дисфункция этого процесса лежит в основании социальных проблем молодежи». См.: [Зубок, 2007, с. 11]. См. также: [Молодежь России, 1992; Чупров, 1994].

квиваются с серьезными проблемами в сферах образования (незаинтересованность политических элит в реализации массами права на получение качественного образования; неравенство доступа к культурным ценностям) и труда (замкнутый круг: «нет опыта – нет работы – нет опыта»; невысокие стартовые возможности, низкие зарплаты и т.п.), а также при выборе пространства самореализации (поселенческий фактор, ошибки самоопределения и др.) [Социальная работа... 2011].

Уязвимость молодежи в узком смысле слова в современной научной литературе связывается с личностными проблемами, которые отражают объективные трудности жизни этой социальной группы. К факторам, обладающим наиболее ярко выраженным негативным влиянием, относят: нестабильность родительской семьи; резкое усиление имущественного расслоения, которое приводит к складыванию жестко стратифицированного общества с ограниченными возможностями социальной мобильности; отсутствие нормальной системы кредитования и продуманной социальной политики; неуверенность в завтрашнем дне. Совокупное воздействие вышеперечисленных факторов оборачивается ослаблением ценностей гражданской солидарности у подрастающего поколения, ростом социальной напряженности и радикализацией отдельных когорт молодежи.

Неустойчивость как имманентная характеристика социального положения молодежи в кризисных обществах обуславливает особое внимание вербовщиков ИГ к людям, только вступающим во взрослую жизнь. В данном контексте крайне актуальным представляется выявление механизмов вовлечения молодежи в ультрарадикальные исламистские организации.

Одним из наиболее ярких исследований последних лет в обозначенной выше предметной области является работа главы Международного центра изучения экстремизма (*International center for the study of violent extremism*) Энн Спекхард «Беседуя с террористами: Понимание психосоциальной мотивации воинствующих джихадистов, захватчиков заложников, бомбистов-смертников и “мучеников”» [Speckhard, 2012]. В основу книги легли свыше 400 интервью, которые проводились как в зонах конфликтов, в том числе относительно недавних (Западный берег реки Иордан, сектор Газа, Ирак, Чечня), так и в формально безопасных странах (Марокко, Бельгия, Нидерланды, Великобритания). Обобщение – с учетом широкого социально-политического контекста – множества пристрастных повествований позволило

автору определить те объективные факторы, которые способствуют радикализации молодых людей. Полученные данные выявили несостоятельность попыток представить радикальные идеологии и психопатологии в качестве единственных источников терроризма. Крайне важным в условиях современной политизации ислама и нагнетания моральной паники вокруг религии Аллаха представляется однозначное неприятие автором тезиса о так называемой естественной радикализации мусульман. Эссенциалистский подход, предполагающий неразрывность ислама и фундаментализма и не учитывающий разнообразие мусульманских идентичностей в современном мире, очевидно, контрпродуктивен.

Так что же вынуждает молодых людей встать на путь терроризма? Резюмируя результаты своего исследования в эссе для издания *Freedom from Fear Magazine*, Э. Спекхард перечисляет основные ингредиенты «террористического коктейля»: «Первое: наличие группы, обладающей политической целью, которая определяет проблему и ее решение в терминах насилия, – группы, предрасположенной к использованию терроризма. Второе: идеологическое обоснование политических цели и миссии группы как в достаточной степени значимых, чтобы оправдать использование террористического насилия... Третье: определенная социальная поддержка избранного пути сообществом, к которому принадлежит индивид. И четвертое: личные мотивы и уязвимые стороны индивида, подверженные воздействию группы, идеологии и социального давления» [Speckhard, 2016].

Работа американской исследовательницы высвечивает существенную разницу в мотивации к террористической деятельности выходцев из зон конфликта и представителей относительно благополучных регионов¹. В первом случае индивид руководствуется преимущественно стремлением к восстановлению субъективно понимаемой справедливости через отмщение. Решение примкнуть к террористической группировке оказывается следствием психологической травмы, вызванной насилием, которое индивид испытал сам или же которого был свидетелем.

В странах, пользующихся репутацией благополучных, приносящими факторами зачастую становятся дискриминация, обманутые ожидания, желание разнообразить свою жизнь, насытить

¹ При этом воздействие пропаганды ИГ на молодежь не имеет географических ограничений.

ее романтикой, стремление повысить свой личностный статус или обрести славу (хотя бы «геростратову»).

Выводы Э. Спекхард совпадают с мнением отечественных политологов и экспертов, специализирующихся на теме радикальной исламизации молодежи. Типичная схема вербовки молодых гражданок РФ, выявленная сотрудниками компании *InfoWatch* (ведущий российский разработчик комплексных решений для защиты корпоративной информации на основе собственных технологий лингвистического анализа¹), заключается в следующем: красавец-мужчина восточной внешности знакомится через Интернет с юной девушкой, влюбляет ее в себя и зовет жить в Финляндию, Швецию или Норвегию. Уже там начинается религиозная обработка, после чего девушка оказывается в Сирии, одна в чужой стране, полностью во власти своего возлюбленного, и может стать шахидкой [Седаков, 2016]. Как отмечает консультант Центра психологической помощи и психологической посткризисной реабилитации (г. Назрань, Республика Ингушетия), доцент Московского городского психолого-педагогического университета О.С. Павлова: «“Миссионеры” знают, что нужно подросткам, романтизируют и героизируют противоправные действия, правовой нигилизм, “отрицаловку”, чем привлекают активных, но неспособных себя реализовать в чем-то позитивном молодых людей. Взрослые же не вполне понимают, что тех, кто запутался, нужно активно поддерживать». Предлагая вспомнить нашу мемуарную историю с Варварой Карауловой², О.С. Павлова подчеркивает, что «у девушки была

¹ В настоящее время многие предприятия обращаются в группу компаний *InfoWatch*, желая застраховаться от рисков, связанных с тем, что их наемные сотрудники могут оказаться членами запрещенных в России организаций. *Kribrum* от *InfoWatch* использует лингвистические технологии при мониторинге соцсетей и ежедневно в режиме *online* анализирует более 60 млн сообщений из 250 млн аккаунтов и 20 тыс. СМИ. С точки зрения экспертов, это позволяет видеть общую картину, однако пока в информационной войне РФ выступает в роли обороняющейся стороны и в лучшем случае лишь реагирует на угрозы.

² Варвара Павловна Караулова (Александра Павловна Иванова после смены имени) – мастер боевых искусств, студентка отделения культурологии философского факультета МГУ, ставшая известной после того, как 27 мая 2015 г. ушла из дома и не вернулась. СМИ сообщали, что, возможно, она пыталась присоединиться к ИГ. В поисках ее местонахождения участвовали МИД РФ, Интерпол, спецслужбы России, Турции, США, Великобритании, Испании, Сирии. 4 июня 2015 г. в результате совместных усилий была задержана на турецко-сирийской границе вместе с 13 россиянами (в основном женщинами) и четырьмя гражданами Азербайджана. Ее исчезновение и задержание стали поводом для специальных

нездоровая атмосфера в семье, и на этом фоне она стала легкой добычей вербовщика. Но когда ее вернули из Турции, она снова попала в ту же атмосферу одиночества, невнимания и непонимания, а кроме этого, вдобавок еще и под травлю – и через некоторое время ее снова заметили за общением с вербовщиком» [Балабас, 2016].

Позиционируя «Исламское государство» как эгалитарный проект, пропагандисты ИГ используют недоверие к бюрократии и жажду справедливости, естественные для большей части молодежи. Некоторые юноши и девушки, в особенности те, кто в силу своих религиозных взглядов не имеет особых перспектив социального продвижения на родине, а подчас и вовсе находится под наблюдением спецслужб, покупаются на миф о всеобщем равенстве правоверных в рамках халифата. Им кажется, что в ИГ нет ни притеснений, ни клановости, и там можно продвинуться по карьерной лестнице благодаря собственным заслугам.

Ключевую роль в радикализации молодежи мусульманских иммигрантских общин Западной Европы, с точки зрения Э. Спекхард, играют (как реальные, так и воспринимаемые в качестве таковых) расизм и ксенофобия принимающей стороны. С нашей точки зрения, понимание иммигрантом отсутствия перспектив социального и экономического роста в европейском обществе, даже при условии усвоения им ряда западных ценностей, сужает для него поле выбора возможных аккультурационных стратегий. Доступные инокультурным иммигрантским меньшинствам преимущества европейского образа жизни оказываются недостаточной компенсацией болезненного разрыва со своей группой, и потому многие мигранты адаптируются к новой среде на основе наращивания социального капитала внутри своего этноконфессионального сообщества. В условиях дефицита иных ресурсов и навязывания негативной идентичности именно ин-групповые социальные связи, их плотность, разнообразие и разветвленность, наряду с человеческим капиталом, определяют условия жизни индивида. Эффективное использование этой стратегии предполагает, что круг лиц, образующих социальную сеть, где вращаются информация, деньги, материальные ресурсы, возможности трудоустройства и иные зна-

заявлений секретаря Совета безопасности России Н.П. Патрушева и пресс-секретаря Президента России Д.С. Пескова. 28 октября 2015 г. Лефортовский суд Москвы санкционировал ее арест, она является подозреваемой по статье о подготовке к участию в террористической организации.

чимые блага, обладает определенным уровнем взаимного доверия. Необходимость четко обозначить свою принадлежность к группе, понимаемой как источник поддержки в агрессивной среде, обуславливает большую сосредоточенность мусульман Западной Европы не на принципах и ценностях ислама, а на соответствующих традициях и обычаях, следование которым и выделяет приверженца данной религии в повседневной жизни. Намаз, рамадан, хиджабы и никабы в «больших городах» становятся, в терминологии Фредрика Барта, маркерами исламской идентичности. В случае мусульманских иммигрантских сообществ Западной Европы «круг доверия» формируется не столько по принципу «мы с тобой одной крови», сколько по принципу «мы с тобой одной веры», чему в немалой степени благоприятствует экстерриториальность исламской идентичности, воплощенная в концепте всемирной уммы.

В процессе рекрутирования сторонников террористические организации апеллируют к идеалистическим представлениям своих потенциальных членов и к их стремлению преодолеть чувство социальной изоляции. При этом формирование социальных связей зачастую предшествует возникновению чувства идеологической приверженности общему делу. Как отмечает американский политолог Макс Абрахамс, формируя «аффективные сообщества» (*affective communities*), террористические группировки могут стать «отдушиной для тех, кто ищет солидарности» [Abrahams, 2008, p. 100]. Аффективная составляющая служит важнейшим компонентом экстремистской деятельности: радость обретения чувства единства позволяет страстным поклонникам движения пренебречь общественно приемлемыми правилами и встать на тропу насилия ради достижения общих целей [Comas, Shrivastava, Martin, 2015, p. 50].

Если рассуждать в терминах Бенедикта Андерсона, то принадлежность к умме как к одному из типов «воображаемого сообщества», обязывая к некому единству высшего порядка, имплицитно ослабляет другие конкурирующие идентичности, в том числе гражданскую [Андерсон, 2016]. Этим обстоятельством умело манипулируют рекрутеры исламистских террористических организаций, вербуяющие молодых представителей иммигрантских мусульманских меньшинств в европейских странах. Террористы действуют от имени и во имя все той же уммы, несмотря на несогласие многих религиозных деятелей ислама с их самоидентификацией.

Развернувшийся на территории Сирии и Ирака конфликт стал своеобразной лакмусовой бумажкой, продемонстрировавшей

наличие существенного расхождения между политизированной этноконфессиональной лояльностью выходцев из «исламского мира» и общегражданскими, государственными интересами.

В данном контексте следует отметить, что террористические организации в полной мере оценили потенциал сетевых СМИ как одного из наиболее эффективных механизмов сплочения группы сторонников. Поскольку Интернет может использоваться как пространство формирования социальных сетей, а также поле вербовки, мобилизации, обучения, планирования и сбора средств, он является преимущественно перформативной платформой. Цитируя датского социолога Ютте Клаузен, мы можем констатировать, что развитие социальных сетей устранило прежнюю зависимость террористических организаций от СМИ и перевернуло традиционную медиapiрамиду, «превратив журналистов скорее в идеальных жертв, нежели в полезных проводников распространения идей» [Klausen, 2015, p. 20].

Вербовщики радикальных исламистских организаций активно используют в своей пропаганде видеосюжеты из конфликтных зон, работая над созданием травматического нарратива, который бы объединил максимальное количество «правоверных» вокруг идеи о необходимости ответить на так называемую агрессию Запада.

Согласно Дж. Александеру, культурное конструирование травмы включает в себя: 1) контроль средств символического производства; 2) кодирование травмы как зла; 3) придание событию статуса зла, определенного смыслового веса; 4) повествование о свойствах зла, о том, каким оно является, кто его жертвы, кто несет ответственность за них, каковы его последствия. Таким образом, в основе конструирования культурной травмы лежит историческая специфичность, в пространстве которой разворачивается конкуренция за символический контроль, власть и распределение ресурсов [Симонова, 2010].

В силу отсутствия непосредственного доступа к прошлому исторические события всегда оказываются культурно закодированными медийными репрезентациями. Будучи культурным конструктом, эти репрезентации тем не менее являются не фикциями, но «социальными фактами», опосредованными эмоционально, когнитивно и морально. Никакая травма не интерпретирует самое себя, это с необходимостью происходит внутри дискурсивных рамок.

Именно в процессе культурного конструирования травмы социальные группы через констатацию наличия страданий и обозначение их источника признают свою вовлеченность в происходящее.

Таким образом, коль скоро социальные группы определяют причину травмы в форме, предполагающей их собственную моральную ответственность, члены этих сообществ выстраивают свои солидарные связи способами, которые вынуждают их разделять страдания других. Воспринимая чужие переживания как свои собственные, сообщества раздвигают границы круга «мы» [Alexander, 2016, p. 4]. Применительно к рассматриваемому нами случаю можно говорить о том, что вербовщики, эксплуатируя воображаемое сродство, подталкивают молодежь исламских иммигрантских меньшинств Западной Европы к самоотжествлению с мусульманами, страдающими в конфликтных зонах.

Так, например, одна девочка-подросток из мусульманской общины Восточного Лондона рассказала, как вовлеченность в долгие интенсивные дискуссии по Интернету привела ее к решению отправиться в Сирию. «Я полагала, что Запад виноват в том, что мусульмане страдают – особенно в секторе Газа, где погибают невинные люди, особенно дети. Я чувствовала себя вероотступницей. Мне было нетрудно поддерживать эту двойственность между моей настоящей жизнью и жизнью в Интернете, где никто не знал, какая я в реальности». «Я видела столько сцен насилия, что это перестало оказывать какое-либо воздействие. Все сплелось в один клубок. Мне сейчас трудно в это поверить, – говорит она. – Главное, почему я хотела поехать в Сирию, это – примкнуть к “Исламскому государству”. Мне казалось, что это наилучший способ стать правильной мусульманкой» [Советы родителям, 2016]. Данный пример иллюстрирует не только влияние коллективно признанных травматических нарративов на трансформацию идентичности, но и то, с какой легкостью «экстерриториальный ислам» как образ жизни, оторванный от своих корней, может трансформироваться в радикальный религиозный фундаментализм с ложно понятой системой символов и ориентиров.

Таким образом, подводя краткий итог всему вышесказанному, отметим, что предотвращение радикализации молодежи и рекрутирования из ее среды потенциальных террористов, очевидно, требует реализации целого комплекса взаимосвязанных социально-экономических, внутри- и внешнеполитических мер. Обозначая возможные направления контртеррористической работы, нам представляется целесообразным завершить данную статью следующими словами специалиста-практика, вице-президента Международной ассоциации ветеранов подразделения антитеррора «Альфа» Алексея Филатова, отметившего: «Составление портрета вербовщика ИГИЛ –

это хорошо, но одновременно надо составлять и портрет его жертвы. Нам нужно найти тех членов нашего общества, которые потенциально восприимчивы к такой пропаганде, и выяснить, почему они на нее поддаются – только так мы сможем защитить их и всех нас» [Хилле, 2015].

Список литературы

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В.Г. Николаева под ред. С.П. Баньковской. – М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.
- Балабас Е. В школах пройдут уроки «антисектантства» // МК.RU. – М., 2016. – 21 марта. – Режим доступа: <https://beg.toprating-z.com/social/2016/03/20/v-shkolakh-proydu-uroki-antisektantstva.html> (Дата обращения: 20.08.2016.)
- Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. – М.: Мысль, 2007. – 288 с.
- Молодежь России: Социальное развитие / Под ред. В.И. Чупрова. – М.: Наука, 1992. – 205 с.
- Севаков П. Виртуальный халифат: Как Россия воюет с ИГ в Интернете // Forbes.ru. – М., 2016. – 28 марта. – Режим доступа: <http://www.forbes.ru/rassledovaniya/tekhnologii/316349-virtualnyi-khalifat-kak-rossiya-voynet-s-ig-v-internete> (Дата обращения: 20.08.2016.)
- Симонова О.А. Пути реализации «сильной программы» в культурной социологии Дж. Александера: Концепция иконического сознания и иконического опыта // Социологический ежегодник. – М.: ИНИОН РАН: Кафедра общей социологии ГУ-ВШЭ, 2010. – С. 137–165. – Режим доступа: http://www.sociolog.net/Ezhegodnik_2010.pdf (Дата обращения: 20.08.2016.)
- Советы родителям: Как распознать радикализацию подростка // BBC News. Русская служба. – 27.07.2016. – 27 июля. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/russian/features-36904887> (Дата обращения: 20.08.2016.)
- Социальная работа с различными группами населения: Учебное пособие / Под ред. Н.Ф. Басова. – М.: КноРус, 2011. – 529 с.
- Ушкова Е.Л. Прекратим тратить время: Заметки о терроризме и постколониальной ситуации [реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2016. – № 4. – С. 34–37. – Реф. ст.: Boccara G. Arrêtons de perdre du temps! Notes sur le terrorisme et la condition postcoloniale // Les temps modernes. – P., 2016. – Vol. 689, N 3. – P. 45–54.
- Хилле К. Россия и радикализация: Внутренние проблемы // ИноСМИ. – М., 2015. – 8 декабря. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20151208/234720794.html> (Дата обращения: 20.08.2016.)
- Чупров В.И. Теоретические и прикладные проблемы социального развития молодежи: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – М., 1994.

- Abrahms M.* What terrorists really want: Terrorist motives and counterterrorism strategy // International security. – Cambridge (MA), 2008. – Vol. 32, N 4. – P. 78–105.
- Alexander J.C.* Culture trauma, morality and solidarity: The social construction of «Holocaust» and other mass murders // Thesis Eleven. – L., 2016. – Vol. 132, N 1. – P. 3–16.
- Bhatt Ch.* The virtues of violence: The salafi-jihadi political universe // Theory, culture a. society. – L., 2014. – Vol. 31, N 1. – P. 25–48.
- Comas J., Shrivastava P., Martin C.E.* Terrorism as formal organization, network and social movement // J. of management inquiry. – L.; Thousand Oaks (CA), 2015. – Vol. 24, N 1. – P. 47–60.
- Hille K.* Russia and radicalisation: Homegrown problem // Financial times. – L., 2015. – Dec. 7. – Mode of access: [Whhttp://www.ft.com/cms/s/2/77156ed2-9ab0-11e5-be4f-0abd1978acaa.html#axzz48LohytM](http://www.ft.com/cms/s/2/77156ed2-9ab0-11e5-be4f-0abd1978acaa.html#axzz48LohytM) (Accessed: 20.08.2016.)
- Klausen J.* Tweeting the jihad: Social media networks of Western foreign fighters in Syria and Iraq // Studies in conflict a. terrorism. – Abingdon, 2015. – Vol. 38, N 1. – P. 1–22.
- Speckhard A.* Talking to terrorists: Understanding the psycho-social motivations of militant jihadi terrorists, mass hostage takers, suicide bombers and «martyrs». – West McLean (VA): Advances press, 2012. – 882 p.
- Speckhard A.* Talking to terrorists: What drives young people to become foreign fighters for ISIS and other terrorist groups and what can be done in response // Freedom from fear magazine. – Turin, 2016. – N 2. – P. 24–28. – Mode of access: [r-isihttps://read.un-ilibrary.org/human-rights-and-refugees/talking-to-terrorists-what-drives-young-people-to-become-foreign-fighters-fos-and-other-terrorist-groups-and-what-can-be-done-in-response_f0cbcaf4-en#page1](https://read.un-ilibrary.org/human-rights-and-refugees/talking-to-terrorists-what-drives-young-people-to-become-foreign-fighters-fos-and-other-terrorist-groups-and-what-can-be-done-in-response_f0cbcaf4-en#page1) (Accessed: 20.08.2016.)

С.Г. Ким

МОЛОДЫЕ ЛЮДИ КАК ВИНОВНИКИ И ЖЕРТВЫ НАСИЛИЯ

(Реферативный обзор)¹

В течение последних лет активно обсуждается вопрос о росте масштабов применения молодыми людьми силы и угроз по отношению к окружающим с целью принуждения их к определенного рода действиям. При этом преобладающими становятся такие формулировки и понятия, как *Homizidraten* – омоложение бандитизма и организованной преступности с высоким числом убийств; *youth bulge* – бум насилия в странах с большой долей молодежи в структуре населения; «*no-go*»-*areas* – районы, где власти потеряли контроль над происходящим и не в состоянии обеспечить соблюдение законности. Эти формулировки не просто дополнили привычные характеристики типов агрессивности среди молодежи, но и зафиксировали те их проявления, которые вызывают особую тревогу. В современных условиях бунтарский дух и юношеский максимализм нередко принимают гротескные формы. Исследования подтверждают, что возраст большинства участников криминальных разборок составляет от 12 до 24 лет, а межличностное насилие по значимости входит в первую тройку причин смерти в этой возрастной когорте. Подростки становятся не только главными виновниками, но и основными жертвами. Примечательно, что это происходит не только в Европе или Северной Америке, но и в

¹ Впервые обзор был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2012. – № 4. – С. 31–45.

странах с низким и средним уровнем доходов, где совершаются до 90% убийств.

Все это сообщает проблеме молодежного насилия особую актуальность, так как оно совпадает с фазой социализации, которая очерчивает контуры всей последующей жизни, оказывая серьезное воздействие на психологическое и социальное функционирование личности. В данный период юношество осваивает правила сосуществования, устанавливает морально-этические ориентиры и выбирает приемлемые векторы поведения и средства, чтобы стать успешным в жизни. Поэтому любое общество стремится к оценке свойств молодежного произвола, что сопровождается поисками технологий его упорядочения и поддержания равновесия посредством введения регулирующих нормативов¹. Полученный негативный опыт, безусловно, преобразует и индивидов, и общество в целом. Независимо от того, выступает человек жертвой или преступником, очевидны драматические последствия для благополучия людей и прочности системы. Отсюда актуальность изучения истоков силового давления, которое, порождая необходимость его отторжения, все более приобретает эндемические очертания. Чтобы реагировать на инциденты подобающим образом, нужно не только классифицировать их виды, но и сформировать теоретико-методологический инструментальный их объяснения. Это сделает возможным заблаговременное планирование реакции, адекватной той или иной ситуации, и контрстратегий по отношению к нарушениям закона, совершаемым членами неформальных организаций.

Аналитики единодушны в том, что эволюция общества свидетельствует о постоянном росте потенциала насилия, но сегодня на передний план все чаще выходят его косвенные и скрытые формы. Кроме того, этапу созревания подрастающего поколения присуща большая подвижность и контрастность, что связано с поисками идентичности, адаптацией к социальным ролям и новой практике. Поэтому его деятельность нуждается в ясных образцах, не порождающих ложных ожиданий или нереализуемых надежд. На фоне происходящего особенно остро ощущается необходимость в обобщении результатов исследований, посвященных феномену деструктивности в молодежной среде, и определении векторов движения вперед. В реферируемой книге собраны статьи, авторы которых стремятся выявить и продемонстрировать в кон-

¹ См., например: Gewalt: Beschreibungen, Analysen, Prävention / Hrsg. von W. Heitmeyer, M. Schöttle. – Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2006.

тексте разных жизненных ситуаций выбор молодых людей в пользу участия в террористических актах, понять, что толкает их на путь преступления и как возможно предотвратить этот шаг.

Во вступительной статье редактора сборника, доктора социологии Петера Имбуша (Центр междисциплинарных исследований Билефельдского университета, ФРГ) акцент сделан на тех спорах, которые постоянно возникают в тематическом поле «молодежь и насилие» [Imbusch, 2010]. Разумеется, господство одной воли над другой, чаще всего связанное с угрозой человеческой жизни, всегда сопровождало человеческую историю. Однако по-прежнему отсутствуют как устойчивые определения его истоков, причин и функций в социальном процессе, так и общепризнанные стратегии их объяснения. Ученому необходим анализ конкретной ситуации с учетом того, что в любой культуре есть полярные ценностные ориентации. Одни исходят из стремления подавить противника, навязать ему свою волю посредством системы власти. Другие опираются на принцип равноправия сторон, стратегию диалога, компромисса и отказа от репрессивных видов управления. Во взаимодействии этих ориентаций раскрывается логика эволюции форм насилия в обществе. Основной вопрос заключается в том, какую из них можно считать двигателем перемен, для чего требуется понимание истоков применения силы.

По оценке Имбуша, положения, лежащие в основе многих программ обновления общества, носят детерминистский характер, т.е. исходят из приоритета либо социально-экономических, либо психологических обстоятельств. Между тем гигантский всплеск жестокости показал ограниченность подобных трактовок, поскольку вне поля зрения остаются механизмы согласованности множества объективных и субъективных факторов, порождающих насильственные конфликты в данной среде и определяющих их динамику. С точки зрения автора, такие программы должны принимать во внимание всю совокупность факторов при определении задач и направлений действия. Раскрывая «анатомию деструктивности», следует учитывать внутреннюю агрессивность человека, зависящую от внешних условий, в которых находит свою реализацию его противоречивая натура. Необходимо рассматривать не только сам факт проявления молодежного насилия, но и условия, ему способствующие (низкий уровень образования, социально-экономическая дискриминация, отсутствие признания и шансов участия в жизни сообщества). Это позволит не просто обозначить условия, в которых оказываются подростки, но и взглянуть на мо-

лодежное насилие как на самостоятельную в своем развитии реальность, очертив ее границы и компоненты.

В свете сказанного представляется оправданным обращение авторов статей к своеобразию криминальных проявлений со стороны молодежи в развивающихся странах, где на рубеже веков возросло число убийств, а травле и издевательствам подвергаются до 40% мальчиков и девочек. Усилия участников сборника направлены на выявление адекватных стандартов истолкования причин и последствий происходящего для реформирования общества. При изучении большинства стран «третьего мира» сюда включается, в том числе, высокий уровень бедности, неравенства и раздробленности, что осложняет поиск молодыми людьми своего места в жизни. Эти стандарты позволяют рассматривать само насилие не столько в контексте общественного кризиса, сколько в качестве усугубляющего его элемента, прошедшего через массовое сознание. Поэтому, по мнению авторов сборника, обращение к анализу волонтаристских действий молодежи в странах «третьего мира» способно продемонстрировать со всей очевидностью широкий спектр вариантов выбора модели поведения и, соответственно, методов воздействия [Imbusch, 2010].

Имбуш констатирует многообразие существующих стратегий толкования и оценки молодежного насилия. Поиск их наиболее приемлемых вариантов требует комбинирования и синтеза подходов, адекватных как объективной ситуации, так и чувствам, порожденным культурой и гендерной принадлежностью. Более того, проекты и концепции, успешные для Германии или Франции, нельзя автоматически переносить на ситуацию в Колумбии или Южной Африке. На повестке дня – углубление сотрудничества международных организаций, действующих в этом пространстве, и согласование их проектов как в теории, так и на практике. Хотя в последние годы и системные, и эмпирические интерпретации насилия на международной арене были значительно модернизированы, по-прежнему остаются пробелы, которые намерены устранить участники сборника. Они обращают внимание на следующие проблемы.

1. Исследователи единодушны в том, что действия агрессивной настроенной молодежи происходят в предопределенных социальных и культурных обстоятельствах. Однако пока не ясно, насколько эти действия связаны с внешней спецификой. Чтобы понять различия в масштабах применения насилия и разработать специфические для регионов программы его предупреждения, не-

обходимы сравнительные характеристики культур и мониторинг его характеристик здесь и сейчас.

2. Стремление адекватно оценить молодежное насилие в странах «третьего мира» сопровождается расширением объема сведений о нем в официальных учреждениях. В частности, нужен сравнительный анализ уже совершенных насильственных акций и готовности к насилию у молодых людей, обладающих разной степенью склонности к волюнтаристским поступкам.

3. Большинство моделей объяснения опираются на интерпретацию социальных контекстов развитых западных стран, поэтому предстоит выяснить, в какой мере она применима к ситуации в развивающихся странах и какие методы толкования молодежного насилия могут оказаться здесь полезными. Авторы сборника выявляют степень актуальности существующих концептов, их исследовательский потенциал в несхожих культурных условиях, а также ищут такие подходы, которые обладали бы транскультурной легитимностью. Их цель – определить обстоятельства, усиливающие вероятность причастности к насилию (т.е. факторы риска, касающиеся отдельной личности, близких людей и общества в целом). Одновременно ученые намереваются идентифицировать те условия, которые лучше всего защищают от силового давления. При этом не только расширяется спектр анализируемых факторов риска и защитных механизмов, но и формируется багаж знаний, определяющих размеры вмешательства в поведение подрастающего поколения.

4. При анализе молодежного насилия уделяется повышенное внимание гендерным аспектам насилия, так как практически отсутствуют обобщения сведений о роли и мотивах участия в репрессиях молодых солдат или юных девушек.

5. Наконец, требуется усовершенствование знаний о воздействии разнообразных факторов на снижение уровня агрессии на фоне роста социального неравенства, различий в уровне доходов и бедности. Важными переменными величинами, способствующими снижению готовности к насилию или его неприятию, являются образование и воспитание, взаимозависимость между которыми до сих пор мало изучена. То же самое относится к эффективности мероприятий по предупреждению насилия в развивающихся странах: сведения о соответствующих мерах не полны и противоречивы.

Сборник демонстрирует многовариантность путей практического решения поставленных задач. Насилие в молодежной среде нельзя объяснить исключительно девиантным поведением отдель-

ных лиц; оно является результатом взаимодействия целого ряда биологических, социальных, культурных и экономических факторов. Статья этнолога Сильке Ольденбург (Бейрутская международная высшая школа африканистики (BIGSAS), Ливан) «Между принятием и сопротивлением: Жизненные миры молодежи на фоне гражданской войны в Колумбии» описывает их с помощью этнографических методов [Oldenburg, 2010]. На фоне традиционных форм народного быта, обычаев и обрядов представлены явные и бессознательные механизмы коммуникации между людьми, а также типы восприятия происходящего. Автор показывает, что именно и при каких обстоятельствах толкает молодых людей к совершению общественно опасных, уголовно наказуемых деяний, а также – как быстро они становятся жертвами насилия. Если разум человека признает истинность тех или иных идей, то все остальное – проблема выбора деятельности для их реализации посредством силового давления на объект (отпора или стимуляции), пишет Ольденбург.

Андреа Киршнер (сотрудница Центра междисциплинарных исследований (ZiF) при Билефельдском университете, ФРГ) в статье «Молодежь, насилие и социальные перемены в Африке» анализирует фактор провокации молодых людей в ходе социальных преобразований [Kirschner, 2010]. Автор отмечает непростую ситуацию в этом регионе, что сказывается как на самом определении категории «молодежное насилие», так и на ее толкованиях. Киршнер согласна с тезисом о неизбежности конфликта поколений, но при этом акцентирует позитивные аспекты самовластия молодежи. Таковые связаны со вступлением в фазу зрелости как состояния, где доминирует стремление к гармонии между элементами социальной системы и средствами достижения ее эффективного функционирования. Это важный этап внутреннего развития индивида, результат его социализации, в ходе которой он интернализирует социальные ценности и образцы поведения с целью адекватного исполнения взрослых ролей. На этом этапе жизненного пути весьма вероятны демонстративное сопротивление системе, желание эпатировать общество, доказывать свою от него отчужденность, преступая границы морали и права. Насилие символизирует ту свободу самовыражения, которой подчас не хватает молодым людям, и выступает способом их самоутверждения.

Доктор Сабина Куртенбах (научная сотрудница Немецкого института глобальных и региональных исследований (GIGA); филиал по изучению Латинской Америки в Гамбурге, ФРГ) ставит

задачу проследить механизмы непрерывности и видоизменений насилия в послевоенных обществах [Kurtenbach, 2010]. В фокусе ее внимания – проблема формирования в данном социальном контексте того поля напряжения, где проявляется деструктивность молодых людей. Психологической основой деструктивности выступают конформизм и чувство страха перед сложностью бытия. Хотя в ряде случаев насилие имело оправдание (сопротивление агрессору, угнетателю), в конечном счете оно носило разрушительный характер, способствовало деморализации общества и росту негативных проявлений человеческой природы. Автор отмечает также особую опасность психологического насилия, выражающегося в форме манипулирования человеческим сознанием, навязывания мифов и искаженной информации, что разрушает с трудом достигнутую послевоенную консолидацию.

На примере изучения молодежных банд в Центральной Америке профессор социологии Аника Эттлер (Марбургский университет, ФРГ) и научные сотрудники Немецкого института глобальных и региональных исследований Себастьян Хун и Петер Петц (Гамбург, ФРГ) выясняют причины их превращения в коллективном восприятии в сатанинскую преступную группу [Huhn, Oettler, Peetz, 2010]. Предпринятый ими анализ свидетельствует о том, что здесь налицо социальная конструкция, которая следует установкам политиков и журналистов. Авторы также показывают, какие драматические следствия влечет за собой клеймо бесчестия при оценке деятельности молодежных шак. Любая негативная санкция или неодобрение нонконформизма, а также стихийное применение моральных санкций в форме презрения к нарушителям общепризнанных норм приводит к изоляции и амбивалентным переживаниям молодого человека, вызывая у него антипатию и симпатию одновременно. Существенную роль здесь играет и мода на натуралистичные сцены насилия на телеэкране и в кино: планка морально допустимого в сознании молодых людей упала, а новых границ недозволенного не возникло. Постепенно приучив обывателя к сценам насилия, СМИ породили поколение людей, не скрывающих нездорового любопытства к боли и смерти; скрытые в подсознании инстинкты вырвались наружу и, став частью массовой культуры, обрели статус нормального.

В статьях авторов сборника можно выявить общие положения, которые сводятся к тому, что в странах «третьего мира» в условиях социальной отсталости и гражданских войн жестокость стала обычным явлением, позволяющим говорить о нормах «куль-

туры насилия». Сужение рамок государственной монополии на власть, распространение коррупции, бесчинства молодежных группировок в этих странах увеличивают риск превращения человека в жертву противоправных действий. На волне соперничества политических группировок сформировались такие правила поведения, когда поддержание «порядка» стало заботой лидеров вооруженных формирований, обладающих независимостью от аппарата центральной власти. Реальное отсутствие гарантий безопасности пробуждает у граждан чувство незащищенности. Более того, усиление контроля над массовыми мероприятиями, использование частных служб безопасности и ношение оружия способствуют разрушению механизмов, служащих основой социального взаимодействия и средством защиты от асоциальных наклонностей. Стремление человека к удовлетворению таких наклонностей, к завоеванию привилегий приводит его к конфликту с социальными нормами и установлениями. Разумеется, тотальный контроль позволяет сократить число реальных преступлений, но не влияет на состояние моральных устоев. Замкнутость и разобщенность порождают одиночество и фрустрацию, а вмешательство со стороны «чуждого» общества вызывает агрессию.

Расцвет национализма, разжигаемой им военной агрессии и реваншизма часто обусловлены политическими факторами. Речь идет о прошлых поражениях, конкуренции между мировыми державами, использовании ксенофобии в целях сплочения нации против «врага». Авторы сборника обращаются к ставшей в последнее время популярной теории молодежного бума (*youth bulge*). Согласно этой теории, угрозу международной стабильности и безопасности представляют страны, где подрастающее поколение составляет не менее 25–30% от общей численности населения. Тенденция к авторитаризму и частым политическим переворотам, свойственная таким режимам, признана не только следствием ошибок политиков, пережитков колониального прошлого или культурной отсталости; *youth bulge*, как правило, имеет место в условиях социальной неустроенности молодежи. «Пузырь» особенно опасен там, где подростки вынуждены конкурировать между собой за доступ к престижным должностям и социальному признанию в условиях социального и экономического кризиса [Imbusch, 2010].

Хотя развивающиеся страны не знают проблемы старения общества и низкой рождаемости, они тем не менее не имеют возможности осуществлять подлинный контроль над собственной

территорией и реализовывать свои цели в полном объеме. Главной угрозой национальной безопасности становится дефицит возможностей для карьерного роста и обретения совокупности средств, обеспечивающих реализацию конституционных прав. В сообществах, где семьи имеют более двух сыновей, растет готовность рисковать юношами в целях благополучия не их самих, а социального окружения в целом, ради «общего блага», пусть даже превратно понятого. Это создает питательную среду не только для политически мотивированных проявлений национализма и террора; высокая доля «неустроенных» молодых людей в народонаселении страны порождает опасность укрепления идеологии и практики различных форм давления с целью получения и сохранения приоритетных позиций. Широко используются методы партизанской войны в городских условиях, растет число случаев неспровоцированных акций, угрожающих убийствами или разрушениями. Не случайно многие страны, столкнувшиеся с *youth bulge*, имеют опыт гражданских конфликтов разной степени интенсивности (от массовых беспорядков до геноцида).

Все общества «третьего мира», хотя и в разной мере, готовы к тому, чтобы обсуждать и по возможности решать проблему взросления молодого поколения и предоставления ему социальных перспектив. Показательна в этом плане статья «Школьные перестрелки и психические расстройства: Перспективы исследования насилия», где в отличие от предыдущих работ акцент сделан на концептуальных трактовках проблемы молодежного насилия. Социолог Бирте Хевера (научная сотрудница Института публицистики и коммуникации при Свободном университете Берлина, ФРГ) знакомит со своеобразием теоретико-методологического аппарата представителей разных исследовательских школ [Hewera, 2010]. В статье обозначены позиции «сторонников господствующей тенденции» («Mainstream») и способы формирования в ходе их критики «новаторских стратегий» («Innovateure»), которые направлены на создание собственной программы «социологии насилия» [Hewera, 2010, S. 245–247]; далее автор описывает предпосылки их разграничения [ibid., S. 248–263] и на конкретном примере (стрельба в Эрфурте) показывает, к каким результатам приходят сторонники обеих теоретических позиций [ibid., S. 267–277].

Оказалось, что итоговые выводы сторонников разных аналитических стратегий располагаются на «разных уровнях», а их различия обусловлены эпистемологической позицией исследователей. Так, «адепты» рассматривают насилие в качестве дисфункцио-

нальной силы, угрожающей общественному порядку и требующей создания системы упорядочения жизни. При этом они оставляют без внимания принцип свободы действий индивидов и находят координаты истоков произвола по ту сторону субъекта или же в сфере патологического. В случае проявлений насилия как безумия (амок) эта аргументация становится неприемлемой, так как здесь особенно отчетливо видна сопряженность его полярных признаков. При всем этом поиски причин и возможностей предупреждения подобных шагов у «сторонников основной тенденции» опираются на позитивные оценки породившего их общества, т.е. они рисуют его как естественное и устойчивое, а человека – как нейтрального или миролюбивого. В работах «новаторов» отсутствуют рассуждения о путях сохранения общественного порядка. Например, опыт осмысления насилия как антропологической константы у немецкого социолога Вольфганга Софски свидетельствует о том, что насилие приобретает черты принужденности и неизбежности¹. Если в первом случае трудности обусловлены признанием положительной «сущности человека», то в данном случае они возникают вследствие игнорирования ее социальной сконструированности. Софски констатирует, что насилие может быть ограничено действующей властью, но не предотвращено полностью. В то время как «сторонники господствующей тенденции» затушевывают принадлежность насилия к «природе» человека в пользу выявления его внешних причин, у «новаторов» возможность использования силового давления становится его неотвратимой «судьбой». Тем не менее, замечает Хевера, обе модели не видят достаточно прочной взаимосвязи между формой общественной организации и появлением чувства враждебности.

Даже если социально-теоретические исходные положения данных подходов признать противоположными, продолжает автор, на практике это различие не столь заметно. Суждения «новаторов» о несовершенстве «причинных» исследований насилия не всегда имеют эмпирическое подтверждение. У «детерминистов» можно найти указания на субъективные параметры применения силы, на его поведенческий характер и беспричинность, а также на наличие «третьих лиц» наряду с исполнителем и жертвой. Это лишний раз свидетельствует об увеличении разобщенности граждан, поскольку сегодня ни один вопрос они не в силах решить без участия вла-

¹ См.: *Sofsky W. Traktat über die Gewalt.* – Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch, 2005.

стей. Постепенно утрачивается способность к прямому диалогу; предпочтение отдается резолюциям посредника, уполномоченного властью. Подобные замечания позволяют авторам сборника утверждать, что принципы размежевания указанных тенденций препятствуют их плодотворному диалогу; стимулы к теоретическому обновлению не использованы в полной мере, так что оба подхода скорее сосуществуют, чем обогащают друг друга.

Для сопоставления итоговых выводов сторонников «новаторских» и «традиционных» трактовок насилия Хевера обращается к оценке инцидента в Эрфурте. Она фиксирует изъяны обоих проектов истолкования слепой, немотивированной ярости, приводящей к человеческим жертвам. Причины перестрелки школьников были связаны, с одной стороны, с их личностными качествами (склонность к нарциссизму, повышенная ранимость, неспособность к разрешению конфликтных ситуаций); с другой стороны, они обусловлены состоянием общества, где на переднем плане оказались технологии модернизации [Hewera, 2010, S. 283]. Отмечая злободневность обоих подходов, исследовательница ищет ответ на вопрос о том, в какой мере результаты, полученные «традиционалистами» и «новаторами», приемлемы для политической практики, насколько они содействуют осмыслению насилия и его профилактике. Заслуга «новаторов» видится в том, что они способствовали трактовке составляющих формулы волюнтаристских действий. Они заполнили пробел, который оставили открытым поборники «причинных» исследований, будто не замечавшие насилия как такового. «Новаторы» пополнили запас знаний о специфических чертах и механизмах различных форм силового давления, прояснили порядок «функционирования» отдельных видов насилия, процесс восприятия людьми их динамики и какими признаками они обладают.

Популярность антропологических приемов «новаторов» требует выявления возможностей, которые предлагают оба подхода для превращения лозунга «Мир без насилия» из желаемого в реальность. В работах сторонников обоих направлений практически не рассматриваются шаги для предотвращения и локализации деструктивности. Вопрос о предупреждении жестокости, напротив, является сильной стороной детерминистского подхода. Рассматривая террористические акты в качестве симптома отрицательного давления на человека внешних условий, недостатков социализации или неверного осмысления критических обстоятельств жизни, сторонники этой точки зрения уверены, что насилие можно и нужно

предотвращать; более того, его следует преодолевать с помощью трансформации внешних факторов, порождающих выбор данной поведенческой стратегии [Hewer, 2010, S. 285].

Таким образом, проблематичность «основного направления» изучения насилия видится в том, что его сторонники не касались виртуального измерения реальности, т.е. генезиса возможностей (потенциала отношений и аффектов), позволяющих человеку экспериментально активировать одну из них. Способ видения проблемы, сконцентрированный на причинах преступления, обращен к действиям третьих лиц и нередко завершается оправданием виновников. Здесь слишком мало внимания уделено собственно насилию; его специфическая схема создается без учета того, что «причина» амок лежит в «существовании человека» и свободе его действий. Вместе с тем в стане «новаторов» наметились тенденции, свидетельствующие о тупике социологии врожденного насилия. Так, Йорг Хюттерманн (на примере работ Софски) разъясняет, как отклонение стандартных попыток объяснения и невнимание к смысловому контексту порождают антропологические дефиниции. Когда речь заходит о насилии как судьбе, из поля зрения выпадает его социальная обусловленность – вопреки тому, что оно осуществляется в пределах связей между смыслом и фактом¹. Одним словом, попытки обновления стандартных исследований насилия не всегда заканчиваются удачей. В любом случае поиски «новаторов» нельзя рассматривать в качестве единственного лекарства против нечеткости традиционного исследования агрессивности.

Подвергая критике существующие способы осмысления насилия, нельзя забывать о необходимости «третьей» перспективы понимания. Оба названных выше подхода имеют свои сильные стороны, что эквивалентно увеличению векторов толкования и предупреждения инцидентов. На острие изучения оказался тот факт, что применение силы связано с правом выбора человека и не всегда может быть охарактеризовано как рациональное действие. Презентация двух проектов как абсолютно контрастных делает проблематичным даже простой обмен идеями, не говоря уже о теоретическом их слиянии в рамках единой «парадигмы насилия». Вопреки теоретической несовместимости рассмотренных тезисов, они должны учитываться при комплексном рассмотрении насилия

¹ *Hüttermann J. Dichte Beschreibung oder Ursachenforschung der Gewalt? // Paradigmen der Gewaltforschung / Hrsg. von W. Heitmeyer, H.-G. Söffner. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2003. – S. 121.*

в процессе анализа конкретных событий. Нельзя игнорировать результаты только потому, что они учитывают не все аспекты применения силы. Именно поэтому «новаторы» способствовали разработке отсутствующих параметров данного социального феномена, но оставили без внимания проблему полезности обоих подходов при изучении реальных событий. Уже сегодня появляются многообещающие точки пересечения обоих направлений теоретической мысли, однако вопрос о формировании соответствующей «парадигмы насилия» остается открытым [Hewera, 2010, S. 288].

Данный сборник задумывался не как классическое исследование молодежного насилия в разных общественных контекстах, а как призыв взглянуть на проблему под новым углом зрения. Авторы книги внесли весомый вклад в актуальные дебаты вокруг настоящего и будущего молодых людей, наметили векторы дискуссий и эффективной государственной политики, направленной на устранение коренных причин насилия в молодежной среде и повышение общего уровня безопасности. Следуя инициативам, которые способствуют выявлению, количественной оценке и принятию ответных мер в отношении силового давления, аналитики привлекают внимание к теме профилактики криминальных инцидентов среди молодежи. Сбор фактических данных о масштабах и видах агрессивности в разных социальных контекстах актуален для осмысления данной проблемы на глобальном уровне. Отмечена необходимость комплексного подхода, который затрагивает такие факторы роста насилия в молодежной среде, как стремительные экономические, демографические и психологические изменения и сокращение числа социальных гарантий. Не менее важно учитывать инновации, связанные с изменениями в общественном сознании и пересмотром системы ценностей. Разобщенность внутри общей массы, «одиначество в толпе» сегодня достигли критического предела, в силу чего все чаще речь заходит о поисках новых путей социальной интеграции.

Список литературы

Hewera B. School Shootings und Amok: Perspektiven der Gewaltforschung // Jugendliche als Täter und Opfer von Gewalt / Hrsg. von P. Imbusch. – Wiesbaden: VS, 2010. – S. 243–291.

- Huhn S., Oettler A., Peetz P.* Jugendbanden in Zentralamerika: Zur sozialen Konstruktion einer teuflischen Tätergruppe // Jugendliche als Täter und Opfer von Gewalt / Hrsg. von P. Imbusch. – Wiesbaden: VS, 2010. – S. 213–241.
- Imbusch P.* Jugendgewalt in Entwicklungsländern: Hintergründe und Erklärungsmuster // Jugendliche als Täter und Opfer von Gewalt / Hrsg. von P. Imbusch. – Wiesbaden: VS, 2010. – S. 11–94.
- Kirschner A.* Jugend, Gewalt und sozialer Wandel in Afrika // Jugendliche als Täter und Opfer von Gewalt / Hrsg. von P. Imbusch. – Wiesbaden: VS, 2010. – S. 133–174.
- Kurtenbach S.* Jugendliche in Nachkriegsgesellschaften: Kontinuität und Wandel von Gewalt // Jugendliche als Täter und Opfer von Gewalt / Hrsg. von P. Imbusch. – Wiesbaden: VS, 2010. – S. 175–212.
- Oldenburg S.* Zwischen Akzeptanz und Widerstand: Jugendliche Lebenswelten im kolumbianischen Bürgerkrieg // Jugendliche als Täter und Opfer von Gewalt / Hrsg. von P. Imbusch. – Wiesbaden: VS, 2010. – S. 95–132.

М.А. Ядова

**КРЫМСКИЙ КРИЗИС-2014 В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ
«МОДЕРНИСТОВ» И «ТРАДИЦИОНАЛИСТОВ»
ПОСТСОВЕТСКОГО ПОКОЛЕНИЯ¹**

Введение в проблему

«Возвращение» в 2014 г. Крыма и последовавший за ним Крымский кризис сильно политизировали и раскололи российское общество: для одних это стало началом отсчета триумфального возрождения так называемого Русского мира, другие расценили произошедшее как величайшую геополитическую ошибку российской власти. Вне зависимости от экспертных оценок причин и последствий российско-украинского конфликта, с уверенностью можно констатировать: присоединение Крыма к России стало глобальным событием современности.

Весной 2014 г. социологи зафиксировали небывалый всплеск патриотизма и доверия к власти со стороны российского населения. Так, по данным проведенного в марте 2014 г. опроса Левада-центра, 63% опрошенных убеждены, что живут в великой державе (кстати, это самый высокий показатель за всю 15-летнюю историю наблюдений). Примечательно, что за подобное самоощущение почти половина участников опроса готова «расплатиться» своим благополучием: 48% предпочли бы видеть Россию сильной державой, вызывающей страх и уважение других государств, а не страной с высоким уровнем жизни (с противоположным мнением со-

¹ Работа представляет собой сокращенную и переработанную версию статьи автора, опубликованной в журнале «Социологические исследования». См.: Ядова М.А. Крымский кризис-2014 глазами молодежи постсоветского поколения // Социологические исследования. – М., 2016. – № 9. – С. 50–58.

лидаризировались 47% респондентов) [Железнова, 2014]. Поскольку в силу своей специфики массовые опросы обычно репрезентативны, очевидно, что социализация большинства их участников пришлось на время СССР. Вместе с тем кажется важным выяснить, как оценивает Крымский кризис молодежь, не имеющая опыта советской жизни. В основе данной статьи – результаты индивидуальных глубинных полуформализованных интервью с 20–23-летними россиянами – представителями первого несоветского поколения. Намеренно были выбраны информанты с полярными мировоззренческими и поведенческими – модернистскими и традиционалистскими – ориентациями.

Исследование, о котором идет речь, содержало элементы лонгитюда и выполнялось в несколько этапов. Сначала, в конце 2008 – начале 2009 г., под руководством автора статьи был проведен социологический опрос, посвященный проблеме соотношения современного и традиционного в ценностях и поведенческих интенциях постсоветской молодежи. В качестве современного типа поведения рассматривались основные характеристики аналитической модели «современной личности», построенной группой американских социологов во главе с А. Инкелесом в рамках Гарвардского проекта по социальным и культурным аспектам развития. Еще в 1970-е годы А. Инкелес обнаружил, что во всех модернизирующихся обществах формируется так называемый современный тип личности. Современного человека от традиционного отличает развитое чувство социальной ответственности, внутренняя независимость, инициативность, стремление к достижению профессионального мастерства, открытость новому опыту, толерантность к окружающим и уважительное отношение к формальным правилам [Inkeles, Smith, 1974, p. 19–32, 289–302]. В свою очередь, традиционными в нашем исследовании признавались качества, противоречащие современным. Базисом для успешного функционирования современного общества является «модернизм» его граждан.

Инкелес с коллегами обнаружили: «модерность» индивида пропорциональна уровню его образования. Поэтому было решено опросить юношей и девушек с разными социальными, образовательными ресурсами. Таким образом, объектом исследования стали московские старшеклассники (высокоресурсная группа) и учащиеся колледжей (низкоресурсная группа) как люди с потенциально раз-

личными типами трудовой карьеры в будущем ($N=800+800$)¹. Основываясь на результатах исследований других авторов, мы предположили, что ученики 10–11 классов, как правило, нацелены на получение высшего образования, а студенты колледжей – нет. К тому же старшекласники выросли преимущественно в благополучных высокоресурсных семьях, тогда как учащиеся колледжей – выходцы из низкоресурсных социальных страт [Рощина, 2006]. Ожидалось, что соотношение современного и традиционного в структуре ценностей старшекласников и учащихся колледжей будет значительно различаться.

Для достижения исследовательских целей была разработана оригинальная методика, в которую входили проективные вопросы, позволяющие выявить поведенческие установки респондентов в повседневных жизненных ситуациях. Участникам опроса предлагалось выбрать тот или иной вариант действия в заданной воображаемой, но достаточно конкретной ситуации. Большинство ситуаций имело отношение к модели «современной личности»: поведенческие выборы соответствовали современному или традиционному типу действий, в отдельных случаях являлись нейтральными.

С целью уменьшения количества переменных был проведен факторный анализ ответов респондентов обеих подвыборок. Применялся категориальный факторный анализ (CatPCA) для работы с качественными данными². В результате выделились четыре фактора, так или иначе связанных с модернистскими ценностями: *факторы участия (или коммунитаризма), амбициозности, законопослушности и свободы*³.

¹ Для поддержания гомогенности обе подвыборки были выравнены по полу и возрасту. Среди опрошенных учащихся колледжей – 52% юношей и 48% девушек, в подвыборке школьников это соотношение составляет соответственно 45 и 55%. Опрашивались юноши и девушки 15–18 лет. Средний возраст респондентов в обеих группах – 16 лет.

² Статистическая обработка данных проводилась с помощью программы SPSS (версия 13.0). Для получения более простой и понятной структуры данных сначала был проведен категориальный факторный анализ, а потом в модуле классического PCA выполнен факторный анализ с Варимакс-вращением для преобразованных переменных. О приемлемости данной процедуры см., например: [Linting, 2007, p. 36]. Четыре фактора объяснили в сумме 61% общей дисперсии переменных.

³ В целом были выявлены три группы респондентов, получивших высокие, средние и низкие значения по каждому фактору. Мы рассматриваем прежде всего две крайние группы с высокими и низкими значениями.

В сознании большинства опрошенных сочетаются противоречащие друг другу модернистские и традиционалистские поведенческие установки, однако из общего числа респондентов удалось выделить две контрастные группы – «модернистов» и «традиционалистов»¹. Среди старшеклассников 22,9% опрошенных демонстрируют модернистские поведенческие намерения и лишь 7% – традиционалистские; в группе студентов колледжей «модернистов» порядка 5%, а «традиционалистов» уже 15%*². Большинство же респондентов в обеих ресурсных группах выбирают смешанный тип поведенческих интенций (см. рис).

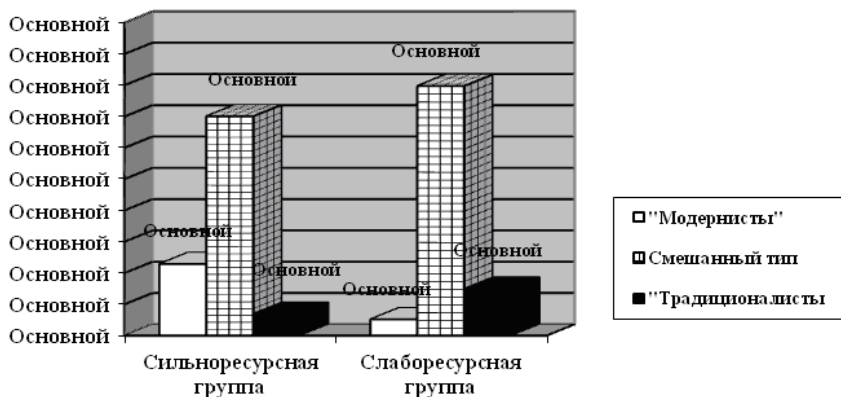

Рис.
**Выбор стратегии поведения в зависимости
от объема социальных ресурсов респондентов
(в %; N=800+800)**

Таким образом, подтвердилась гипотеза о существовании связи между модернизмом индивида и объемом его «ресурсов»: в группе высокоресурсных респондентов доля «модернистов» выше, чем «традиционалистов», тогда как в подвыборке низкоресурсных ситуация обратная.

¹ К «модернистам» были отнесены респонденты, получившие наиболее высокие значения как минимум по трем из четырех факторов, «традиционалистами» считались те, кто набрал наиболее низкие значения хотя бы в трех из четырех случаев.

² * – различия статистически значимы на уровне $p \leq 0,001$.

О методике интервью

На следующем этапе, в период с сентября 2010 по январь 2011 г., с частью респондентов, отнесенных по результатам анкетирования к «модернистам» и «традиционалистам», были проведены индивидуальные полужформализованные глубинные интервью биографического характера ($N=24+24$)¹. На третьем этапе, в феврале – апреле 2014 г., были проведены дополнительные интервью, прежде всего нацеленные на выяснение изменений, которые произошли в жизни респондентов за минувшие годы; часть вопросов интервью касались событий Крымского кризиса-2014. За время, прошедшее с момента опроса, в жизни участников интервью произошли серьезные изменения: одни завершили или завершают профессиональное обучение, другие начали работать, некоторые обзавелись семьями и стали родителями.

Как известно, для лонгитюдных исследований характерна проблема выбывания участников опроса из панели [Девятко, 1998]. Наше исследование не избежало подобного эффекта: в последнем «срезе» участие приняли 22 «модерниста» и 21 «традиционалист», из первой подвыборки выбыли юноша и девушка, из второй – трое юношей. На момент исследования возраст опрошенных составил от 20 до 23 лет. Интервью в зависимости от пожеланий и возможностей респондентов проводились face-to-face, по телефону и с использованием программ для обмена мгновенными сообщениями (ICQ, Mail-агент, Skype и т.п.). Беседа занимала от 25 мин. до 1 ч. 50 мин.

Выбор разноплановых способов общения с участниками проекта был обусловлен несколькими факторами. Поскольку интервьюер и информанты хорошо друг друга знают, не возникало обычных сложностей с установлением психологического контакта. Помимо этого, стали доступны респонденты, отказывающиеся от участия в исследовании по причине занятости (например, некоторые молодые люди предпочитают беседовать далеко за полночь, что становится возможным при «электронном» интервью).

Во избежание получения преднамеренно одобряемых ответов было решено придерживаться отстраненно-нейтральной позиции, прибегая к провокативному методу беседы. Независимо от того, поддерживает или осуждает информант решение РФ по Крыму, ин-

¹ «Модернистская» и «традиционалистская» группы были выравнены по объему социального ресурса и полу респондентов.

тервьюер задавал собеседнику так называемый вопрос-несогласие [Мельник, 2008, с. 125]. «Закрывовцев» спрашивали, не беспокоят ли их возможные негативные последствия такого шага для России: экономические санкции, дипломатическая изоляция со стороны многих мировых держав, а может быть, и угроза войны. «Антикрымовцам» напоминали о том, что живущие в соседнем государстве русские, страдающие от притеснений украинских националистов, нуждаются в защите.

Результаты исследования

В целом полученные данные совпали с результатами массовых опросов. Абсолютное большинство участников интервью, независимо от приверженности модернистским или традиционалистским взглядам, поддерживают политику России в Крымском конфликте, правда, с небольшими оговорками. Прежде всего респондентов беспокоит возможное ухудшение отношений РФ с «остальным миром». Отмечено изменение оценок по мере поступления информации: если опрошенные в феврале – начале марта 2014 г. были убеждены в наличии мощного фашистского лобби на Украине, то респонденты, интервьюируемые позже, как правило, не выражали подобной уверенности, чаще говоря о выгоды для России присоединения Крыма. Таким образом, большая осведомленность участников интервью о событиях в Крыму дала толчок к мировоззренческому сдвигу в их сознании и постепенной смене патриотической риторики на прагматическую. Впрочем, нельзя сказать, что это способствовало улучшению отношения молодежи к украинскому народу. Даже те, кто не воспринимает всерьез «фашистскую» версию конфликта, видят в украинцах противников, посягнувших в своих евроинтеграционных стремлениях на политические интересы России. Об этом свидетельствуют, например, следующие фрагменты интервью.

Я считаю, что Украина наша братская страна, и мы обязаны им помочь, присоединение Крыма нам не нужно, главное – искоренить нацизм, который сейчас творит Ярош и его приспешники. Войны не хочется, это всегда страшно, когда брат стреляет в брата. Однако наши деды и прадеды боролись не за то, чтобы

какие-то, прошу прощения, отморозки сейчас решили заняться геноцидом в своей стране! Это дико!

Студентка вуза, 23 года (М¹).

Народ сам хочет стать частью нашей страны, я в свою очередь не против этого, но вот перспективы в самом худшем варианте меня не... радуют.

Сотрудница банка, 21 год (Т).

Для части респондентов присоединение Крыма – своего рода демонстрация силы, способ показать странам Запада, особенно США, что Россия в состоянии защитить «братские» народы, предложив им более привлекательный вариант существования, нежели ЕС.

России определенно стоит присоединить Крым по трем причинам. Нынешнее правительство Украины имеет националистические наклонности, и это создает угрозу для русского населения. Можно не беспокоиться за флот, который мы сможем держать в Черном море. Наряду с кампанией в Грузии это станет еще одним знаком того, что РФ не оставляет политику Запада без ответа.

Студент вуза, 20 лет (М).

То, что Крым присоединят 16 числа – это точно, и я думаю, что это правильно. По крайней мере, с нашей позиции: там наши люди живут, нефть, флот, в конце концов, это историческая часть России. <...> Неизвестно только, что западники делать будут с этой европейской ассоциацией. Но что этот контракт не пахнет и намеком на членство в Евросоюзе, никто не понимает, наверное, и пока то, что я вижу, это их слепое желание войти в европейское рабство.

Студентка вуза, 21 год (М).

По данным проведенного в марте 2014 г. опроса Левада-центра, три четверти россиян поддержат руководство страны в случае, если между Россией и Украиной произойдет военный конфликт, и лишь 13% опрошенных не готовы согласиться с подобным решением. При этом 2/3 респондентов считают войну с Ук-

¹Здесь и далее заглавной буквой «М» мы будем обозначать «модернистов», а буквой «Т» – «традиционалистов».

раиной маловероятной; в то же время считают такой сценарий возможным 23% опрошенных [Опалев, 2014]. Наблюдая подобные настроения, мы не могли не выяснить отношение участников интервью к вероятному военному конфликту с братским россиянам народом.

Как оказалось, даже наиболее возмущенные действиями украинской власти респонденты не хотят защищать *Русский мир* с оружием в руках.

Война – это смерть, не понимаю людей, которые заявляют, что готовы пойти убивать людей ради идеологии, имени, Родины. Нет ничего ценнее человеческой жизни, и все мои близкие – я в это верю – считают так же.

Студентка вуза, 21 год (М).

Что я похож на дебила? Нет, конечно, я могу выражать свою позицию словесно, этого уже достаточно.

Студент вуза, 21 год (Т).

Пусть политики воюют, за те деньги, которые у них есть, можно и помордоваться. <...> Если бы и правда началась заваруха, я бы взяла дочу и уехала. В Испании, говорят, очень дешево жить, можно было бы продать квартиру или дачу здесь и купить там виллу с бассейном.

Домохозяйка, 21 год (Т).

Некоторые, ссылаясь на мнение друзей – жителей Донбасса, уверяли, что до войны с Россией на Украине дойти не может, поскольку украинский народ не настолько политизирован.

Друг вон из Донецка говорит, что у них там все поделились на две части: те, кто за Россию, и те, кто за Украину (он – из вторых), и устраивают мирные митинги, без драк, насилия, но с киданием различных овощей.

Студентка вуза, 21 год (М).

Да какая война? Знаешь, какие там все огородники? У меня подружка по Бэби-форуму из какого-то маленького городка тамошнего, не помню названия. Она ржет над этими вояками, говорит, как потекает, все на огороды уйдут, плевать все хотели на политику.

Домохозяйка, 21 год (Т).

Серьезного страха перед возможными санкциями со стороны стран Запада у большинства респондентов также нет, а уж перспектива Третьей мировой войны в виде «расплаты» за Крым не кажется реальной никому и, как правило, вызывает смех.

Что касается изоляции и войны, то я считаю, что война уже идет, и отказываться от участия в ней означает сразу потерпеть поражение. Кроме того, у Китая есть причины поддерживать нас, поэтому полной изоляции можно не опасаться.

Студент вуза, 20 лет (М).

Да ну, в войну не верю, у нас есть ядерная кнопка, мы их всех разнесем.

Домохозяйка, 21 год (Т).

Шестеро «традиционалистов», преимущественно девушки, признались, что плохо осведомлены о событиях на Украине. Их не беспокоит, какие победы одерживает Россия, главное, по их мнению, чтобы не были затронуты интересы простого народа (не началась война, не ввели бы налоги «на Русский мир» и т.п.).

Я не смотрю телевизор, поэтому не знаю всех подробностей и тонкостей происходящего. Но одно могу сказать точно: мне все равно, какие земли нам будут принадлежать и наоборот, главное, чтобы дело не дошло до войны. Не дай бог, заберут наших ребят на войну, это ужасно.

Продавец-консультант, 21 год (Т).

Мне это по барабану, своих проблем хватает. Только бы Крым не стал бездонной ямой для нас, обложат нас какими-нибудь налогами, типа, помогите новому субъекту Федерации. Но я по-любому платить ничего не буду, я не работаю. (Смеется.)

Безработный, 21 год (Т).

Большое число информантов, высказывая свое мнение о российско-украинском конфликте, использовали так называемый язык вражды. Напомним, что выражение «язык вражды» восходит к англоязычному термину «hate speech», под которым специалисты предлагают понимать всю совокупность текстов, изображений и других элементов СМИ, «прямо или косвенно способствующих возбуждению национальной или религиозной вражды или хотя бы

неприязни» [Язык мой... 2002]. В числе причин укоренения языка вражды в сознании россиян обществоведы называют широкое распространение расистских настроений и отсутствие толерантности по отношению к представителям «других» культур и конфессий, что, в свою очередь, усугубляется сложным социально-экономическим положением большей части населения страны. К тому же в российском обществе отсутствуют традиции морального осуждения языка вражды, который в обыденном сознании зачастую воспринимается как малопрятная, но все же норма общественной жизни. По свидетельству А.М. Верховского, националистические настроения в нашем обществе нередко подогреваются публичными высказываниями дискриминационного характера популярных политиков. Да и журналистское сообщество в целом не стремится к подобного рода самоцензуре и не предпринимает попыток к осуждению ксенофобских высказываний. Слабость гражданского общества и «отсутствие общественного диалога по проблеме языка вражды» не позволяют эффективно противостоять данной проблеме, создавая питательную почву для расползания интолерантных настроений в российском социуме [там же].

«Укропы», «хунта», «бандеровцы», «гитлеровцы», «пиндосские подстилки»¹ – вот неполный список эпитетов, которыми участники исследования награждали представителей украинской стороны. Причем с углублением и нарастанием конфликта оценки респондентов становились все более нетерпимыми и агрессивными: опрошенные в феврале, в большей мере критикуя киевскую власть и националистов, обходились без оскорблений в адрес украинского народа, в марте число оскорбительных ответов растет, тогда как для значительной части «апрельских» собеседников слова «украинский» и «вражеский» становятся синонимами. Несложно увидеть в этой метаморфозе влияние СМИ. При этом многие информанты с трудом представляют значение слов, которые они употребляют в качестве уничижительных: в высказываниях большинства «бандеровцы» трансформировались в «бендеровцев», что такое «хунта», как выяснилось, знают единицы, а для некоторых оказались неразличимы украинский регион Донбасс и российский горнолыжный курорт Домбай.

¹ По одной из версий, слово «пиндос» происходит из сербохорватского языка и означает «пингвин»; так косовские сербы прозвали солдат американской армии за слишком тяжелую амуницию.

Почему хунта? Я не знаю точно, может быть, это воровская шайка? Ну или просто, потому что на «ху» начинается. (Смеется). <...> Бендеровцы, потому что был такой генерал Бендер. Не, не тот, фильм про которого, тот был нормальный, веселый даже. А этот был при Гитлере, русских ненавидел, кровавожадный был ужасно, убивал, резал даже детей.

Домохозяйка, 21 год (Т).

Честно говоря, точно не знаю, что значит «хунта», что-то плохое, какой-то сговор преступный. А киевская власть в сговоре с Америкой, видимо, поэтому.

Студентка вуза, 21 год (М).

На Домбасе уголь, богатый край, остальная Украина всегда сосала из них, а им оставляла крошки. Вот и бунт. Потому если они отсоединятся, Украине – кранты. <...> Не знаю Бандеру. Я думал, это просто другое название, одни говорят – «фашисты», другие – «бендеровцы».

Студент вуза, 21 год (Т).

Отечественные социологи, отмечая патриотизм и высокий уровень доверия власти со стороны современной молодежи, шуточно называют первое несоветское поколение россиян «Поколением Пу». Для политических взглядов представителей этого поколения характерно противоречие: с одной стороны, кризис доверия практически ко всем государственным структурам и их агентам, а с другой – самый высокий уровень лояльности к первому лицу государства [Омельченко, 2011]. Результаты индивидуальных интервью с «модернистами» и «традиционалистами» показали, что представителей обеих групп молодежи объединяет тотальное недоверие российским политикам. Крымский кризис, похоже, немного растопил этот лед: по словам значительного числа информантов, после известных событий они стали лучше относиться к ныне действующему президенту страны, показавшему, что Россия в состоянии отстаивать свои интересы, «невзирая на личности».

Нельзя проморгать такой шанс: Россия играет сейчас по-крупному. Мне нравится, что мы стали сильными, как во времена СССР. При терпиме Ельцине нас в грош не ставили.

Студент вуза, 21 год (Т).

Честно, не ожидала такого от Путина. Он мне всегда казался никаким, а после Крыма нас хоть увидели, хоть утерли нос америкасам. Такое же уважение, как к СССР.

Секретарь, 21 год (Т).

Если сейчас и вправду встанем с колен, то заживем, как когда были великими. И пусть пиндосы заткнутся.

Автослесарь, 22 года (Т).

Обычно считается, что переживания в связи с распадом СССР и чувство национального унижения характерны для представителей старших поколений. В нашем же случае ностальгируют о великой державе юноши и девушки, не заставшие советской жизни. Экономист и публицист Д.Я. Травин связывает тягу молодых к авторитаризму с тем, что новые поколения россиян растут в мире, «который пронизывает гипертрофированное ощущение агрессивности внешней среды» [Травин, 2008].

Ряд исследователей полагают, что постсоветские когорты россиян по своим мировоззренческим установкам не слишком отличаются от поколений «отцов» и «дедов». Общественные трансформации парадоксальным образом не затронули глубинной сущности «советского простого человека» («общество приоткрылось, да люди закрыты» [Левада, 2010, с. 14]), причем это утверждение верно и по отношению к молодежи, де-юре являющейся постсоветской, а де-факто застрявшей в рамках советской идеологии. По меткому замечанию социолога Ю.А. Левады, нынешние молодые «очень легко ловятся на старые крючки», поскольку «любят власть... и великодержавную патриотику» [там же], а также не научились ценить человека вообще и себя в частности. Результаты наших бесед говорят о схожих тенденциях. Участники интервью так же, как и «советский простой человек», не мыслят свою жизнь вне всеобъемлющей государственной структуры [Советский простой человек... 1993, с. 15], противопоставляя себя и родную страну «чуждым» мирам и народам [там же, с. 14].

Впрочем, поддержка власти в крымском вопросе не говорит о том, что информанты изменили своему прежнему правилу и стали полностью доверять российским политикам. Бóльшая часть опрошенных уверена в невозможности объективно оценить ситуацию на Украине.

Да все они там врут, наши, может, меньше, но тоже жулье знатное. Это политика...

Секретарь, 21 год (Т).

Просто все хотят подсуетиться и отхватить себе кусок послаще на фоне общего грабежа. Но это все кухонная политика, как там обстоят дела на самом деле, не ясно.

Студентка вуза, 21 год (М).

Некоторые участники выражали обеспокоенность происходящими в их семьях ссорах, которые вызваны разногласиями домочадцев по поводу украинских событий.

Отец не общается теперь с дядей Борей, двоюродным братом своим. Как они орались, когда мы вместе собрались. По мне, идиотство из-за этого... (ненормат. лексика. – Прим. авт.), но свою голову не поставишь.

Студент вуза, 21 год (Т).

Социолог Н.Е. Тихонова, основываясь на результатах многолетнего мониторинга политических настроений россиян, замечает: ностальгия народа «по Советскому Союзу связана в первую очередь с тем образом жизни, который с ним ассоциируется, и с его достижениями в образовании, науке, экономике, а не с его ролью как сверхдержавы» [Тихонова, 2007]. Таким образом, при всем сожалении о распаде Союза, большинство россиян «приняли новую реальность и... не хотят при этом восстановления никакой “империи”» [там же]. Сегодня, по мнению большинства респондентов, авторитет России в мире зависит от уровня ее экономического развития, а не военной мощи. Поэтому, уверена исследовательница, борьба за интересы своей страны в сегодняшнем мире должна вестись иначе, чем это было принято раньше. По ее словам, «грамотное законодательство, налоговая политика, разумная мера протекционизма в экономике... могут быть гораздо эффективнее, чем поиск врага, прямые запреты для зарубежного бизнеса определенных видов деятельности, попытки навязать соседним странам определенную линию поведения» [там же].

Тем не менее часть опрошенных скептически оценивают политику российской власти в отношении Украины, не разделяя всеобщего оптимизма по поводу «возвращения» Крыма в «родную гавань»: подобной позиции придерживаются пятеро «модерни-

стов». Этих информантов, судя по результатам ранее проведенных с ними интервью, объединяет достаточно прохладное отношение к «эпохе нулевых», которую они считают не столько годами позитивных перемен, сколько временем упущенных возможностей. Впрочем, с политической ангажированностью подобное несогласие связывать не стоит: например, присоединение Крыма горячо одобрили даже те, кто в прошлом отрицательно отзывался о политике 2000-х годов и, по собственному признанию, был активным участником оппозиционных митингов 2011–2012 гг. Неподдержавшие *Русскую весну* считают, что в крымском «демарше» не было насущной необходимости, поскольку, по выражению одной респондентки, «русских на Украине спасать было не от кого». Многие «антикрымовцы» обосновывали свое мнение впечатлениями от общения с украинскими родственниками или друзьями.

Показателен диалог, произошедший между интервьюером и 21-летней студенткой-«модернисткой»: *Ну, у меня непопулярное мнение, уж извините. Это можно говорить или вам нельзя такое показывать? Я считаю, что наше вмешательство в украинские дела принесет нам много нехороших последствий. Об этом сейчас мало кто задумывается, но время территориальных завоеваний уже прошло, это не для XXI века, я считаю.*

– *Значит, по-твоему, не стоило бы защищать русских от притеснений?*

– *А были ли они, эти притеснения? У меня тетя живет в Киеве, мы к ней почти каждое лето в гости ездим. Я не видела этого национализма, вот правда, мы с сестрой и в магазинах, в парках были, везде по-русски говорили, нам отвечали. А раз в кафе Анька (сестра информантки. – Авт.) забыла на столе кошелек, так девушка из кафе за нами полплощади пробежала: «Девочки-москвички, вы забыли!» Я еще так удивилась, как она узнала, откуда мы. По выговору, оказывается. Не, я знаю, конечно, что кто-то москалями обзывается, но ведь это не показатель. У нас подъездная консьержка тоже соседей с немецкой фамилией Шульцы жидами обзывает, и давайте теперь всем расскажем, что у нас черносотенцы евреев на Лобном месте вешают.*

Еще один студент-«модернист» считает позицию России в Крымском конфликте недалековидной и даже опасной для будущего нашей страны.

С Крымом много странного. Я согласен, что мы должны защищать свои геополитические интересы и своих не бросать. Но

какой ценой? Сейчас мы заплатили цену высокую, я бы сказал даже, чересчур. Мы обменяли на Крым хорошие отношения с Украиной, и боюсь, как бы со всем миром нам не перессориться. Вот некоторые говорят: «Отжали, украли». Это неприятно звучит, конечно, но сама процедура была с ошибками. Один наш преподаватель говорит, что в бюллетене не было вопроса о независимости Крыма, а, по законодательству, присоединить можно только независимое государство. Получается, Крым как был частью Украины, так ею и остался. <...> Если юристы, политологи – и российские и иностранные – говорят, что что-то не так, наверное, надо было прислушаться, а не гнать волну?

Студент вуза, 21 год (М).

Выводы

Таким образом, разразившийся российско-украинский территориальный конфликт по поводу Крыма и Севастополя не оставил равнодушной даже обычно аполитичную молодежь. Большинство «модернистов» и «традиционалистов», оказавшись эмоционально вовлеченными в возникшее противостояние, одобрили поддержку со стороны нашего государства русскоязычного населения Украины и вхождение Крыма в состав РФ. Впрочем, жертвовать своим материальным благополучием и тем более воевать за *Русский мир* участники исследования не готовы. Чуть менее трети «традиционалистов» признались, что их не волнуют геополитические завоевания и поражения России, поэтому за ситуацией на Украине они не следят. Незначительное число «модернистов» осудило присоединение Крыма, так как, по их мнению, это может повлечь за собой опасные последствия для нашей страны.

Список литературы

- Девятко И.Ф.* Методы социологического исследования. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1998. – 208 с.
- Железнова М.* Великодержавность вместо достатка // Ведомости. – М., 2014. – 17 марта. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/03/17/velikoderzhavnost-vmesto-dostatka> (Дата обращения: 20.04.2015.)
- Левада Ю.А.* Интервью Саше Канноне // Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде / Сост. Т.В. Левада. – М.: Издатель Карпов Е.В., 2010. – С. 13–21.

- Мельник Г.С.* Общение в журналистике: Секреты мастерства. – СПб.: Издательский дом «Питер», 2008. – 239 с.
- Омельченко Е.Л.* Молодежный вызов // Полит. ру. – М., 2011. – 7 апреля, ч. 1. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2011/04/07/lessons/> (Дата обращения: 20.04.2015.)
- Опалев С.* Большинство россиян поддержат власти в случае войны с Украиной // РБК. – 30.03.2014. – Режим доступа: <http://top.rbc.ru/politics/30/03/2014/914414.shtml> (Дата обращения: 15.02.2015.)
- Рощина Я.М.* Социальная дифференциация молодежи в российском профессиональном образовании // Отечественные записки. – М., 2006. – № 3. – С. 113–132.
- Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Под общ. ред. Ю.А. Левады. – М.: Мировой океан, 1993. – 300 с.
- Тихонова Н.* Постимперский синдром или поиск национальной идентичности? / Фонд «Либеральная миссия». – 2007. – 08.02. – Режим доступа: <http://www.liberal.ru/articles/1344> (Дата обращения: 15.02.2015.)
- Травин Д.* Generation «Пу»: С чем приходит новое поколение // Нева. – СПб., 2008. – № 7. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/neva/2008/7/tr16.html> (Дата обращения: 20.12.2014.)
- Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ / Сост. А.М. Верховский. – М.: ООО «Центр “Панорама”», 2002. – 200 с.
- Inkeles A., Smith D.H.* Becoming modern. – Cambridge (MA): Harvard univ. press, 1974. – XI, 437 p.
- Linting M.* Nonparametric inference in nonlinear principal components analysis: Exploration and beyond: Thesis. – Leiden: Leiden univ., 2007. – IX, 184 p.

Я.В. Евсеева, М.А. Ядова

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕТСТВА И ЮНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:

*Аналитический обзор материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием
«Дети и общество: Социальная реальность и новации»,
23–24 октября 2014 г.¹*

Сегодня проблематика детства, отрочества и юности является предметом изучения целого ряда исследовательских школ и направлений в социальных науках. Неослабевающее внимание обществоведов к данной теме можно объяснить ее жизненной актуальностью. С одной стороны, это вечная тема, а с другой – с каждым новым поколением и изменениями социальных условий она приобретает иное звучание. Понимание специфики отечественного мира детства и юношества важно еще и потому, что для современного российского социума характерен префигуративный тип культуры, в трактовке М. Мид. А это значит, что нынешним взрослым предстоит учиться у юных, как выжить в нашем постоянно усложняющемся, таящем множество рисков обществе.

Настоящий обзор освещает два десятка докладов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Дети и общество: Социальная реальность и новации», проходившей 23–24 октября 2014 г. в московских Институте социологии РАН и Институте научной информации по общественным наукам РАН.

¹ Впервые обзор был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2015. – № 2. – С. 138–168.

Всего в сборник конференции были включены более 170 докладов социологов из разных регионов России, Украины, Казахстана, Германии и Польши, посвященных актуальным вопросам реализации «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы». Массив представленных в обзоре докладов условно можно разделить на две части, порядок расположения которых подчинен определенной логике: сначала рассматриваются материалы о дошкольниках и младших школьников, затем следует анализ текстов, отражающих подростково-юношеские проблемы.

Большое число докладов освещают различные аспекты жизни дошкольников и младших школьников. По мнению исследователей, именно в этот период необходимо способствовать физическому, интеллектуальному и духовному развитию детей, обеспечивать защиту их прав и безопасность. Если имеющиеся место проблемы оказываются не разрешены в этом возрасте, в дальнейшем на первый план в рассмотрении выходят проблемные подростки. Основные среды обитания детей данного возраста – это, с точки зрения выступающих, семья и детский сад / школа. Две секции конференции были посвящены проблемам небезопасного детства и социального сиротства.

В.С. Тарченко (Московский педагогический университет) выявляет причины отказа от новорожденных в родильных домах Республики Алания [Тарченко, 2014]. Здесь прослеживается как местная специфика, так и общероссийские тенденции. По данным Минздрава РФ, в стране ежегодно регистрируется порядка 13 тыс. отказов от новорожденных. Для целей исследования были проведены интервью с 19 матерями, отказавшимися от своих детей; также в качестве респондентов выступили главврачи и работники роддомов г. Владикавказа, сотрудники местных органов опеки и заведующая Центром кризисной беременности на базе Республиканского центра охраны здоровья семьи и репродукции. Кроме того, «отказницы» прошли тест Розенберга на самооценку.

По результатам интервью выяснилось, что отцом ребенка чаще всего является знакомый женщины, с которым у нее ранее были близкие отношения, однако к тому моменту, как она узнала о беременности, отношения уже закончились, или же именно наступившая беременность стала толчком к расставанию пары. В Северной Осетии семья по-прежнему имеет вес в жизни индивида, так что если семья мужчины принимает его избранницу, они могут даже заставить его жениться, узнав о том, что она ждет ребенка, и, наоборот, если такой союз видится им нежелательным, они запре-

тят ему с ней встречаться. Аборт женщины, согласно их собственным словам, не сделали, поскольку: поздно узнали о беременности; опасались медицинских осложнений в будущем; не хотели совершать убийство; до последнего момента надеялись, что мужчина передумает и решит жениться; хотели ребенка, но подчинились воле родителей, которые не желали принимать его в семью. В качестве мотивов отказа от ребенка сами женщины называли: отсутствие поддержки со стороны родных; желание выйти замуж (чему ребенок может помешать); желание пожить для себя; тяжелые материальные условия; врожденную патологию у ребенка. Среди респонденток были как работающие, так и неработающие; семь из 19 на момент интервью получали высшее образование. Тест Розенберга продемонстрировал, что эти женщины имеют невысокую самооценку, инфантильны; их желания сводятся к тому, чтобы найти работу и / или выйти замуж; при этом большинство хотят в будущем иметь детей.

По мнению экспертов – медицинских и социальных работников, – основными причинами отказа от новорожденных являются: материальные трудности; болезнь ребенка; отсутствие адекватного полового воспитания молодежи; влияние семьи. Как сообщили исследователям сотрудники роддомов, от детей, как правило, не отказываются женщины, страдающие алкоголизмом, наркоманки, а также имеющие задержку психического развития. Возраст женщины также не играет определяющей роли. Так что речь идет о сознательном решении физически здоровой женщины, избегающей тем не менее активной жизненной позиции и неспособной противостоять трудностям. Исследование показало, что необходимо развивать профилактическую работу с молодежью, будущими матерями и отцами.

И.А. Писаренко (Санкт-Петербургский педагогический университет им. А.И. Герцена) рассматривает социальное сиротство в современной России как последствие безответственного родительства [Писаренко, 2014]. Под социальным сиротством имеется в виду сиротство «при живых родителях», т.е. речь о детях, оставленных матерями в роддоме или же чьи родители – чаще всего вследствие алкогольной или наркотической зависимости – лишены родительских прав. Как указывает докладчик, в 2007 г. в России было зарегистрировано более 742 тыс. детей-сирот, и эта цифра продолжает расти. В 2009 г. 23% сирот находились в детских домах, остальные – под опекой, в приемных / патронатных семьях или на усыновлении. По расчетам правительства Москвы, прожи-

вание ребенка в семье обходится дешевле, чем в детском доме [Писаренко, 2014, с. 1080]. В России на государственном уровне осуществляется поддержка патронажных семей. Опираясь на идеи А. Этциони, некоторые ученые призывают развивать «родительскую индустрию» (parenting industry), институт профессионального родительства¹. С точки зрения автора, в ситуации ослабления семейных ценностей, снижения рождаемости, роста числа людей, сознательно отказывающихся от деторождения – так называемых «childfree» (их количество, по оценкам специалистов, составляет порядка 10% [там же, с. 1087]), – формировать установку на ответственное родительство нужно уже у сегодняшних дошкольников и младших школьников, иначе тенденция социального сиротства значительно усугубится в будущем.

Докладчик выделяет три группы факторов того, что обозначено ею как безответственное родительство: культурно-антропологические (изменение состава и функций семьи, размытость этических норм в области заботы о детях); социально-психологические (индивидуализация существования, отсутствие продуманной семейной и образовательной политики); научно-практические (отсутствие широкого мониторинга родительских установок, а также отсутствие системы формирования ответственного родительства и адекватной помощи семье на разных этапах ее функционирования). Профилактика безответственного родительства, с точки зрения докладчика, должна включать в себя следующие направления: 1) научное, предполагающее исследование проблемы безответственного родительства с выявлением основных рисков и потенциальных ресурсов; 2) нормативно-правовое, ориентированное на разработку законодательных актов, ужесточающих ответственность за жестокое обращение с ребенком и уклонение от воспитания детей; 3) образовательное, имеющее целью модернизацию системы подготовки кадров, работающих с семьями в разных сферах, и создание системы сопровождения ответственного родительства (т.е., в том числе, психолого-педагогическую и правовую подготовку родителей и других членов семьи). В целом, заключает И.А. Писаренко, необходимо развивать комплексную, мультидисциплинарную научную область – семейную педагогику.

Проблематика социального сиротства неразрывно связана с феноменом детской беспризорности. А.А. Сабадаш (Оренбургский

¹ Крупнов Ю. Демографическая доктрина России. – Режим доступа: <http://www.kgroupnov.ru/pubs/2005/03/19/10232/#1-1> (Дата обращения: 31.12.2014.)

государственный педагогический университет) видит непосредственную причину беспризорности в безнадзорности; в том же, что приводит к подобному положению, она стремится разобраться в своем докладе [Сабадаш, 2014]. К беспризорным, прежде всего, относят детей: потерявших семейные и родственные связи; брошенных родителями или самовольно ушедших из семей, где с ними жестоко обращались и не обеспечивали им минимально необходимых условий для жизни; убежавших из детских домов; осужденных за совершение преступления, но получивших отсрочку отбывания наказания¹. Эти дети могут заниматься бродяжничеством, попрошайничеством, совершать мелкие кражи и другие правонарушения, употреблять спиртные напитки и наркотики. Безнадзорный ребенок еще живет в семье, однако контроль за его времяпрепровождением, поведением, обучением со стороны родителей или лиц, их замещающих, ослаблен либо отсутствует, частично либо полностью отсутствует необходимое педагогическое воздействие, родители или опекуны не исполняют должным образом своих обязанностей по отношению к ребенку. Безнадзорность – первый шаг на пути к беспризорности; достаточно небольшого толчка со стороны семьи или улицы, чтобы такой ребенок пополнил ряды беспризорников.

Что же приводит к безнадзорности? Разные авторы связывают рост числа безнадзорных детей с ослаблением роли семьи в обществе, увеличением количества неполных семей, низким уровнем образования и / или девиантным поведением родителей, несерьезным отношением последних к своим родительским обязанностям, кризисом системы внешкольного и дополнительного образования (многие кружки, секции и т.п. упразднены либо переведены на платную основу, в то время как платить за досуговые занятия ребенка может себе позволить не каждая семья).

Социальные исследователи, принявшие участие в конференции, ощущают свою ответственность за подрастающее поколение, за то, в какой среде оно живет и развивается. Едва ли не наибольшую озабоченность вызывает информационная безопасность детей. С.Н. Майорова-Щеглова (Российский государственный гуманитарный университет, Москва) в своем докладе представляет социологический взгляд на то, каким образом общество должно обеспечить информационную безопасность детей [Майорова-

¹ Шелепова Е.В., Абызов К.Р. Безнадзорность. Беспризорность. Преступность (криминологический анализ). – Барнаул: ААЭП, 2009. – С. 6–9.

Щеглова, 2014]. По мнению докладчика, пути решения данной проблемы определяются статусом детства в обществе. Она отмечает, что для российского социума уже не характерен повсеместный страх по поводу тлетворного влияния Интернета. По данным ВЦИОМ, менее четверти россиян (23% респондентов) считают, что Интернет не приносит детям ничего, кроме вреда. Причем в большинстве своем это люди, которые сами Интернетом не пользуются. Также озабоченность судьбой детей в Сети растет с возрастом¹.

Докладчик рассматривает четыре подхода к детству в социальных науках. 1. Дети – объект защиты и заботы взрослых, государства; им нужно создавать «тепличные» условия. В информационном пространстве это означает введение возрастных ограничений, создание фильтров и т.п. 2. Дети – особое племя, со своей субкультурой, и цивилизовать их можно с помощью образования, в том числе медиаобразования. 3. Детство – исчезающее явление в современном обществе; имеет место раннее взросление (например, дети уже в раннем возрасте имеют представление о сексе, смерти, деньгах и т.п.). В то же время увеличивается число так называемых кидалтов, так что грань между детством и взрослостью стирается. Тем самым дети не должны выделяться в особую группу, нуждающуюся в особом подходе при разработке системы информационной безопасности. 4. Эмансипация детства: дети взрослеют скорее в большом обществе, нежели в семье; на смену семейной социализации приходит социализация «публичная». Дети все меньше общаются с родителями, уходя в том числе и в «электронный мир». В рамках данного подхода детский опыт признается самоценным, дети наделяются правом на эксперименты офлайн и онлайн.

В российском обществе пока превалирует первый подход. Контроль над СМИ вводится на правительственном уровне. Однако докладчику такой подход не кажется перспективным. Тем более что Интернет не вызывает в обществе прежней настороженности, и взрослые также постепенно вовлекаются в интернет-пространство. Исследования показали, что дети, являющиеся активными интернет-пользователями, оказываются не менее активными и в реальной жизни: они посещают мероприятия, о которых узнают в Сети, онлайн-общение со сверстниками продолжается офлайн; Интернет

¹ ВЦИОМ: Дети в Интернете: Поощрять или ограничивать? // Эхо Москвы. – М., 2014. – 7 апреля. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/blog/echomsk/1295236-echo/> (Дата обращения: 23.08.2016.)

используется не только для развлечений, но и для обучения. Кроме того, Сеть может способствовать самореализации людей с ограниченными возможностями, в том числе детей-инвалидов. Таким образом, делает вывод докладчик, необходимо не вводить запреты, а способствовать самовыражению подрастающего поколения в Интернете, поддерживать проекты, ориентированные как на детей, так и на их родителей. Нужно консультировать родителей по поводу того, как из новых СМК, и прежде всего Интернета, извлечь пользу для семьи и ребенка.

Тем не менее первичная социализация ребенка осуществляется в семье. А.С. Остапенко (Оренбургский государственный педагогический университет) анализирует роль воспитательного потенциала семьи в процессе социализации [Остапенко, 2014]. Как указывает докладчик, педагогический воспитательный потенциал семьи определяется прежде всего такими факторами, как, во-первых, ценности семьи, т.е. наиболее значимые идеалы и цели воспитания с точки зрения социокультурной среды семьи и способы их достижения, и, во-вторых, родительский потенциал, иными словами, совокупность педагогических возможностей родителей, которые находят отражение в воспитании ребенка. К основным компонентам воспитательного потенциала семьи А.С. Остапенко, опираясь на существующие исследования, относит: воспитательную структуру семьи, ее социально-ролевую адекватность, культурно-образовательный уровень родителей, родительскую компетентность, психологическую атмосферу семьи и стиль семейного воспитания. При этом известно, что семья может стать как позитивным, так и негативным фактором воспитания. В общении с близкими людьми ребенок усваивает нормы и ценности, приобщается к разнообразному жизненному опыту и различным поведенческим моделям. В семье складываются индивидуальные черты личности, а также формируется социальная природа человека, т.е. осуществляется процесс социализации. Все это, с точки зрения докладчика, делает семью первичным воспитательным институтом общества.

В семье происходит первоначальное развитие ребенка. Доклады М.Е. Ланцбург (Московский городской психолого-педагогический университет) и ее коллег посвящены взаимоотношениям матери и ребенка в раннем возрасте [Ланцбург, Дудина, 2014;

Ланцбург, Соловьева, 2014]. На основе работ других авторов¹ М.Е. Ланцбург были разработаны методики родительской оценки детей (РОД) и диагностики диадического взаимодействия матери и ребенка. Методика РОД характеризует восприятие матерями своих детей (в баллах от 1 до 100) по пяти показателям – внешность, здоровье, характер, самостоятельность, сообразительность. Как продемонстрировало проведенное исследование, в первый год жизни ребенка материнские ожидания в отношении всех пяти характеристик являются исключительно высокими, находясь в пределах от 99,9 (внешность) до 93,4 балла (самостоятельность). В то же время как таковая оценка качеств детей значительно ниже: характер – 85,6, сообразительность – 82,4, здоровье – 76,7, самостоятельность – 71,1 балла; и только внешность вполне удовлетворяет матерей, в среднем набирая 99,5 балла. В дальнейшем оценка каждого из качеств продолжает снижаться, к третьему году жизни ребенка составляя, соответственно (по убыванию от внешности к самостоятельности): 90,5; 82,5; 73,6; 70,7; 68,8 балла. Тем не менее ожидания и на третьем году продолжают оставаться высокими, по всем показателям превышая 91 балл, что указывает на завышенные требования, предъявляемые матерями к детям, и несоответствие ожиданий и реальной оценки качеств последних.

Методика диагностики диадического взаимодействия, основывающаяся на анализе свободной игры матери и ее ребенка, была разработана М.Е. Ланцбург на базе существующей диагностики психического развития ребенка от рождения до трех лет². В рамках эксперимента матери предлагают поиграть со своим ребенком в течение 7–10 минут так, как это обычно происходит дома; с согласия женщины игра записывается на видео. Полученная видеозапись анализируется по ряду параметров. В частности, выявляется, насколько эффективно мать организует пространство взаимодействия, проявляют ли мать и ребенок инициативу в процессе общения и поддерживают ли инициативу друг друга, насколько они эмоционально вовлечены во взаимодействие, концентрирует ли ребенок внимание на матери и понимает ли в полной мере ее речь.

¹ См., в частности: *Смирнова Е.О., Соколова М.В.* Методика диагностики структуры родительского отношения и его динамики в онтогенезе ребенка // Психологическая наука и образование. – М., 2005. – № 4. – С. 83–91.

² Диагностика психического развития детей от рождения до трех лет / *Смирнова Е.О., Галигузова Л.Н., Ермолова Т.В., Мещерякова С.Ю.* – М.: МГППУ, 2002.

Также учитывается частота использования обоими участниками вербальных и невербальных средств выражения эмоций. Наконец, характеризуется предметная деятельность ребенка, а именно: какие действия с предметами он совершает, насколько активен в своей познавательной деятельности, сопровождает ли свои действия речью. С точки зрения докладчиков, данная методика может быть использована для оценки развития как отдельных детей, так и групп детей раннего возраста.

Исследователей волнует физическое и духовное развитие детей. Среди тем, вызывающих наибольший интерес, – формирование здорового образа жизни, трудовое, экологическое, эстетическое воспитание, воспитание средствами музыки, литературы, изобразительного искусства. Так, В.С. Собкин и К.Н. Скобельцина (Институт социологии образования РАО, г. Москва) изучают вопрос приобщения детей дошкольного возраста к художественной литературе [Собкин, Скобельцина, 2014]. В основе доклада – материалы соцопроса 1936 родителей, чьи дети посещают детские сады г. Москвы. Докладчики напоминают, что, по мнению психологов¹, именно в дошкольном возрасте активно формируется художественное восприятие и воображение ребенка; чтение закладывает основы общей культуры, способствует развитию речи, интеллекта, эмоциональной сферы и нравственности маленького человека. Как продемонстрировал проведенный опрос, родители регулярно читают своим детям; для 54% респондентов чтение является основным видом совместного досуга с детьми. 44% читают детям ежедневно, а 35% – два-три раза в неделю. При этом около 9% родителей ответили, что у них нет времени на то, чтобы почитать ребенку. Из нечитающих по причине занятости отцов в три раза больше, чем матерей. Регулярность родительского чтения снижается с возрастом – в возрасте пяти-семи лет дети уже получают удовольствие от самостоятельного чтения. И хотя данный навык, безусловно, является позитивным приобретением, родители тем самым теряют важную ситуационную основу для общения с ребенком.

В как таковых предпочтениях дошкольников и их родителей преобладают произведения отечественной литературы, зарубежных авторов отметили около 19% респондентов. Детям ясельной группы (полтора-три года) обычно читают стихи и русские народ-

¹ См., например: Эльконин Д.Б. Психология обучения младшего школьника. – М.: Знание, 1974.

ные сказки – через эти литературные жанры, отмечают докладчики, происходит приобщение ребенка к художественной литературе. В три-четыре года дети проявляют интерес к книгам, в которых действуют антропоморфные персонажи (животные / предметы), а сюжет развивается вокруг семейных отношений. В возрасте четырех-пяти лет ребенок начинает идентифицировать себя с персонажем-ребенком из литературного произведения (Чипполино, Кай, Герда), что является отражением его самоидентификации в отношениях со взрослыми. В старшем дошкольном возрасте (пять-семь лет) дети предпочитают произведения, в которых раскрывается социальное поведение и ставятся морально-этические вопросы (добро / зло, смелость / трусость, верность / предательство). Определяющее значение здесь имеют взаимоотношения не со взрослыми, а со сверстниками. Накладывает свой отпечаток на предпочтения и пол ребенка: в любимых книгах девочек главным является женский персонаж (Красная Шапочка, Золушка, Дюймовочка), у мальчиков – мужской (Мойдодыр, Дядя Степа, Малыш, Карлсон, Маугли). Причем то же справедливо и в отношении родителей: матери чаще читают своим детям книги с главным женским персонажем, отцы – с мужским, т.е. гендерная самоидентификация родителей влияет на приобщение ребенка к художественной литературе и трансляцию культурного опыта. Как представляется докладчикам, полученные ими сведения могут быть использованы при подготовке воспитательных и образовательных программ для детей дошкольного возраста.

Еще одно направление, представляющееся исследователям исключительно важным, – это патриотическое воспитание; они считают необходимым, чтобы детям как можно в более раннем возрасте прививалась любовь к России и к их малой родине. Так, в докладе Г.А. Подлужной и Т.И. Крутяковой (сотрудников МБДОУ № 74 «Филиппок», г. Сургут) описывается практика воспитания у детей этнокультурных традиций [Подлужная, Крутякова, 2014]. Как отмечают докладчики, национальная культура таит в себе значительные воспитательные возможности. С малых лет ребенок слышит песни и сказки на родном языке и начинает осознавать себя членом этноса, к которому принадлежит; культура родного края становится для него первым шагом в освоении мировой культуры. В Югорском крае проживают представители многих народов – русские, украинцы, татары, башкиры, дагестанцы, ханты и манси, так что дети могут узнать самые разные народные традиции. В сургутском детском саду «Филиппок» дети с раннего возраста

играют в народные подвижные игры, слушают и поют народные песенки и потешки. Фольклор, по словам докладчиков, несет в себе народную мудрость, представления о красоте и справедливости. В более старшем возрасте расширяется знакомство детей с произведениями народной музыки, литературы, изобразительного искусства. Эти произведения также становятся основой для собственного творчества детей.

Детский сад работает по программе «Социокультурные истоки», направленной на формирование духовно-нравственных основ личности ребенка в процессе освоения культурного наследия народов России. В Югорском крае одним из приоритетных направлений является знакомство с традициями народов ханты и манси. Их сказания повествуют о смелости, доброте, единстве с природой. Среди практикующихся форм работы – просмотр презентаций, художественные мастер-классы, минутки чтения, театрализованные представления по темам: «Наш край Югра», «Обряды народов Севера», «Одежда и обувь коренных народов Севера», «Орнаменты природы в искусстве народов ханты и манси», «Куклы наших предков», «Сказания земли сибирской». Проводятся праздники – как русские, так и народов Севера: Масленица, Рождество, Вороний день, Медвежий праздник, Проводы лебедя. Во всех группах детского сада организованы мини-музеи, для которых собираются различные предметы народно-прикладного искусства. Сами дети осваивают различные художественные техники: валяние, коллаж, оригами, квиллинг, конструирование игрушек из мятой бумаги. Совместно с детьми воспитатели мастерят поделки из природных материалов, причем эти работы неоднократно занимали призовые места на региональных и всероссийских конкурсах. Летом организуются экскурсии на реку Сайма, в этнографический музей под открытым небом «Старый Сургут». С целью повышения квалификации воспитатели участвуют в специализированных семинарах и круглых столах. В проведение мероприятий вовлечены и родители. По мнению докладчиков, в результате участия в данной программе у детей проявляется этнокультурный интерес, они осознают себя как личностей, в них крепнет вера в собственные возможности.

Немало докладов посвящено вопросам институционализированного дошкольного и младшего школьного образования. П.Г. Бобылев и Ю.В. Медова, директор и замдиректора Ердневской средней общеобразовательной школы (пос. Головтеево Калужской области), рассказывают о своем опыте реализации задачи

преемственности между детским садом и школой [Бобылев, Медова, 2014]. В преемственности целей от детского сада к школе доладчики видят основу непрерывности образования и воспитания детей. По их словам, дошкольная ступень формирует фундаментальные личностные качества ребенка, а школа призвана развить накопленный потенциал. При поступлении в школу от ребенка требуется ряд умений, в частности: осуществлять действие по образцу; сохранять заданную цель; видеть и исправлять указанную ошибку; контролировать свою деятельность; адекватно понимать оценку – прежде всего взрослого, но также и сверстника. Для этого на ступени дошкольного образования должны быть сформированы предпосылки познавательных и коммуникативных учебных действий. Необходимо, чтобы ребенок испытывал потребность в общении с взрослыми и ровесниками и обладал для этого общения необходимыми вербальными и невербальными средствами. Также важен позитивный настрой по отношению к предстоящему школьному обучению.

В поселке Головтеево уже в течение нескольких лет действует проект, получивший название «Сетевое взаимодействие: Детский сад – школа» и объединяющий Ердневскую общеобразовательную школу и местный детский сад «Росинка». Содержание образовательной и воспитательной деятельности является плодом совместной работы сотрудников двух учреждений; также сообщая они помогают детям пройти адаптацию от детского сада к школе. В рамках проекта осуществляются необычные формы работы. Например, старшие дошкольники регулярно участвуют во внеклассных мероприятиях школы (концертах, мастер-классах, Дне знаний). Дети из подготовительной группы детского сада знакомятся с помещением школы, осматривают библиотеку, музей, спортивный зал, отдельные учебные кабинеты. В начале и в конце учебного года родители дошкольников проходят анкетирование по поводу готовности их детей к школе; проводятся совместные родительские собрания – с участием родителей дошкольников и первоклассников. Что касается педагогического состава, то воспитатели детского сада посещают уроки в школе, а школьные учителя – занятия в детском саду, за чем следует обсуждение и вынесение рекомендаций. Проходят совместные круглые столы сотрудников двух учреждений с участием обоих руководителей. Воспитатели и учителя делают вывод о готовности детей к школе. Задача преемственности между детским садом и школой, подводят итог док-

ладчики, может решаться лишь совместно сотрудниками дошкольного учреждения, работниками школы и семьей.

Наконец, еще одна животрепещущая тема, которую не могли обойти вниманием докладчики, – это адаптация детей мигрантов к жизни в российском социуме. Е.В. Конькина и И.А. Савинова (Оренбургский государственный педагогический университет) анализируют проблему самоутверждения детей-мигрантов и предлагают пути ее решения [Конькина, Савинова, 2014]. Как отмечают докладчики, проблема миграции является для России исключительно актуальной: страна находится на втором месте в мире по числу иммигрантов (11 млн человек) [там же, с. 668]. Прибывая в страну, эти люди живут изолированно, не ассимилируются в принимающем их обществе. Во многих случаях они не владеют русским языком и не знакомы с русской культурой. В нелегкой ситуации оказываются их дети: они поступают в русские школы, где никто не намерен принимать во внимание отсутствие у них необходимых знаний, в том числе знания русского языка; в обычной ситуации учителя просто не в состоянии ликвидировать подобный пробел. В процессе самоутверждения эти дети испытывают серьезные трудности: из-за незнания языка и местных традиций, норм поведения они не могут ощутить себя полноценными членами детского коллектива, в общении со сверстниками возникают разногласия. По понятным причинам родители не способны помочь им адаптироваться. Докладчики предлагают решать данную проблему за счет профилактических мер, а именно обучения детей правилам русского языка, навыкам чтения и письма; прояснения менталитета россиян и норм поведения в российском обществе; знакомства с играми российских детей и т.п. Дети, подчеркивают докладчики, усваивают информацию быстрее взрослых, так что это благодатная почва для реализации подобной стратегии.

Занимая приграничное положение, Оренбургская область сталкивается со значительным миграционным потоком, и в ней уже начали воплощаться в жизнь некоторые идеи, призванные облегчить ситуацию с миграцией и улучшить положение мигрантов. Помимо одного из первых в стране центров обучения и адаптации для взрослых мигрантов, здесь, на базе Оренбургской областной полиэтнической детской библиотеки, с 2013 г. действует проект «Уроки русского языка», ориентированный на детей-мигрантов четырех-семилетнего возраста. В рамках данного проекта дети не только учат нормы чтения и орфографии, но и в игровой форме, читая стихи и проигрывая сказки, узнают культуру России. Тем

самым они готовятся к тому, чтобы учиться в российской школе и жить в российском обществе. В сентябре 2013 г. в библиотеке прошел праздник «Мы – вместе, мы – друзья!», организованный совместно с Оренбургской региональной таджикской национально-культурной автономией, УФМС по Оренбургской области и Оренбургским государственным педагогическим университетом. Таджикские дети, посещавшие занятия в течение двух месяцев, прочли стихи на русском языке и с помощью родителей инсценировали несколько сказок – «Репка», «Теремок» и др. Е.В. Конькина является руководителем научно-психологического центра на базе психолого-педагогического факультета ОГПУ; одно из приоритетных направлений его деятельности – работа в поликультурной образовательной среде. Ожидается, что в дальнейшем студенты факультета будут принимать все более активное участие в работе с детьми-мигрантами.

Что касается подросткового возраста и ранней юности, то большинство специалистов убеждено в том, что это один из наиболее сложных возрастных периодов в жизни человека. Именно с ним связано формирование целостной идентичности, побуждающее юных к осмыслению окружающего мира и своего места в нем; по сути, в это время впервые начинается то, что М.К. Мамардашвили назвал собиранием себя как миссии зрелой самодостаточной личности. Круг тем анализируемых ниже текстов необычайно широк и отражает разные стороны происходящих в жизни современных подростков перемен.

В докладе профессора Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена Л.А. Рёгуш (г. Санкт-Петербург) представлены результаты исследования психологических проблем подростков, проводившегося с 1993 по 2012 г. [Рёгуш, 2014]. На первом этапе, в период 1993–2008 гг., использовался адаптированный к российской выборке вариант «Проблемной анкеты», разработанной еще в 70-е годы прошлого века немецкой исследовательницей И. Зайфге-Кренке¹. Методика, ориентированная на 12–18-летних подростков, помогает выявить психологиче-

¹ *Seiffge-Krenke I. Bewältigung alltäglicher Problemsituationen: Ein Coping-Fragebogen für Jugendliche // Ztschr. für differentielle u. diagnostische Psychologie. – Bern, 1989. – Jg. 10, N. 4. – S. 201–220.*

Описание процедуры адаптации методики см. в работе: Психологические проблемы молодежи: Стандартизированная методика: Научно-методические материалы / Рёгуш Л.А., Алексеева Е.В., Орлова А.В., Пежемская Ю.С. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2013.

скую напряженность в семи различных сферах жизни: отношение к будущему; проблемы, связанные с родительским домом и школой; сложности в общении со сверстниками и противоположным полом, а также трудности в отношении собственного Я и проведения досуга. Каждая шкала содержит перечень трудных жизненных ситуаций, с которыми могут столкнуться юноши и девушки. Уровень проблемной озабоченности оценивается в баллах от 1 до 5. По словам Л.А. Ретуш, несмотря на то что за минувшие годы эта методика успешно прошла проверку на надежность и валидность, она не в полной мере учитывает психологические проблемы, возникшие под влиянием новых социальных реалий. Поэтому в 2012 г. была создана и стандартизирована новая методика «Психологические проблемы подростков», призванная отразить изменившиеся социальные условия и зафиксировать тенденции в новых проблемных областях подростковой жизни (жизнь общества, здоровье)¹.

Опросы, данные которых приведены в статье, базировались на результатах пяти сравнительно-социологических обследований на протяжении почти 20-летнего периода, что позволило сравнить психологическое состояние подростков, проживающих в различных социально-экономических условиях. Так, исследования 1993, 1996 и 2008 гг. проводились в кризисные периоды российского общества; третий и пятый срезы, осуществлявшиеся в 2002 и 2012 гг., пришлось на время относительной социальной стабильности.

В итоге было обнаружено, что на протяжении двух десятилетий средний уровень проблемной озабоченности подростков зависел от сложившейся в стране социально-экономической ситуации: в периоды социальной нестабильности он становился выше, в благополучные годы, напротив, снижался. По словам Л.А. Ретуш, вплоть до 2008 г. респондентов, прежде всего, тревожили отнюдь не «детские» вопросы, связанные с будущим, – проблемы успешной самореализации, выбора дальнейшей профессии, возможность хорошо зарабатывать, создать семью и т.п. Как правило, второе по значимости ранговое место занимали проблемные переживания, связанные с родительским домом: непонимание и конфликты с родными, жесткий контроль с их стороны, отсутствие полноцен-

¹ Психологические проблемы подростков: Стандартизированная методика: Научно-методические материалы / Ретуш Л.А., Алексеева Е.В., Орлова А.В., Пележская Ю.С. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012.

ного общения в семье. Данные переживания, полагает исследовательница, обусловлены как происходящими в стране процессами, так и сложившимися в российских семьях традиционными подходами к воспитанию. Вместе с тем, по словам автора, начиная с 2008 г. была зафиксирована позитивная переориентация поведенческих паттернов родителей с «условной любви» к детям на безусловную.

Также результаты опросов обнаружили трансформации во взаимоотношениях респондентов со сверстниками: современный подросток, частично становясь обитателем виртуальной реальности, значительно меньше беспокоится по поводу проблем, связанных с дружеским общением и социальным принятием. Произошли изменения и в отношении подростков к вопросам школьной жизни: если в первое десятилетие эти проблемы не вызывали у учащихся большой тревоги, то сегодня (2008–2012) школа является одним из основных факторов стресса для детей. Такая ситуация, убеждена Л.А. Регуш, обусловлена преобразованиями, сотрясающими российскую школу на протяжении последних лет.

Помимо этого, исследование выявило высокую социальную и гражданскую активность петербургских подростков. Об этом говорит появление в их поле переживаний новой проблемной области, связанной с жизнью общества, которая, кстати, по результатам опроса 2012 г., заняла первое место, перейдя в разряд личных переживаний участников и обогнав остальные вызывающие беспокойство вопросы. Круг социальных проблем, волнующих подростков, достаточно широк: это распространение алкоголизма и наркомании, безразличие людей друг к другу, незащищенность современного человека перед различными угрозами, ухудшение экологии и т.д. Причем полученные данные свидетельствуют о готовности респондентов повлиять на происходящие в обществе негативные процессы. Автор исследования надеется, что российское общество сможет в позитивном ключе использовать имеющийся у российского юношества потенциал социального неравнодушия.

В целом, по словам Л.А. Регуш, сегодняшний Санкт-Петербургский подросток существенно отличается от своего ровесника «образца 1993 года»: он озабочен более «взрослыми» проблемами, его волнуют не только собственный «мирок» (школа, друзья, родители) и личное будущее, но и жизнь социума.

В работе других петербургских исследовательниц О.Н. Безруковой и Е.М. Юрзановой (Санкт-Петербургский государственный

университет) предпринята попытка понять, являются ли дети субъектами происходящих в современном обществе структурных, институциональных и культурных изменений на микро- и макроуровнях [Безрукова, Юрзанова, 2014]. Теоретическую базу исследования составили концепция социальных изменений П. Штомпки, принципы социального конструктивизма¹ и теория М. Мид о трех типах культуры².

В качестве основного исследовательского метода использовалось глубинное интервью с подростками и родителями из разных типов петербургских семей, а отбор респондентов осуществлялся методом типичных представителей. При выборе информантов учитывались следующие условия: опрашивались семьи с детьми от 12 до 16 лет, относящие себя к среднему классу, а также считающие свои отношения с родителями и (или) детьми современными (партнерскими) и (или) традиционными (иерархическими). В результате были отобраны шесть семей и проинтервьюированы 16 информантов (восемь родителей и восемь детей). Также были проведены беседы с четырьмя экспертами (учитель, врач-педиатр и социологи).

Результаты исследования подтвердили гипотезу о том, что дети и их законные представители – прежде всего экспертное и родительское сообщество – являются акторами институциональных общественных изменений на макроуровне. Благодаря этому, например, происходит совершенствование государственной социальной политики в отношении детей: были приняты «Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы», «Концепция семейной политики в Санкт-Петербурге на 2012–2022 годы», ряд региональных документов схожей тематики, что способствовало активизации общественных дискуссий о социальных проблемах детства.

Влияние детей осуществляется и на микроуровне – в семьях, где они проживают. Прежде всего, это воздействие заключается в изменении образа жизни родителей, переориентации их жизненных интересов и ценностей; младшие члены семьи нередко подталкивают старших к гражданской активности, которая в итоге выливается в акции в защиту прав детей, в поддержку доступности детсадов, за экологическую среду проживания и т.п. Результаты

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995.

² Мид М. Культура и мир детства. – М.: Наука, 1988.

интервью продемонстрировали, что в семьях с различными типами детско-родительских отношений у родителей происходит переоценка опыта прошлых воспитательных стратегий – в первую очередь, авторитарных. Семьям современного типа, как правило, свойственна доброжелательная атмосфера, позволяющая детям и родителям уважать друг друга и общаться без психологического напряжения. Тогда как подростки из авторитарно-традиционных семей проявляют неуверенность, зависимость от чужого мнения, инфантилизм, поведенческие девиации. В целом семьи обоих типов чувствуют прямое или косвенное влияние со стороны детей. Так, в семьях с современным типом отношений дети часто способствуют территориальной и профессиональной мобильности родителей. По словам авторов исследования, под воздействием детей у некоторых родителей происходит не просто переоценка ценностей, но и полная трансформация жизненных целей, обретение новой жизненной философии, которую можно назвать *дауншифтингом ради детей*.

Подводя итоги, О.Н. Безрукова и Е.М. Юрзанова отмечают основные зафиксированные ими тенденции относительно влияния детей на перемены, происходящие в семье и обществе. Во-первых, это касается большей скорости социальных изменений на микроуровне по сравнению с трансформациями макроуровня. Во-вторых, в сравнении с авторитарными, семьи с партнерским типом детско-родительских отношений более податливы к детскому воздействию.

Как бы ни была интересна тема влияния детей на образ жизни и мировоззрение родителей, однако традиционным в отечественной социальной науке по-прежнему остается изучение роли родительской семьи в формировании жизненных ценностей и поведенческих стратегий детей. В центре внимания старшего научного сотрудника Социологического института РАН Н.В. Колесник (Хосуевой) (г. Санкт-Петербург) находится процесс воспроизводства социального капитала родительской семьи в высокостатусных группах общества [Колесник (Хосуева), 2014].

Объектом исследования Н.В. Колесник (Хосуевой) стали элитные семьи, жизнь которых является относительно новым и достаточно закрытым сюжетом в отечественной исследовательской практике. Причем, по ее словам, подобные темы эмпирических исследований относятся к малоизученным не только в российской, но и в западной элитологии. Источником информации для исследовательницы послужили биографические интервью, опубликованные в журнале «Элита общества», – издании, расска-

зывают о жизни представителей российской элиты и ориентированном на такую же «непростую» аудиторию. Были проанализированы 36 интервью, опубликованных до 2005 г. в рубриках «Наследники», «Династии» и «Специальное интервью». Дополнительным источником данных послужили результаты анкетирования представителей экономической, политической и административной элиты Санкт-Петербурга в 2009 г. Анкета содержала так называемую паспортную, включавшую сведения о семье, родителях, образовательном уровне респондентов и тому подобную информацию. Таким образом, основным инструментом исследования стал биографический метод.

Под элитной семьей автор понимает социальную группу, основанную на кровнородственных отношениях, в которой один или несколько членов занимают высшую позицию в институции, участвуют в процессе принятия решений на довольно высоком уровне, а также обладают достаточной репутацией для отнесения их к элите. Анализ данных показал, что в общей массе высокостатусных петербуржцев одну треть составляют выходцы из страты интеллигенции / служащих. У каждого пятого представителя элиты Петербурга мать занимает руководящую должность, у трети отцы находятся на ключевых позициях различных институций.

Было выявлено, что на успехи детей в учебе и в дальнейшей профессиональной деятельности серьезное влияние оказывают ожидания родителей и их финансовые возможности. Причем, по словам большинства информантов, хорошее образование кажется им важным не столько само по себе, сколько в качестве необходимого социального ресурса для выстраивания карьеры. Автор исследования выделяет несколько образовательных линий поведения в элитных семьях. Прежде всего, это условно самостоятельный путь, когда дети выбирают элитное, однако отличное от профессионального выбора их родственников образование, и имеющая широкое распространение модель династического образования. Кроме того, достаточно популярны случаи, когда образовательные траектории детей связаны с профессией родителей, но не являются династическими, или ситуации, при которых образование становится способом наследования высокого профессионального статуса одного из родителей. Также был зафиксирован маргинальный случай, когда образование наследника / наследницы по сути является элементом культурного капитала (ребенка с детства воспитывают на принципах сформированного в семье кодекса чести). Вместе с тем Н.В. Колесник (Хосуева) отмечает следующую тенденцию:

дети представителей крупного бизнеса, как правило, по настоянию родителей учатся в престижных зарубежных вузах, тогда как образовательный выбор детей крупных политиков ограничен престижными вузами нашей страны.

Лишь частично подтвердилась гипотеза о семье как ведущем агенте в передаче культурного капитала: беседы с информантами показали, что школа и социальное окружение также во многом берут на себя эти функции. Определенно прослеживается влияние сильноресурсных родителей на факт выбора брачного партнера для своего ребенка. В семьях политической и экономической элиты в роли будущих мужей / жен, как правило, выступают представители ближайшего окружения их родителей (соратники по партии, партнеры по бизнесу, дети одноклассников, однокурсников и т.п.). Даже когда выбор партнера осуществляется по принципу случайности, обычно в роли спутника жизни оказывается тот, кто вращался в близких к жениху / невесте социальных кругах.

Наряду с семьей важнейшими агентами первичной социализации являются институты образования. Этому вопросу и посвящен доклад старшего научного сотрудника Института социологии РАН И.Е. Прониной (Москва), в котором приводятся результаты опроса экспертов в сфере дошкольного / школьного образования и данные анкетирования российских старшеклассников [Пронина, 2014].

Цель экспертного опроса – определить, что, с точки зрения респондентов, представляет собой процесс социализации в современных условиях и какова роль и эффективность подсистем образования в качестве агентов социализации подрастающего поколения. В процессе исследования было опрошено 25 экспертов, работающих в школах и ДООУ г. Москвы (апрель-май 2014; возраст опрошенных составил от 25 до 62 лет). Впоследствии полученные данные были обработаны с помощью программы Vortex.

По мнению экспертов, в понятие социализации детей и подростков на сегодняшний момент входят следующие составляющие: адаптированность к жизни в обществе; усвоение господствующих в обществе норм и ценностей; умение коммуницировать со сверстниками и взрослыми; воспитание личности, в том числе гражданское; социализация посредством электронных устройств; использование среды для собственного развития [Пронина, 2014, с. 574–575].

Абсолютное большинство информантов зафиксировали существенные изменения в методах социализации, произошедшие за

последние десятилетия в нашей стране. Прежде всего, это связано с возникновением новых технологий и распространением в обществе более демократичного, личностно ориентированного подхода к детям. Среди негативных явлений социализации экспертами были отмечены закрытость и агрессивность окружающих, уход подростков «в виртуал», усиление отрицательного влияния на детей средств массовой информации.

Другой опрос, о котором идет речь в докладе И.Е. Прониной, проводился в рамках проекта «Старшеклассники 2011–2012» и охватил 526 участников в возрасте от 13 до 18 лет, проживающих в Москве, Люберцах, Обнинске, Магадане, Троицке и Лангепасе [Пронина, 2014]. Большую часть респондентов составила возрастная группа 16–17-летних.

Исследование показало, что подавляющее большинство (более 80%) российских школьников посещают школу с нейтральным или хорошим настроением, однако у 13,3% респондентов школа вызывает отрицательные эмоции [Пронина, 2014, с. 578]. Интересны ответы старшеклассников о том, что бы им хотелось изменить в школьном образовании. Прежде всего, опрошенные хотели бы увидеть в школе следующие трансформации: усиление подготовки к экзаменам, отмену некорректных тестов, увеличение зарплаты учителям, распределение равномерной нагрузки по всем предметам в течение недели и учебного года, оптимизацию расписания. Минимальное количество респондентов сказали о расширении участия школьников в общественной жизни, индивидуальном подходе к ученикам, особой помощи одаренным детям, а также пожелали увидеть в стенах *alma mater* новые преподавательские методики и изменить длительность уроков. Как справедливо замечает автор доклада, претензии школьников по сути вызваны охватившими отечественное школьное образование нововведениями, среди которых ключевыми можно считать постоянно изменяющиеся требования к сдаче аттестационных экзаменов, введение пробных испытаний и ужесточение процесса их сдачи; эти и другие новации становятся дополнительным стрессогенным фактором для школьников, живущих в нашем и без того сложном, постоянно трансформирующемся обществе. Напомним, что подобные тенденции фиксировались и в анализируемом выше исследовании Л.А. Перуш.

Эра новых технологий, даря современному человеку множество возможностей, нередко становится источником уникальных проблем. Работа научного сотрудника Московского городского

психолого-педагогического университета О.А. Гуркиной поднимает актуальную сегодня тему социализации подростков в виртуальных социальных сетях и основывается на результатах опроса московских десятиклассников о распространенности в онлайн-среде тех или иных поведенческих паттернов [Гуркина, 2014]. Опираясь на статистические данные других авторов, О.А. Гуркина отмечает огромную популярность социальных сетей у россиян, в том числе молодых. Так, по частоте использования социальные сети практически не уступают таким популярным интернет-ресурсам, как поисковая система Яндекс и почтовый сервис Mail.ru¹, а в 2012 г. из 61 млн российских интернет-пользователей 82% были зарегистрированы в социальных сетях². Дополнительно была проведена онлайн-фокус-группа, участниками которой стали модераторы популярных среди подростков сообществ социальной сети ВКонтакте. Итоговая реализованная выборочная совокупность составила 356 человек.

По данным исследования, общение в социальных сетях является одной из самых распространенных досуговых практик молодежи, обгоняя занятия спортом или чтение. Большинство школьников имеют приличный стаж использования социальных сетей и проводят в них ежедневно от одного до пяти часов. Наибольшей популярностью у молодежи пользуются сети ВКонтакте, Facebook, Instagram, Twitter.

Исследовательница попыталась выявить социализирующий эффект социальных сетей с применением основных постулатов теории социального научения А. Бандуры. Согласно данной концепции, основной механизм усвоения нового опыта и поведения происходит за счет наблюдения за поведением окружающих и подражания ему. Именно таким образом, предполагал ученый, у индивида складывается представление о нормативном и правильном поведении.

Для проверки гипотезы о воздействии наблюдаемого поведения окружающих на формирование норм и правил собственного поведения респондентам был предложен ряд вопросов. Оценивая

¹ Зверева У., Здановская М. Исследование аудитории российских социальных сетей // CMSmagazine: Аналитический портал рынка web-разработок. – Режим доступа: <http://research.cmsmagazine.ru/audience-research-russian-social-networks/> (Дата обращения: 31.12.2014.)

² Россияне «в сети»: Рейтинг популярности социальных медиа: Пресс-выпуск ВЦИОМ от 13.02.2012 г. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1462> (Дата обращения: 24.08.2016.)

распространенность тех или иных типов взаимодействия среди подростков в социальных сетях, 67% участников опроса согласились с тем, что «в виртуале» многие люди выдают себя не за тех, кем являются на самом деле; почти половина (45%) считают, что поведение их сверстников в социальных сетях отличается от их поведения в обычной жизни, однако 35% не согласились с данным утверждением [Гуркина, 2014, с. 638]. По мнению докладчика, приведенные результаты дают основание предположить, что в интернет-пространстве могут действовать нормы и правила, не свойственные реальному социальному взаимодействию, поэтому многие пользователи социальных сетей, выйдя в «инет», намеренно начинают писать безграмотно или употреблять обсценную лексику.

Таким образом, подытоживает О.А. Гуркина, социализация современного подростка в социальных сетях происходит в двух направлениях – не только в обычной, но и в виртуальной действительности, причем нередко обе «реальности» парадоксальным образом требуют от молодежи усвоения зачастую противоречащих друг другу норм и правил поведения. С развитием новых технологий и ростом популярности социальных сервисов этот эффект будет только усиливаться, а онлайн- и офлайн-взаимодействия станут практически неразделимы.

Выступавшие на конференции не обошли стороной и проблемные стороны жизни подростков. В докладе доцента Российского государственного гуманитарного университета И.О. Шевченко (Москва) поднимается тема взаимоотношений отцов и детей после развода [Шевченко, 2014]. Автор статьи, ссылаясь на информацию демографической статистики, приводит неутешительные данные: сегодня в России распадается более чем каждый второй брак, в 60% распавшихся семей есть дети¹, а количество разводов с 60-х годов прошлого века увеличилось примерно в три раза². Несмотря на то что получившая распространение на Западе постразводная практика совместной опеки над детьми отца и матери несет явный положительный эффект для ребенка, в нашей стране «цивилизованный» развод – событие крайне редкое: большинство детей

¹ Захаров С.В. Куда движется супружество в России? Распространенность разводов «с детьми» // Демоскоп Weekly. – М., 2013. – № 545/546. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0545/tema04.php> (Дата обращения: 31.12.2014.)

² Демографический ежегодник России. – 2013. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B13_16/Main.htm (Дата обращения: 31.12.2014.)

после развода родителей остаются жить с матерью, а попытки отцов отстоять свои права обычно заканчиваются безуспешно.

И.О. Шевченко выделяет несколько основных факторов, влияющих на адаптацию ребенка к разводу родителей. Во-первых, это *возраст ребенка*: чем он меньше, тем легче ему перенести развод родителей. Вторым важным фактором является *поведение родителей и других родственников*, так как открытые конфликты, произошедшие в процессе развода, травмируют психику ребенка на всю жизнь. В-третьих, адаптация зависит от силы чувства *привязанности к уходящему родителю*: маленькие дети, будучи очень привязаны к матери, переживают ее уход из семьи чрезвычайно сильно [Шевченко, 2014, с. 985].

Интересна предложенная докладчиком классификация отцов, переживающих постразводную ситуацию. Всего она выделяет четыре типа отцов. К категории *отвергнутого* отца отнесен тот, кого бывшая жена пытается полностью устранить из жизни ребенка; *ограниченным в правах* признается отец, имеющий возможность видеться с ребенком в строго оговоренное время; *счастливым* можно считать отца, сохранившего хорошие отношения с матерью ребенка и имеющего возможность договариваться с ней о совместной опеке над ребенком. И, наконец, последний тип – *пропавший* отец – человек, по собственному желанию прекративший любые контакты с ребенком [Шевченко, 2014, с. 988–989].

Несмотря на то что автор не разделяет мнения о социальной дезадаптированности детей из неполных семей¹, она отмечает существенные деформации в их социализационных траекториях. Причем, по ее словам, подобного рода отклонения следует рассматривать не столько как полноценные девиации, сколько как личностные кризисы и несвоевременное освоение социальных норм, ценностей и ролей.

В ходе проведенного исследования с применением методов неоконченных предложений, глубинного интервью и с помощью рисуночных методик было опрошено 26 подростков 14–15 лет из неполных материнских семей. Контрольной группой, взятой для сравнения, выступила выборка детей того же возраста, выросших в полных семьях; дополнительно использовались результаты свободных интервью учителей. Все информанты проживают с матерью, регулярные отношения с отцом имеют только восемь детей из 26.

¹ Оспариваемый автором подход представлен, например, в работе: Солодников В.В. Социология социально-дезадаптированной семьи. – СПб.: Директ, 2007.

Анализируя социализационные траектории «детей развода», И.О. Шевченко отмечает у них снижение познавательных установок, низкую школьную успеваемость и слабо выраженные достигательные интенции. Существуют негативные тенденции и в структуре досуга опрошенных по сравнению с детьми из полных семей: организация их летнего отдыха намного беднее и не связана с путешествиями, дальними поездками куда-либо, посещением детских лагерей, что, вероятно, обусловлено стесненными финансовыми возможностями неполных семей. Среди особенностей интересов и увлечений «детей развода» автор выделяет их ориентацию на индивидуальные, «неактивные» виды хобби. Автор исследования акцентирует внимание на том, что у «детей развода» ведущей является мотивация на создание хорошей семьи, а не на профессиональные достижения, в то время как в среде подростков из полных семей ситуация обратная. Эти и другие негативные факторы, сказывающиеся на социализации детей расставшихся родителей, обусловлены отсутствием в российском обществе культуры развода, констатирует И.О. Шевченко.

«Семейную» тему продолжает доклад М.В. Вдовиной (Институт переподготовки и повышения квалификации руководящих кадров и специалистов системы социальной защиты населения г. Москвы), посвященный проблеме межпоколенческих конфликтов в российских семьях [Вдовина, 2014]. Исследовательница понимает под конфликтом сложность во взаимоотношениях родственников, вызванные нарастанием межпоколенческих противоречий. Нередко подобные конфликты порождают такое явление, как социальное сиротство. В работе использовались результаты авторского социологического опроса случайно отобранных 218 московских студентов (2007), а также данные анкетирования, проведенного в 2008 г. среди 1200 респондентов Москвы и Московской области (выборка квотная по полу и возрасту).

Как показало исследование, участники опросов обычно характеризуют семейные конфликты как столкновение мнений, интересов, ценностей (73%); непонимание и нежелание понять друг друга (44%); словесные упрёки и взаимные оскорбления (22%); «натянутые» отношения (14%); непреодолимое противоречие (8%); активное противодействие друг другу (6%) и др. [Вдовина, 2014, с. 995]. Интересна реакция респондентов на конфликты с домашними: только 36% стремятся понять интересы друг друга и урегулировать отношения, еще около трети отмечают, что конфликты в их семьях сопровождаются оскорблениями или обидами;

каждый десятый готов идти до конца, доказывая свою правоту; 9% опрошенных практикует выжидательную тактику, переставая на время общаться и т.д. Причиной межпоколенческих конфликтов чаще всего становятся разные ценностные ориентации (так полагают 51% респондентов), противоречия в поведенческих нормах (41%), неодобрительное отношение старших к образу жизни молодых (30%), желание одного поколения обособиться от другого в денежных, жилищных и прочих вопросах (26%), возрастные различия (14%) и др. [Вдовина, 2014, с. 996–997]. По замечанию исследовательницы, наиболее сильные конфликты бывают в семьях, где есть подростки или пожилые люди, а также в случаях совместного с родителями проживания молодоженов.

По мнению М.В. Вдовиной, в целях предупреждения и разрешения семейных межпоколенческих конфликтов необходимо действовать в двух направлениях: во-первых, совершенствовать нормативно-правовую базу по этому вопросу, а во-вторых, укреплять и пропагандировать в обществе конструктивные ценности межпоколенческого взаимодействия.

Подростково-юношеский возраст неразрывно связан с понятиями риска, а значит, и поведенческих девиаций. В рамках конференции был проведен круглый стол «Девиантное поведение детей и подростков, его причины и пути коррекции». Считаем уместным остановиться на нескольких специально подготовленных для этого мероприятия выступлениях. Раздел материалов круглого стола открывает доклад известнейшего петербургского криминолога и специалиста в области социологии девиантности и социального контроля Я.И. Гилинского (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена) [Гилинский, 2014].

Исходя из понимания девиантности как отклоняющихся от общепринятых в обществе форм человеческой деятельности, автор отмечает, что нарушение норм может носить как *негативный* (преступность, наркотизм, пьянство, проституция и т.п.), так и *позитивный* характер (творческие новации и т.п.). Девиантность подростков и пресловутый конфликт поколений, констатирует он, феномены вечные, преодолеть которые невозможно. Специалисты выделяют множество факторов, обуславливающих подростковые поведенческие отклонения: дефекты социализации, некоторая «недосоциализированность» по сравнению с взрослыми, а также присущие юношескому возрасту активность, стремление к самореализации при недостатке необходимых для этого знаний. Большое значение для

генезиса юношеской преступности имеют и биологические факторы, связанные с пубертатным периодом развития.

Кроме того, по словам Я.И. Гилинского, свой отпечаток на молодежную девиантность накладывают и реалии эпохи *постмодерна*. Проникающие во все сферы современной жизни процессы глобализации не могли не затронуть мир преступности, особенно организованной. Результатом массовых миграций стал так называемый конфликт культур, спровоцировавший множество столкновений на почве ксенофобии и «преступлений ненависти» (*hate crimes*). «Виртуализация» современной жизни породила такие не известные еще десять лет назад явления, как киберпреступность и кибердевиантность¹. «Постмодернистская чувствительность», о которой говорят В. Вельш и Ж.-Ф. Лиотар, способствует формированию у нынешней молодежи особого мироощущения и стремления к ретретизму. Не случайно, полагает Я.И. Гилинский, Россия занимает первое место в мире по уровню подростково-молодежных самоубийств и по душевому потреблению алкоголя. Кроме того, определенный вклад в развитие подростковой преступности и распространение в молодежной среде душевной черствости, цинизма вносит популярная сегодня идеология потребления.

Автор доклада отмечает интересную особенность: оказывается, с конца 1990-х – начала 2000-х годов во всем мире наблюдается тенденция сокращения объема и уровня преступности, и наша страна не является исключением. Например, уровень убийств (на 100 тыс. человек) снизился в России с 23,1 в 2001 г. до 10,0 в 2013 г., в США с 6,2 в 1998 г. до 4,7 в 2011 г., в Германии с 1,2 в 2002 г. до 0,8 в 2011 г. и т.д. [Гилинский, 2014, с. 1301]. Исследователь видит в качестве причины этого, прежде всего, естественный спад: преступность как сложный социальный процесс развивается волнообразно. В качестве второй гипотезы докладчик выдвигает предположение о том, что потенциальные субъекты уличной преступности – подростки и молодежь – ушли с улицы в виртуальный мир, удовлетворяя там свою потребность в самоутверждении и самореализации. В-третьих, вероятно, имеет место «переструктуризация» преступности, когда «обычную» преступность вытесняют почти не регистрируемые, латентные виды киберпреступлений.

¹ *Humphrey J. Deviant behavior.* – Upper Saddle River (NJ): Prentice Hall, 2006. – P. 272–295.

На извечный вопрос, что делать, Я.И. Гилинский дает нетривиальный ответ, предлагая государству и обществу обеспечить молодежи «максимальные возможности самоутверждения в общественно полезной, творческой деятельности» [Гилинский, 2014, с. 1302–1303]. Чем больше в обществе творческой активности, тем меньше негативных девиаций, уверен автор.

Продолжает развивать тему значения досуга в профилактике девиантного поведения личности еще один участник круглого стола – профессор Московского государственного областного университета Ю.А. Клейберг [Клейберг, 2014]. В своем докладе он предпочитает оперировать термином *пространство досуга*, подразумевая под ним социально-психологический и девиантологический феномен, оказывающий воздействие на формирование и развитие личности. Отмечая недооцененность роли досуга в воспитании новых поколений, докладчик обращает внимание на особенность досуга, о которой часто забывают: досуговая деятельность зачастую не только развлекает, но и стимулирует у человека развитие творческих способностей и создает благоприятные условия для саморазвития.

По мнению Ю.А. Клейберга, досуг по своему социальному назначению должен отвечать следующим четырем требованиям: способствовать формированию общественно и личностно значимых потребностей подростков и «обеспечивать их удовлетворение в соответствии с социальными и культурными нормами; создавать условия для самореализации духовных сил личности и социальных общностей; обеспечивать воспроизводство культурного и досугового потенциала; создавать условия для предупреждения, регулирования и корректировки девиантного поведения» молодежи [Клейберг, 2014, с. 1305–1306].

Сегодня в России, с сожалением констатирует докладчик, многочисленные позитивные возможности культурно-досуговой сферы практически не используются, а общество совершенно равнодушно к негативным аспектам так называемого «уличного» подростково-юношеского досуга. Кроме того, развитие этой сферы осложняется формализованным подходом и административно-принудительными методами работы со стороны субъектов социального воспитания.

В целом проведенный анализ материалов Всероссийской научно-практической конференции «Дети и общество: Социальная реальность и новации» показал, что современная отечественная социология детства и юности относится к наиболее динамично

развивающимся областям социального знания. Несомненным достоинством ряда работ стало применение их авторами междисциплинарного подхода с привлечением исследовательских методов смежных с социологией наук. Надеемся, что высказанные докладчиками конференции рекомендации будут способствовать эффективной государственной политике РФ в отношении детей и защиты их прав.

Список литературы

- Безрукова О.Н., Юрзанова Е.М.* Дети как субъекты социальных изменений в современном обществе // Дети и общество: Социальная реальность и новации: Сборник докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Дети и общество: Социальная реальность и новации» / Ред. коллегия: В.А. Мансуров (отв. редактор), А.Ю. Губанова, Ю.В. Ермолаева, Е.Ю. Иванова, Е.А. Колосова, С.Н. Майорова-Щеглова, И.А. Стрельцова, П.С. Юрьев. – М.: РОС, 2014. – С. 70–74.
- Бобылев П.Г., Медова Ю.В.* Преемственность целей и задач: Детский сад – школа // Дети и общество: Социальная реальность и новации: Сборник докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Дети и общество: Социальная реальность и новации» / Ред. коллегия: В.А. Мансуров (отв. редактор), А.Ю. Губанова, Ю.В. Ермолаева, Е.Ю. Иванова, Е.А. Колосова, С.Н. Майорова-Щеглова, И.А. Стрельцова, П.С. Юрьев. – М.: РОС, 2014. – С. 239–242.
- Вдовина М.В.* Межпоколенческий конфликт в семье и социальное сиротство // Дети и общество: Социальная реальность и новации: Сборник докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Дети и общество: Социальная реальность и новации» / Ред. коллегия: В.А. Мансуров (отв. редактор), А.Ю. Губанова, Ю.В. Ермолаева, Е.Ю. Иванова, Е.А. Колосова, С.Н. Майорова-Щеглова, И.А. Стрельцова, П.С. Юрьев. – М.: РОС, 2014. – С. 995–1003.
- Гилинский Я.И.* Девиантность подростков в России: Генезис, тенденции, проблемы // Дети и общество: Социальная реальность и новации: Сборник докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Дети и общество: Социальная реальность и новации» / Ред. коллегия: В.А. Мансуров (отв. редактор), А.Ю. Губанова, Ю.В. Ермолаева, Е.Ю. Иванова, Е.А. Колосова, С.Н. Майорова-Щеглова, И.А. Стрельцова, П.С. Юрьев. – М.: РОС, 2014. – С. 1297–1303.
- Гуркина О.А.* Социализация подростков в социальных сетях // Дети и общество: Социальная реальность и новации: Сборник докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Дети и общество: Социальная реальность и новации» / Ред. коллегия: В.А. Мансуров (отв. редактор), А.Ю. Губанова, Ю.В. Ермолаева, Е.Ю. Иванова, Е.А. Колосова, С.Н. Майорова-Щеглова, И.А. Стрельцова, П.С. Юрьев. – М.: РОС, 2014. – С. 637–642.
- Колесник (Хосеува) Н.В.* Влияет ли родительский капитал на жизненные траектории детей? // Дети и общество: Социальная реальность и новации: Сборник докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Дети и

- общество: Социальная реальность и новации» / Ред. коллегия: В.А. Мансуров (отв. редактор), А.Ю. Губанова, Ю.В. Ермолаева, Е.Ю. Иванова, Е.А. Колосова, С.Н. Майорова-Щеглова, И.А. Стрельцова, П.С. Юрьев. – М.: РОС, 2014. – С. 519–527.
- Конькина Е.В., Савинова И.А.* Самоутверждение детей-мигрантов: Анализ проблемы и способы решения // Дети и общество: Социальная реальность и новации: Сборник докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Дети и общество: Социальная реальность и новации» / Ред. коллегия: В.А. Мансуров (отв. редактор), А.Ю. Губанова, Ю.В. Ермолаева, Е.Ю. Иванова, Е.А. Колосова, С.Н. Майорова-Щеглова, И.А. Стрельцова, П.С. Юрьев. – М.: РОС, 2014. – С. 668–675.
- Клейберг Ю.А.* Пространство досуга как фактор формирования и развития нормативного и девиантного поведения детей и молодежи // Дети и общество: Социальная реальность и новации: Сборник докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Дети и общество: Социальная реальность и новации» / Ред. коллегия: В.А. Мансуров (отв. редактор), А.Ю. Губанова, Ю.В. Ермолаева, Е.Ю. Иванова, Е.А. Колосова, С.Н. Майорова-Щеглова, И.А. Стрельцова, П.С. Юрьев. – М.: РОС, 2014. – С. 1304–1312.
- Ланибург М.Е., Дудина А.А.* Оценка матерью уровня развития ребенка раннего возраста // Дети и общество: Социальная реальность и новации: Сборник докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Дети и общество: Социальная реальность и новации» / Ред. коллегия: В.А. Мансуров (отв. редактор), А.Ю. Губанова, Ю.В. Ермолаева, Е.Ю. Иванова, Е.А. Колосова, С.Н. Майорова-Щеглова, И.А. Стрельцова, П.С. Юрьев. – М.: РОС, 2014. – С. 914–923.
- Ланибург М.Е., Соловьева Е.В.* О методике изучения взаимодействия матери и ребенка в раннем возрасте // Дети и общество: Социальная реальность и новации: Сборник докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Дети и общество: Социальная реальность и новации» / Ред. коллегия: В.А. Мансуров (отв. редактор), А.Ю. Губанова, Ю.В. Ермолаева, Е.Ю. Иванова, Е.А. Колосова, С.Н. Майорова-Щеглова, И.А. Стрельцова, П.С. Юрьев. – М.: РОС, 2014. – С. 924–929.
- Майорова-Щеглова С.Н.* Как общество должно обеспечить информационную безопасность детей: Взгляд социолога // Дети и общество: Социальная реальность и новации: Сборник докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Дети и общество: Социальная реальность и новации» / Ред. коллегия: В.А. Мансуров (отв. редактор), А.Ю. Губанова, Ю.В. Ермолаева, Е.Ю. Иванова, Е.А. Колосова, С.Н. Майорова-Щеглова, И.А. Стрельцова, П.С. Юрьев. – М.: РОС, 2014. – С. 159–169.
- Остапенко А.С.* Педагогический воспитательный потенциал семьи как фактор первичной социализации ребенка // Дети и общество: Социальная реальность и новации: Сборник докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Дети и общество: Социальная реальность и новации» / Ред. коллегия: В.А. Мансуров (отв. редактор), А.Ю. Губанова, Ю.В. Ермолаева, Е.Ю. Иванова, Е.А. Колосова, С.Н. Майорова-Щеглова, И.А. Стрельцова, П.С. Юрьев. – М.: РОС, 2014. – С. 551–554.

- Писаренко И.А.* Социальное сиротство как следствие безответственного родительства // Дети и общество: Социальная реальность и новации: Сборник докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Дети и общество: Социальная реальность и новации» / Ред. коллегия: В.А. Мансуров (отв. редактор), А.Ю. Губанова, Ю.В. Ермолаева, Е.Ю. Иванова, Е.А. Колосова, С.Н. Майорова-Щеглова, И.А. Стрельцова, П.С. Юрьев. – М.: РОС, 2014. – С. 1077–1101.
- Подлужная Г.А., Крутякова Т.И.* Воспитание у детей этнокультурных традиций // Дети и общество: Социальная реальность и новации: Сборник докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Дети и общество: Социальная реальность и новации» / Ред. коллегия: В.А. Мансуров (отв. редактор), А.Ю. Губанова, Ю.В. Ермолаева, Е.Ю. Иванова, Е.А. Колосова, С.Н. Майорова-Щеглова, И.А. Стрельцова, П.С. Юрьев. – М.: РОС, 2014. – С. 42–47.
- Пронина Е.И.* Современные тенденции социализации старшеклассников и молодежи (по материалам исследований 2011–2014 гг. группы изучения современных тенденций формирования личности в сфере образования) // Дети и общество: Социальная реальность и новации: Сборник докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Дети и общество: Социальная реальность и новации» / Ред. коллегия: В.А. Мансуров (отв. редактор), А.Ю. Губанова, Ю.В. Ермолаева, Е.Ю. Иванова, Е.А. Колосова, С.Н. Майорова-Щеглова, И.А. Стрельцова, П.С. Юрьев. – М.: РОС, 2014. – С. 574–583.
- Регуш Л.А.* Динамика психологических проблем петербургских подростков: 1993–2012 годы // Дети и общество: Социальная реальность и новации: Сборник докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Дети и общество: Социальная реальность и новации» / Ред. коллегия: В.А. Мансуров (отв. редактор), А.Ю. Губанова, Ю.В. Ермолаева, Е.Ю. Иванова, Е.А. Колосова, С.Н. Майорова-Щеглова, И.А. Стрельцова, П.С. Юрьев. – М.: РОС, 2014. – С. 184–190.
- Сабаташ А.А.* Безнадзорность как причина беспризорности // Дети и общество: Социальная реальность и новации: Сборник докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Дети и общество: Социальная реальность и новации» / Ред. коллегия: В.А. Мансуров (отв. редактор), А.Ю. Губанова, Ю.В. Ермолаева, Е.Ю. Иванова, Е.А. Колосова, С.Н. Майорова-Щеглова, И.А. Стрельцова, П.С. Юрьев. – М.: РОС, 2014. – С. 703–707.
- Собкин В.С., Скобельщина К.Н.* Социология дошкольного детства: Приобщение к художественной литературе // Дети и общество: Социальная реальность и новации: Сборник докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Дети и общество: Социальная реальность и новации» / Ред. коллегия: В.А. Мансуров (отв. редактор), А.Ю. Губанова, Ю.В. Ермолаева, Е.Ю. Иванова, Е.А. Колосова, С.Н. Майорова-Щеглова, И.А. Стрельцова, П.С. Юрьев. – М.: РОС, 2014. – С. 760–765.
- Тарченко В.С.* Мотивы отказов от новорожденных (На примере РСО–Алания) // Дети и общество: Социальная реальность и новации: Сборник докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Дети и общество: Социальная реальность и новации» / Ред. коллегия: В.А. Мансуров (отв. редактор), А.Ю. Губанова, Ю.В. Ермолаева, Е.Ю. Иванова, Е.А. Колосова, С.Н. Майорова-Щеглова, И.А. Стрельцова, П.С. Юрьев. – М.: РОС, 2014. – С. 1102–1110.

Шевченко И.О. Отцы и дети после развода: Риски взросления // Дети и общество: Социальная реальность и новации: Сборник докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Дети и общество: Социальная реальность и новации» / Ред. коллегия: В.А. Мансуров (отв. редактор), А.Ю. Губанова, Ю.В. Ермолаева, Е.Ю. Иванова, Е.А. Колосова, С.Н. Майорова-Щеглова, И.А. Стрельцова, П.С. Юрьев. – М.: РОС, 2014. – С. 984–993.

М.А. Ядова

МОЛОДЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

(Реферативный обзор)¹

В числе наиболее динамично развивающихся областей знаний в мировом обществоведении находится ювентология – комплексная наука о молодежи. Во многом это связано с вечно актуальным предметом исследований молодежной тематики. Известно, что классификацию социальных проблем молодежи можно проводить по разным основаниям. Например, петербургская исследовательница О.Н. Безрукова среди прочего считает возможным классифицировать молодежные проблемы по территориальному признаку, поскольку существуют проблемы, характерные для отдельно взятой страны или региона². Признавая эффективность данного подхода, предлагаем вниманию читателей обзор статей одного из разделов номера ведущего европейского журнала «Young»³, посвященного молодежным исследованиям Латинской Америки.

Тематический раздел номера открывает вводная статья доктора в области гуманитарной географии Патрисии Олиарт (Университет г. Ньюкасла, Великобритания) и профессора социальной антропологии Карлеса Фейксы (Университет г. Лериды,

¹ Впервые обзор был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2015. – № 2. – С. 88–100.

² Безрукова О.Н. Социология молодежи: Учебно-методическое пособие. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. – С. 5.

³ Young. – L., 2012. – Vol. 20, N 4. – P. 329–414.

Испания) [Oliart, Feixa, 2012]. Авторы полагают, что для всестороннего изучения положения молодежи необходимы совместные усилия научных учреждений, общественных организаций и государственных структур. Такое взаимодействие, на их взгляд, позволит усилить роль молодежи в жизни социума.

По словам Олиарт и Фейксы, в латиноамериканском обществоведении исторически сложилось три подхода к изучению молодежи. Первый из них возник в начале XX в. и связан с университетской реформой в Аргентине (1918), начавшейся в стенах Национального университета Кордовы и охватившей впоследствии весь континент. В числе основных принципов изданного студентами Кордовского манифеста были автономия высших учебных заведений, социально ориентированная направленность обучения, введение системы самоуправления, периодические публичные аккредитации кафедр и т.п. Стоит сказать, что Кордовская реформа оказалась одной из самых демократичных реформ высшего образования в Латинской Америке. Бунт кордовских студентов имел долгосрочные последствия: он не только внес изменения в систему высшего образования, но и способствовал политическим изменениям, а также омоложению кадрового состава в высших эшелонах власти стран Латинской Америки¹. Неудивительно, что «кордовская» история на протяжении многих десятилетий будоражила умы исследователей и создала образ молодежи как акторов политических преобразований.

Вторая традиция была порождена глубоким экономическим и социальным кризисом 1980-х годов. В русле данного тренда молодежь рассматривается как проблема и одновременно жертва социальной напряженности и растущего насилия. Внимание к молодежным вопросам со стороны государства требует производства определенных статистических данных о молодежи. Такого рода информацию поставляют, как правило, государственные или неправительственные организации в целях преодоления маргинализации наиболее социально уязвимых групп молодежи².

¹ *Balardini S.* Córdoba, «cordobazo» y después: Mutaciones del movimiento juvenil en Argentina (Cordoba, cordobazo and aftermath: Mutations of the youth movement in Argentina) // *Movimientos juveniles: De la globalización a la antiglobalización (Youth movements: From globalization to antiglobalization)* / Ed. por C. Feixa, J.R. Saura, C. Costa. – Barcelona: Ariel, 2002. – P. 37–58.

² *Dávila O.* Adolescencia y juventud: De las nociones a los abordajes (Adolescence and youth: From notions to approaches) // *Última década. – Valparaíso, 2004. – N 21. – P. 83–104.*

В рамках третьего направления, получившего распространение на рубеже 80–90-х годов прошлого века, исследователи рассматривают молодежь как источник творческой энергии, признавая за ней свободу в выборе способов самовыражения и жизненного стиля¹.

Mara: жизнь в экстремальных условиях. Каждая из статей раздела затрагивает важные стороны жизни латиноамериканского общества. Сегодня в странах Латинской Америки получили широкое распространение прикладные исследования, посвященные темам насилия и бандитизма в молодежной среде. В то же время ученые, как правило, обходят стороной причины, породившие подобную ситуацию, и сосредотачиваются на вреде насилия. Не лучшим образом действуют и СМИ, зачастую создающие односторонний отрицательный образ молодежи. Преодолеть сложившийся подход пытается мексиканская исследовательница Россана Регильо (Институт иезуитов в Гвадалахаре), предлагая учитывать социальный контекст жизни молодых латиноамериканцев, протекающей не в обычных, а в экстремальных условиях [Reguillo, 2012]. Ее статья посвящена деятельности *mara* – одной из самых опасных и жестоких организованных преступных группировок, действующих на территории Центральной и Северной Америки. Наиболее крупные объединения *mara* существуют в Мексике, Сальвадоре, США, Гондурасе и Гватемале. Основные преступные деяния банды – незаконный оборот наркотиков, грабежи, вымогательства, убийства и т.п. По словам автора, появление *mara* является ответом на неспособность современных социальных институтов (школа, церковь, трудовые коллективы, семья) предложить молодежи альтернативные пути по выходу из структурного кризиса латиноамериканского общества.

Р. Регильо, ссылаясь на результаты социологического опроса членов гватемальской *mara*, приведенного в 1980-е годы, отмечает, что те, как правило, выросли в городе, не закончили школу; 27% из них не принадлежат ни к одной религиозной конфессии, 83% не работают. Интересно, что цели, к которым стремились члены банды, вполне законны и не отличались от целей добропорядочных граждан: больше половины хотели получить образование (55%), некоторые мечтали о работе (19%) и собственной семье (2%).

¹ *Chaves M. Jóvenes, territorios y complicidades: Una antropología de la juventud urbana (Youth, territories and complicities: An anthropology of urban youth).* – Buenos-Aires: Espacio editorial, 2010.

Участие в деятельности банды, по словам ее членов, дает им чувство уверенности в условиях социальной нестабильности¹. Авторы проекта, Дебора Левенсон, Нора Фигероа и Марта Мальдонадо, наглядно показали, что банды *mara* с их четкими понятиями о чести, уважении, самоутверждении позволили многим молодым людям выжить в условиях хаоса неолиберальных реформ, проводившихся в 1980-е годы.

Спустя десятилетия, с сожалением отмечает Регильо, ситуация не слишком изменилась: городская молодежь из бедных семей по-прежнему находится под огромным социальным прессингом, не видя для себя законных и одновременно привлекательных путей развития. Отсутствие четких нравственных ориентиров делает ее легкой добычей в руках преступников. По современным статистическим данным, в Бразилии, Колумбии, Мексике и Сальвадоре наблюдается наиболее высокий процент насильственных смертей в молодежной среде, что объясняется активностью в этих странах *mara*.

С 1998 по 2003 г. произошло значительное увеличение числа зарегистрированных случаев преступной деятельности группировок *mara* (особенно активны были представители двух ветвей этой банды – *Mara Salvatrucha* и *M-18*). В последнее время члены *mara* становятся героями главных полос ведущих изданий Латинской Америки, а истории о них занимают центральное место в списке горячих новостей региона. Очевидно, по словам исследовательницы, что такое внимание усилило символическое значение банды в глазах аудитории СМИ, особенно молодежной. В качестве основных средств борьбы с *mara* предлагаются наиболее простые и поэтому неэффективные методы: установление жесткого контроля над территорией и широкое применение карательной политики. Однако, как справедливо замечает автор статьи, создание атмосферы повсеместного насилия и проведение «политики кулака» не дают видимых положительных результатов, а в условиях социальной неустойчивости и вовсе могут быть опасными.

Большая роль в решении данной проблемы отведена СМИ, убеждена Р. Регильо. По ее мнению, журналистам необходим критический подход к информации о действиях банды: нужно избегать как излишней романтизации образа преступников, так и на-

¹ Подробнее об исследовании см.: *Levenson D., Figueroa N., Maldonado M. Por sí mismos: Un estudio premiliminar de las «maras» en la ciudad de Guatemala (By themselves: A preliminary study of «maras» in Guatemala city) // Colección cuadernos de investigación. – Guatemala, 1988. – N 4. – P. 17.*

гнетания страха среди населения. К сожалению, современные СМИ, по словам автора, все чаще работают в «жанре реалити-шоу», стремясь представить «живые голоса» главных героев без какого-либо намека на анализ. Проблема увеличения влияния группировок *тара* на территории стран Латинской Америки, подытоживает Р. Регильо, имеет глубокие социальные корни – в таких случаях простые решения не работают.

Молодежь и политика в демократической Аргентине. Статья аргентинских ювентологов Марианы Чавес (Университет г. Ла-Платы) и Педро Нуньеса (Латиноамериканский институт общественных наук, Буэнос-Айрес) посвящена траекториям молодежных исследований в Аргентине и проблеме взаимодействия молодежи и политики [Chaves, Nuñez, 2012].

Первое серьезное выдвижение аргентинской молодежи на политическую авансцену страны произошло в начале XX в., когда студенты обнародовали требования Кордовского манифеста о необходимости демократизации высшего образования. Впоследствии молодежь Аргентины принимала активное участие не только в проведении университетских реформ, но и в политическом преобразовании страны.

Ключевой датой в истории современной Аргентины считается 10 декабря 1983 г. – день окончания правления военной хунты и перехода к демократическому режиму. С изменением политического строя изменилось и отношение к молодежи, до этого бывшей излюбленной мишенью репрессивной машины военного правительства. В 1985 г. состоялся суд над лидерами военной хунты, ознаменовавший собой институционализацию понятия правосудия в новой Аргентине. В то же время доверие к аргентинской «диктатуре закона» было подорвано тем, что некоторые из нашумевших процессов завершились, едва начавшись.

В итоге происходит постепенное восстановление практики проведения независимых и регулярных научных исследований. Университетская жизнь входит в привычное русло, ученые, ранее подвергшиеся репрессиям, возвращаются в *alma mater*, исследовательские центры и библиотеки начинают новую жизнь. Возможность свободно проводить исследования вкупе с финансовой поддержкой со стороны государства дали ощутимые результаты; впрочем, замечают авторы, последнее стало заметно лишь недавно.

В 1989 г. президентом Аргентины становится сторонник неolibеpальных реформ Карлос Менем, который приватизирует государственные предприятия и открывает страну для притока

иностранный капитал. Несмотря на произошедшие в стране позитивные изменения, большинство аргентинцев оценивают время его правления негативно, считая, что радикальные преобразования привели Аргентину к значительным потерям (росту безработицы, снижению уровня зарплат и т.п.). Хотя образование и наука не были приоритетными для неолибералов направлениями, эти годы подарили ученым новые источники финансирования.

Исследования неолиберального периода отражают острые социальные проблемы молодежи, вставшие перед аргентинским обществом. Первыми попытались оценить объем научно-исследовательских материалов молодежной тематики Диего Фрага и Игнасио Самака, опубликовавшие «Библиографию работ о молодежи Аргентины»¹. Много лет спустя, работая над Национальным исследовательским проектом об аргентинской молодежи, М. Чавес подготовила отчет, в котором проанализировала молодежные исследования, проводившиеся в 1983–2006 гг.; примечательно, что отчет объединил работы по разным дисциплинам². Анализ имеющихся материалов продемонстрировал, что изучение политических предпочтений молодежи ограничивается преимущественно одним «государственным» измерением. Как правило, респондентов спрашивают об их участии в выборах, членстве в официальных политических организациях, забывая о многообразной роли политики в жизни современного человека.

Сегодня, отмечают Чавес и Нуньес, существует три вида исследований, посвященных теме взаимодействия молодежи и политики. Темы первой – и наиболее многочисленной – группы исследований сосредоточены вокруг «государственной» оси. Количественные и качественные исследования этого направления дают информацию об участии молодежи в деятельности политических организаций, профсоюзов трудовых и студенческих коллективов.

Однако не стоит забывать, пишут авторы статьи, что в современном мире наблюдается тенденция к снижению интереса к политике, профсоюзы фактически утратили свою функцию, а корпорация становится основой государства. Отсутствие социальной

¹ *Fraga D., Samaca I. Bibliografía sobre juventud en Argentina (Bibliography about youth in Argentina).* – Buenos Aires: FLACSO, 1994.

² *Chaves M. Investigaciones sobre juventudes en Argentina: Estado del arte en ciencias sociales, 1983–2006 (Research on youth in Argentina: State of art in social sciences, 1983–2006) // Papeles de trabajo.* – Buenos Aires, 2009. – N 5. – P. 3–92.

справедливости, непрозрачность деятельности госструктур, насильственные и незаконные действия некоторых властей формируют у людей негативное отношение к каким-либо контактам с государством и способствуют возникновению политических практик, дистанцированных от сферы традиционной политики. Например, исследования социальных движений 1990-х годов в основном касались двух тем – права человека и трудовые отношения. Кризис 2001 г. вызвал интерес социальных наук к новым явлениям и политическим акторам – членам местных законодательных собраний, бартер-клубам, территориальным организациям. Внимание исследователей также начали привлекать женские движения и выступления в защиту сексуальных меньшинств.

Второе направление включает исследования, ищущие политический подтекст в молодежных практиках, обычно считающихся рекреационными, – например в прослушивании рок-музыки, игре в футбол, посещении интернет-кафе и пр. Третья группа исследований фокусируется на роли молодежи в политической сфере общества с позиций социального конструктивизма. Приверженцы данного подхода ищут грани взаимодействия между проблемой конструирования возраста людьми разных поколений, в том числе молодыми, и политическим участием.

Чилийская молодежь в модернизирующемся обществе: Молодежные субкультуры vs моральные паники. В статье сотрудника Института социальных наук Южного университета (г. Вальдивия, Чили) Янко Гонсалеса рассказывается о зарождении молодежной культуры в Чили в середине 1950-х годов [González, 2012]. Автор связывает появление новых молодежных субкультур с охватившим страну процессом модернизации. По его словам, именно тогда в Чили произошла смена кофигуративной культурной традиции на префигуративную, когда, согласно концепции М. Мид, старшие поколения перенимают опыт младших. С возникновением субкультур появились сложные независимые молодежные сообщества, наибольшая концентрация которых наблюдалась в городах. Формируясь по классовому, этническому, территориальному и эстетическому принципам, эти группы стали важной частью аудитории молодежных СМИ и сегментом рыночной индустрии. Радикальные трансформации чилийского общества изменили его социальную структуру кардинальным образом. Урбанизация и демографический рост, вызванный увеличением уровня рождаемости и снижением смертности, привели к «омоложению» чилийского общества.

По оценкам ECLAC / UNICEF¹, в начале 1960-х годов 49,9% населения Чили составляли молодые люди до 20 лет². Тогда же наблюдалось беспрецедентное увеличение количества учащихся средних и высших учебных заведений: если в 1952 г. студентами университетов были 9335 человек, то в 1957 г. их число увеличилось до 20 440, а в 1965 г. в вузах учился уже 41 801 студент³.

Одновременно наблюдается тенденция вестернизации жизни чилийского общества, особенно самой юной его части. В жизнь чилийской молодежи врываются рок-н-ролл, транзисторные радиоприемники, виниловые пластинки и мотоциклы. Огромной популярностью пользуются фильмы с участием Марлона Брандо, Джеймса Дина, а также творчество Элвиса Пресли. Можно уверенно констатировать, что появившаяся культурно-развлекательная индустрия начинает работать на молодежь.

Исследование Гонсалеса основано на «историях жизни» более чем 30 жителей Сантьяго и Вальдивии, юность которых пришлась на период 1955–1964 гг. С участниками исследования проводились индивидуальные глубинные интервью «лицом к лицу». Отбор информантов осуществлялся путем метода снежного кома. Для лучшего понимания исторического контекста анализировались письменные и аудиовизуальные документы того времени (газеты, журналы, фильмы), а также некоторые личные вещи участников (фотографии, письма и пр.).

Как правило, основными потребителями модной импортной продукции для молодежи (джинсы, мотоциклы, кожаные куртки, журналы, диски) были представители высокоресурсных социальных страт. Как отмечает Гонсалес, для Чили конца 1950-х годов было характерно сильнейшее социальное расслоение: 9% экономически активного населения страны владели 43% национального дохода⁴.

По словам автора статьи, 1950–1960-е годы в Чили – время молодежных бунтов и моральных паник со стороны взрослых.

¹ Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна / Детский фонд ООН.

² Estudios sobre la juventud marginal latinoamericana (Studies on the Latin American peripheral youth) / Gurrieri A., Torres-Rivas E., González J., de la Vega E. – Mexico: Siglo veintiuno editores: Editorial universitaria, 1971. – P. 17.

³ González Y. Óxidos de identidad: Memoria y juventud rural en el sur de Chile, 1935–2003 (Identity oxide: Memory and rural youth in the south of Chile, 1935–2003): PhD thesis. – Barcelona: Univ. autònoma de Barcelona, 2004.

⁴ Historia del siglo XX chileno (History of the Chilean 20th century) / Correa S., Figueroa C., Joceyn-Holt A., Vicuña M. – Santiago: Sudamericana, 2001. – P. 186.

Огромный резонанс в 1958 г. получила история 17-летнего чилийца Боасси Вальдебенито (*Boassi Valdebenito*) по прозвищу *Карлото*, обвиненного в убийстве своей подруги. Поскольку Карлото и его жертва были мотоциклистами, взрослое население Чили охватило страх перед байкерами, якобы угрожающими безопасности общества и его моральным устоям. К сожалению, разразившаяся массовая истерия создала обратный эффект, только усилив напугавшие старшие поколения девиации: в крупных чилийских городах стали стремительно создаваться группировки молодых байкеров, называющих себя *carlotos*.

Другой формой молодежного бунта в модернизирующемся Чили стали *malones* – «взрослые» вечеринки, устраиваемые юношами и девушками втайне от родителей. В день проведения *malones* выбирался подходящий дом, сюда приносилась еда, иногда алкоголь, употребление которого, впрочем, было очень умеренным. Участники праздника слушали популярную музыку, танцевали неодобряемый родителями рок-н-ролл; по свидетельству информантов, для многих эти встречи стали первым опытом неформального общения с противоположным полом.

Я. Гонсалес, предостерегая от соблазна сравнивать чилийских бунтарей с их европейскими и американскими сверстниками, напоминает, что вторые были выходцами из низших слоев общества, тогда как первые – представители буржуазии и среднего класса. Он полагает, что чилийцами больше двигало юношеское стремление к самоопределению, чем жажда социальной справедливости.

Колумбийская молодежь на рубеже веков. Статья профессоров Германа Гонсалеса (Региональный университет г. Боготы, Колумбия) и Виктории Пинильи (Университет г. Манисалес, Колумбия) основывается на анализе исследований колумбийской молодежи, проведенных в 1985–2003 гг. [González, Pinilla, 2012]. В своей работе ученые пытаются осмыслить колумбийскую ювентологию за почти 20-летний период. Их волнует, какие исследования проводились в эти годы, кто являлся их инициатором, какие темы пользовались наибольшей популярностью у колумбийских социологов.

Во вступительных замечаниях к статье Гонсалес и Пинилья подчеркивают специфику географического и социального положения Колумбии. По их словам, это необычная страна с большим этническим и культурным разнообразием, непростым прошлым и сложным настоящим. Политическую ситуацию современной Колумбии характеризуют постоянные внутренние конфликты

между официальной властью и оппозиционно настроенными группировками.

Со второй половины XX в. молодежь начинает играть большую роль в политической жизни страны, что обуславливает интерес к этой возрастной группе со стороны колумбийских ученых. Среди центральных исследовательских проектов о положении молодежи Гонсалес и Пинилья выделяют «Первый доклад о молодежи Латинской Америки», написанный по инициативе III Конференции латиноамериканской молодежи¹. Также заметный вклад в изучение ценностей и взглядов современной латиноамериканской молодежи внесла работа Р. Регильо «Молодежь Мексики»².

Сегодня с результатами молодежных исследований Колумбии можно ознакомиться на сайте Национальной информационной системы по делам детей и молодежи (*Sistema nacional de información sobre la situación y la prospectiva de la infancia y la juventud en Colombia*, сокращ. – SIJU)³, созданной при поддержке Колумбийского института по вопросам благосостояния семьи в рамках специальной президентской программы. На сайте SIJU авторы статьи обнаружили обширную статистическую информацию о проведенных в стране исследованиях начиная с 1985 г. Анализу подверглись 125 исследований, касающихся таких популярных тем, как изменения в структуре и численности молодежи, здоровый образ жизни, социальное участие, образование, проблемы развития, занятость, насилие, отдых и культура. В целом Гонсалес и Пинилья проанализировали результаты молодежных исследований (1985–2003), проведенных в 18 городах (в семи крупных регионах страны). Сделанный анализ помог отметить тенденции, происходящие в колумбийской ювентологии, а также обнаружить наиболее популярные темы.

Как выяснилось, большинство исследований молодежной тематики выполняются в университетах при активном содействии студентов. Участие молодежи традиционно высоко в академических программах по психологии, антропологии, социологии и педагогике;

¹ *Rodríguez E., Dabezies B.* Primer informe sobre la juventud de América Latina, 1990 (First report on Latin America youth, 1990). – Quito: Conferencia Iberoamericana de la juventud, 1991.

² *Reguillo R.* Los jóvenes en México (The young people in Mexico). – México: Biblioteca Mexicana, 2010.

³ В настоящее время преобразована в: *Sistema nacional de juventud*. – Mode of access: <http://www.colombiajuven.gov.co/programa/Paginas/Sistema-Nacional-Juventud.aspx> (Accessed: 10.09.2017.)

между тем в последние годы наблюдается рост количества молодых исследователей в политологических и экономических научных проектах. Вторым источником информации о молодежи являются государственные и неправительственные организации, включая академические институты. Авторы подчеркивают, что государство играет важную роль во всех регионах, финансируя многие исследовательские проекты и иницилируя интерес к новым темам.

В целом количество исследований о молодежи с каждым годом неуклонно растет. Причем у многих регионов есть свои, разрабатываемые только здесь, темы. Так, в крупных городах типа Боготы, Медельина и Кали особое внимание уделяется проблеме насилия в подростковой среде и взаимодействию молодежи с преступным группировками. В последние годы интерес исследователей привлекает тема участия молодых людей в гангстерских войнах и вооруженных конфликтах. Также большой популярностью пользуются исследования молодежных субкультур, демонстрирующие своеобразие мира молодых. В рамках этого подхода изучаются новые идентичности с учетом локальных и глобальных социальных трансформаций.

Проведенный анализ показал, что в колумбийском обществе в формировании сформировались несколько устойчивых молодежных дискурсов. Одни исследователи рассматривают молодость как переходную стадию между детством и взрослостью, акцентируя внимание на проблемах физического, социального и эмоционального созревания, внутренних конфликтах и кризисе независимости. В рамках этого подхода получила развитие тема поиска и конструирования идентичности в юношеском возрасте¹. Другие ученые прежде всего видят в молодежи будущих реформаторов и агентов социальных преобразований. Они уверены, что участие в общественной жизни дает молодым людям возможность влиять не только на свое непосредственное окружение, но и на судьбы всей нации².

¹ См., например: *Rico de Alonso A. Madres solteras adolescentes (Single teenage mothers).* – Bogotá: Pontificia univ. javeriana: Plaza & Janés, 1986; *Rua L. Caracterización del niño, niña y joven de y en la calle en la ciudad de Cartagena (Characterization of the child and youth at-and-on the streets of Cartagena city).* – Cartagena: Fundación universitaria Luis Amigó, 2002.

² См.: *Sarmiento L. Política pública de juventud en Colombia: Logros, dificultades y perspectivas (Public policy on youth in Colombia: Gains, difficulties and perspectives)* // *Construcción de políticas de juventud: Análisis y perspectivas* / Ed. por R. Bendit, E. Rodríguez, L. Sarmiento, J.C. Puentes, J.F. Sierra. – Bogotá: UNICEF, 2004. – P. 117–193.

Помимо этого, существует еще один, проблематизированный, взгляд на молодость и ее носителей. В соответствии с ним, молодежь относится к группам риска, т.е. является социально уязвимой группой, требующей особого внимания и контроля со стороны старших. Признавая склонность молодежи к виктимности, сторонники этого подхода говорят и об опасностях, которые могут нести обществу юноши и девушки. Исследования данного направления, как правило, фокусируются на таких проблемах, как подростковые беременности и венерические заболевания, насилие, преступность в городских и сельских районах, потребление наркотиков¹.

Подводя итоги, отметим, что характерные для стран Латинской Америки социальные, политические и экономические проблемы не могли не отразиться на содержании национальных исследований молодежи. Очевидно, что, пока не разрешатся текущие противоречия, интерес ювентологов к теме выживания новых поколений в условиях перманентной социальной нестабильности латиноамериканского общества будет расти. Полагаем, что понимание модернизационных вызовов, с которыми сталкиваются молодые латиноамериканцы, знание особенностей их социализации даст возможность лучше осмыслить похожие процессы, происходящие в нашем обществе, и глубже уяснить специфику взросления российской молодежи.

Список литературы

- Chaves M., Nuñez P.* Youth and politics in democratic Argentina: Inventing traditions, creating new trends (1983–2008) // Young. – L., 2012. – Vol. 20, N 4. – P. 357–376.
- González G.M., Pinilla V.E.* Youth studies in Colombia: State of the art // Young. – L., 2012. – Vol. 20, N 4. – P. 399–414.
- González Y.* Genesis of youth cultures in Chile: Coléricos & Carlotos (1955–1964) // Young. – L., 2012. – Vol. 20, N 4. – P. 377–397.
- Oliart P., Feixa C.* Introduction: Youth studies in Latin America: On social actors, public policies and new citizenships // Young. – L., 2012. – Vol. 20, N 4. – P. 329–344.
- Reguillo R.* Memories of the future: The Mara: Contingency and affiliation with excess // Young. – L., 2012. – Vol. 20, N 4. – P. 345–355.

¹ См.: *Rico de Alonso A.* Op. cit.; *Navarro F.* La juventud rural colombiana: Reflexiones exploratorias (Colombian rural youth: Exploratory reflections) // JOVENes: Revista de estudios sobre juventud. – México, 1999. – N 9. – P. 112–127; *Guevara R., Peña A.* Consumo de sustancias que producen dependencia en adolescentes estudiantes de secundaria de colegios oficiales mixtos de Villavicencio (Consumption of addictive substances among public high school students from the city of Villavicencio, Colombia). – Villavicencio: Univ. de los Llanos, 1995.

РЕФЕРАТЫ

Элиасон С.Р., Мортимер Дж. Т., Вуоло М.

ВЗРОСЛЕНИЕ КАК ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД: СТРУКТУРЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА И ИХ СУБЪЕКТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ¹

Реф. ст.: *Eliason S.R., Mortimer J.T., Vuolo M.*

The transition to adulthood: Life course structures and subjective perceptions // Social psychology quart. – L., 2015. – Vol. 78, N 3. – P. 205–227.

Ключевые слова: жизненный цикл; юность и взросление; субъективные перцепции процесса взросления; возрастные нормы.

Группа американских социологов – Скотт Элиасон (Университет штата Аризона, г. Тусон), Джейлан Мортимер (Университет штата Миннесота, г. Миннеаполис) и Майк Вуоло (Университет штата Огайо, г. Колумбус) – анализирует процесс взросления в рамках сложившейся социально-психологической традиции изучения жизненного цикла² и классической социологической кон-

¹ Впервые реферат был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2016. – № 3. – С. 12–20.

² *Hogan D.P.* The variable order of events in the life course // *American sociological rev.* – Thousand Oaks (CA), 1978. – Vol. 43, N 4. – P. 573–586; *Marini M.M.* Age and sequencing norms in the transition to adulthood // *Social forces.* – Oxford, 1984. – Vol 63, N 1. – P. 229–243; *Mouw T.* Sequences in early adult transitions: A look at variability and consequences // *On the frontier of adulthood: Theory, research and public policy* / Ed. by R.A. Settersten, F.F. Furstenberg, jr., R. Rumbaut. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 2005. – P. 256–291.

цепции структуры и личности¹. Опираясь на существующие теоретические наработки и эмпирические исследования, касающиеся перехода от юности к взрослости, авторы предлагают свою методику количественного изучения этого феномена в новом ракурсе. Фокусом их внимания становится связь между объективными (санкционированными обществом) структурами жизненного пути в годы взросления и субъективным (личностным) восприятием происходящего в качестве той или иной временной цепочки социальных ролей, типов деятельности и практик, ассоциированных со статусом взрослого. Статья посвящена памяти Скотта Элиасона, разработавшего (в соавторстве с Р. Макмилланом) концептуальную модель жизненного цикла, которую его коллеги использовали в данном эмпирическом проекте, опубликовав результаты уже после смерти автора. Макмиллан и Элиасон предложили рассматривать жизненный цикл как тот или иной набор социальных ролей в соответствии с их возрастным ранжированием и воплощением в самых разных (социально одобренных) конфигурациях, выполняющих, в свою очередь, функцию единой (возрастной и ролевой) схемы реализации конкретного жизненного пути индивида².

Элиасон, Мортимер и Вуоло обращают внимание на два основных направления в социологическом и социально-психологическом осмыслении феномена жизненного цикла, включая этап взросления. В одном случае предметом анализа являются объективные параметры жизненного курса и их количественные измерения, т.е. возрастная градация и последовательность социальных ролей (школьник / студент; соискатель на рынке труда; экономически независимый профессионал, имеющий стабильный доход и полную занятость; партнер, супруг, родитель и т.п.). Соответственно, основным предметом внимания оказываются временные цепочки (расписание, порядок) сменяющих друг друга на жизненном поприще ролей и достижений, значимых для приобретения и поддержания статуса взрослого. В другом случае анализу подлежат субъективно-личностные перцепции «маркеров взрослости» – собственная интерпретация и оценка молодым человеком своих новых ролей и типов социального опыта в контексте инди-

¹ *Stryker Sh., Burke P.J.* The past, present and future of an identity theory // *Social psychology quart.* – L., 2000. – Vol. 63, N 4. – P. 284–297.

² *Macmillan R., Eliason S.R.* Characterizing the life course as role configurations and pathways: A latent structure approach // *Handbook of the life course* / Ed. by J.T. Mortimer, M.J. Shanahan. – N.Y.: Kluwer academic publishers, 2003. – P. 329–354.

видуальной жизненной траектории. Здесь на первый план выходят те роли и практики, которые воспринимаются взрослеющим индивидом в качестве свидетельств его собственной зрелости, а также субъективное представление о временной последовательности этих свидетельств как возникающих «вовремя», «слишком рано», «критично поздно» и т.д.

По мнению авторов статьи, важнейшими характеристиками субъективной перцепции временного порядка социальных ролей в период взросления служат их многоаспектность и вероятная синхронность (студент и / или соискатель на рынке труда; партнер или супруг без стабильного заработка и собственного жилья). При этом для индивидов, вступающих в самостоятельную жизнь, субъективная оценка самого «расписания» тех или иных ролей, ассоциированных со зрелостью, часто приобретает первостепенное значение и определяет траекторию их жизненного пути в дальнейшем. Как свидетельствуют результаты различных эмпирических исследований¹, для современной молодежи значимыми маркерами зрелости все чаще становятся создание собственной семьи и / или рождение ребенка, тогда как приобретение профессии или университетского диплома таковыми признаются не всегда. Это обстоятельство требует самого пристального внимания социальных аналитиков, замечают авторы статьи, в особенности в современном западном контексте диверсификации жизненных траекторий молодежи, их индивидуализации, вариативности и «растяжимости» во времени и социальном пространстве. В эпоху постмодерна молодежь чаще нарушает линейную последовательность ролей и практик, чем следует ей, совмещая и чередуя учебу и работу, жизнь в родительском доме и самостоятельную организацию быта и т.д.

В сложившейся ситуации, продолжают авторы статьи, закономерным будет вопрос о том, сохраняются ли в современном западном мире какие-либо институционализированные общезначимые варианты жизненного пути в юности, и если таковые имеются, в какой мере можно говорить об их нормативности [с. 207]? Раз-

¹ *Arnett J.J.* Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties // *American psychologist*. – Wash., 2000. – Vol. 55, N 5. – P. 469–480; Subjective age identity and the transition to adulthood: When do adolescents become adults? / *Shanahan M.J., Porfeli E.J., Mortimer J.T., Erickson L.D.* // *On the frontier of adulthood: Theory, research and public policy* / Ed. by R.A. Settersten, F.F. Furstenberg, jr., R. Rumbaut. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 2005. – P. 225–255.

мышляя на эту тему, американские социологи обращаются к эмпирическим исследованиям, посвященным нормативности временных градаций жизненного пути и последовательности социальных ролей на пороге взрослости. Уже в ранних работах Б. Нойгартен ставилась задача выявления того самого временного режима (жизненного расписания), который индивид считает «правильным» с точки зрения адекватного движения к статусу взрослого (применительно к самому себе и другим)¹. Иначе говоря, речь шла об идентификации возрастных норм, ассоциирующихся с тем или иным маркером взрослости (окончание обучения, приобретение профессии, выход на рынок труда, вступление в брак, рождение детей). Как показали более поздние опросы, понятие роле-временной адекватности (применительно к статусу взрослого и соответствующей этому статусу идентичности) варьируется в зависимости от классовой принадлежности и исходного (либо желаемого) уровня образования респондентов². Так, молодые люди с высшим образованием (средний класс) изначально закладывали в свое жизненное расписание более поздние сроки вступления в брак и рождения детей (либо отказывались от этих ролей вовсе), чем их сверстники из низших классов, довольствующиеся рабочими специальностями. Поэтому, резюмируют авторы статьи, корректнее ставить вопрос не о социально санкционированных – легитимных и общезначимых – возрастных нормативах в контексте жизненных траекторий, а о вариативности социальных ролей и практик, связанных к тем или иным цепочкам возрастных градаций.

Специфическим недостатком большинства эмпирических исследований, касающихся реальных возрастных норм и их соблюдения / несоблюдения в обществе позднего модерна, авторы статьи считают абстрактность вопросов, которые предлагаются респондентам. Участников интервью редко спрашивают об их собственном понимании временной «уместности / неуместности» либо «своевременности» той или иной взрослой роли или типа дея-

¹ *Neugarten B.L., Moore J.W., Lowe J.C.* Age norms, age constraints and adult socialization // *American j. of sociology.* – Chicago (IL), 1965. – Vol. 70, N 6. – P. 710–717; *Neugarten B.L.* Continuities and discontinuities of psychological issues into adult life // *Human development.* – Basel, 1969. – Vol. 12, N 2. – P. 121–130.

² *Shanahan M.J.* Pathways to adulthood in changing societies: Variability and mechanisms in life course perspectives // *Annual rev. of sociology.* – Palo Alto (CA), 2000. – Vol. 26. – P. 667–692; *Arnett J.J.* Conceptions of the transition to adulthood among emerging adults in American ethnic groups // *New directions for child and adolescent development.* – Hoboken (NJ), 2003. – N 100. – P. 63–75.

тельности, предлагая взамен решать проблему применительно к «людям вообще». Между тем определяющим для траектории взросления очень часто становится личная оценка или интерпретация ролевого поведения как случившегося «рано», «как раз вовремя», «поздновато», «у крайней черты» или «не случившегося вовсе».

С учетом сказанного авторам представляется перспективной и релевантной задачам их собственного проекта модель субъективной возрастной идентификации Р. Сеттерстена¹. Создатель этой модели предложил анализировать соотношение объективных и субъективных параметров взросления с точки зрения «идентичности молодого человека как взрослого». Элиасон и его коллеги согласны с Сеттерстеном в том, что для изучения связей между жизненными траекториями индивида, находящегося на пути к взрослости, и его итоговой идентичностью недостаточно иметь представление о тех субъективных маркерах взрослости, которые выбрал для себя молодой человек; ключевое значение здесь приобретает конкретный возрастной момент реализации им этих маркеров в жизненном опыте. Данный подход укладывается в более широкую аналитическую схему жизненного цикла, разработанную Гленом Элдером², где обсуждаются общие принципы «жизненного расписания», в том числе совпадение / несовпадение взрослых ролей (родитель, супруг, партнер, кормилец) с прочими параметрами идентичности взрослого члена общества (финансовая самостоятельность, наличие своего дома, умение принимать решения и отвечать за них и пр.).

Таким образом, объективные временные нормативы взросления в современном обществе должны рассматриваться через призму их субъективного (ролевозрастного) преломления в индивидуальных перцепциях процесса взросления, заключают авторы статьи. Идентичность взрослого может выстраиваться в соответствии с легитимным (с позиций общества) ролевозрастным порядком либо формироваться вразрез с общепринятым жизненным расписанием или смещаться в том или ином направлении в рамках возрастного диапазона, открытого для реализации субъективных

¹ *Settersten R.A., Jr. Lives in time and place: The problems and promises of developmental science.* – Amityville (NY): Baywood, 1999; *Settersten R.A., Ray B. Not quite adults.* – N.Y.: Bantam books, 2010.

² *Elder G.H., Johnson M.K., Crosnoe R. The emergence and development of life course theory // Handbook of the life course / Ed. by J.T. Mortimer, M.J. Shanahan.* – N.Y.: Kluwer academic publishers, 2003. – P. 3–19.

маркеров взрослости [с. 208]. К сожалению, замечают авторы статьи, в литературе имеется крайне мало эмпирических исследований, позволяющих судить о практической стороне поставленной проблемы. Элиасон, Мортимер и Вуоло надеются отчасти восполнить этот пробел применительно к конкретной возрастной когорте, отрезку исторического времени и месту.

Учитывая существенные изменения в характере жизненных траекторий молодого поколения на рубеже XX–XXI столетий, о которых говорилось выше, нельзя исключить появления в ближайшие десятилетия совершенно иных типов организации жизненных событий и практик в процессе взросления и, соответственно, новых концептуальных моделей жизненного цикла, считают авторы. Именно эта гипотеза о привязанности паттернов взросления, их «расписания» и ролевого содержания к историческому контексту их реализации той или иной молодежной когортой стала отправным теоретическим пунктом эмпирической работы Элиасона и его коллег [с. 209–210]. Эмпирические данные были собраны в ходе лонгитюдного исследования молодежи (Youth development study, YDS) в штате Миннесота (США). Выборка была случайной и включала 1010 человек, которые в 1987 г. являлись первокурсниками высших учебных заведений Миннесоты. На протяжении 13 лет (1992–2004) организаторы исследования получали от участников проекта письменные отчеты, отражавшие ежемесячно все их жизненные достижения и неудачи, а также события личной жизни (дальнейшая учеба по окончании высшей школы или возвращение к ней, если курс не был окончен; карьерный рост; выход на рынок труда; полная или частичная занятость; потеря работы; уход из родительского дома; совместная жизнь с партнером; вступление в брак; рождение ребенка; возвращение под крыло родителей). В эти отчеты включались и субъективные оценки респондентами своего Я и идентичности в качестве взрослого человека. В 2004 г., когда участники достигли возраста 30–31 года, в проекте остался 71% респондентов от исходной выборки.

Методика изучения субъективной перцепции процесса взросления, которую использовали авторы проекта, предполагала предварительное вероятностное моделирование латентных жизненных путей (применительно к данной когорте и на основании данных, предоставленных респондентами в их отчетах). Были сконструированы пять основных типов взросления с учетом той или иной ролевой конфигурации и ее возрастной реализации индивидом в его собственной биографии (приоритет раннего роди-

тельства; карьерный рост, экономическая самостоятельность с партнером или без него, отложенный брак, отказ от рождения детей и т.п.). В рамках того или иного типа жизненной траектории были вычленены и описаны разные варианты и возрастные периоды реализации / отказа от реализации тех или иных объективных маркеров взрослости. Затем количественному анализу подлежали связи между типом латентного жизненного пути в период взросления и субъективным расписанием его этапов. Для моделирования типов жизненных траекторий использовались демографические переменные, связанные с учебой, работой, созданием семьи и наличием собственного жилья. В период достижения респондентами возраста 25–26 лет им были предложены вопросы, касавшиеся своевременности наступления / отсутствия в их жизни тех или иных событий и перемен, которые они сами ассоциировали с идентичностью взрослого. Принимались во внимание и субъективные предпочтения молодых людей (выбор в пользу экономической независимости либо, напротив, приоритет роли родителя сразу по окончании высшей школы и т.п.).

Конкретные содержательные показатели жизненного пути участников проекта и выбранных ими ролевых конфигураций (с учетом временного момента практической реализации той или иной роли), а также степень стабильности ощущения себя взрослым на разных этапах воплощения в опыте субъективных маркеров взрослости нашли отражение в сводных таблицах. Анализ результатов исследования позволил авторам сделать вывод о том, что понимание своего Я в период взросления существенным образом связано как с субъективным расписанием и картированием структур жизненного пути, так и с последовательностью объективных ролей и их конфигураций в процессе перехода в состояние взрослости [с. 220]. Полученные данные в целом подтвердили исходный тезис Элиасона, Мортимер и Вуоло о том, что жизненный путь молодежи в период перехода к статусу взрослого члена общества определяется не только социально заданной возрастной градацией ролей, но и их личным восприятием происходящего в терминах его своевременности. Наибольшего внимания заслуживает тот факт, что в данной возрастной когорте стойкая ассоциация с идентичностью взрослого по преимуществу возникала в отношении ролей и практик, связанных с созданием семьи и рождением детей, но не с карьерой или стабильной занятостью на рынке труда. Как показало настоящее исследование, идентичность взрослого формируется или хотя бы приобретает относительную стабиль-

ность в возрасте 25–26 лет при наличии вполне определенных комбинаций социально значимых ролей: чаще всего называли себя «вполне взрослыми» те участники проекта, кто в этом возрасте уже имел стабильную работу, семью и детей. В этих случаях «объективная» идентичность взрослого совпадала с субъективными перцепциями респондентами своевременности всех происходящих событий. Тем не менее молодые матери, не вступавшие в брак, чаще воспринимали себя «не вполне зрелыми» и даже «опаздывающими» по ряду прочих значимых маркеров взрослости, в отличие, например, от тех респондентов, которые сознательно предпочли карьеру семье.

В заключение авторы еще раз подчеркивают, что полученные ими свидетельства тесной связи между объективными и субъективными параметрами жизненного цикла в период взросления не могут рассматриваться как устойчивая тенденция или социально-психологическая закономерность. Простое сравнение участников настоящего лонгитюдного проекта с молодыми людьми, родившимися на 12 лет позднее (еще один проект, осуществленный в рамках YDS), демонстрирует совершенно новую тенденцию – отложенный во времени момент принятия на себя взрослых ролей (и соответствующей идентичности) в полном объеме и намерение как можно дольше не покидать родительский дом [с. 223]. Очевидно, что наблюдающийся сдвиг в субъективных перцепциях взрослости в данном случае связан с изменившейся экономической ситуацией, диктующей иные правила построения жизненных траекторий в процессе взросления, резюмируют авторы.

Е.В. Якимова

Галлан О.

**ЦЕННОСТИ МОЛОДЫХ ЕВРОПЕЙЦЕВ:
ОБЩИЙ ВЗГЛЯД¹**

Реф. ст.: Galland O.

Les valeurs des jeunes Européens: Un tableau d'ensemble //
Agora débats/jeunesses. – P., 2014. – N 2. – P. 61–78.

Ключевые слова: молодежь; Европа; ценности; религиозная принадлежность; национальная принадлежность.

В статье французского исследователя Оливье Галлана (ведущего научного сотрудника Национального центра научных исследований (CNRS), директора Исследовательской группы методов социологического анализа Сорбонны (GEMASS)) выявляются особенности ценностных ориентаций современной европейской молодежи. Сопоставляя данные опросов населения стран Западной и Восточной Европы, автор констатирует отсутствие единого общеевропейского «ценностного» тренда наряду с возрастанием влияния национальной и религиозной принадлежности.

В настоящей статье О. Галлан развивает выводы, полученные им в предыдущих исследованиях о жизненных ценностях молодых французов². Ранее им были зафиксированы тенденции к индивидуализации и меньшей общественной интегрированности

¹ Впервые реферат был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2016. – № 3. – С. 26–33.

² L'individualisation des valeurs / Sous la dir. de P. Bréchon, O. Galland. – P.: A. Colin, 2010; Une jeunesse différente? Les valeurs des jeunes Français depuis 30 ans / Sous la dir. de B. Roudet, O. Galland. – P.: La documentation française, 2012.

молодых. В сравнении со старшими поколениями французская молодежь демонстрирует большую приверженность ценностям самостоятельности и меньшую – ценностям социального участия. Эмпирическую базу работы составили данные опросов, проведенных в 2008 г. в рамках четвертой волны «Европейского исследования ценностей» (European values study, EVS)¹. На основе полученных результатов автор вводит многомерные показатели, представляющие структуру молодежных ценностей. В исследовании применялся метод факторного анализа, а надежность данных оценивалась с помощью коэффициента альфа Кронбаха. Страновые различия в ценностях населения (как взрослого, так и молодежи) проиллюстрированы с помощью графика, образованного двумя осями: интегрированность – индивидуализм (социальное отчуждение) и традиционализм – автономия (самостоятельность). В соответствии с расположением на графике выделяются четыре группы государств.

1. Страны Северной Европы: Дания, Исландия, Норвегия, Швеция, Финляндия, Нидерланды. Их население характеризуется наибольшей приверженностью ценностям самостоятельности и активной гражданской позицией.

2. Страны, находящиеся в центре Европы – Бельгия, Испания, Франция, Германия, Австрия, Великобритания, – и на некотором отдалении – Италия и Ирландия. Приверженность ценностям автономии у жителей вышеперечисленных государств почти так же сильно выражена, как у населения первой группы стран (за исключением итальянцев и ирландцев), однако их отличает существенно меньшая степень интеграции в общественную жизнь.

3. Почти все страны Центральной и Восточной Европы, а также Греция. Подавляющее большинство их жителей демонстрируют верность традиционным ценностям, склонность к индивидуализму и высокую степень отчуждения от общественной и политической жизни. Хотя по последнему показателю заметен разброс: наиболее ярко социально-политическое отчуждение проявляется в восточноевропейском регионе (Россия, Украина) и на Балканах (Сербия), а также в Центральной Европе (Венгрия, Чехия) и Лат-

¹ European values study (EVS). – Mode of access: <https://europeanvaluesstudy.eu/> (Accessed: 02.09.2017); «Европейское исследование ценностей» – проект, проводящийся каждые девять лет (с 1981 г.) и охватывающий молодежь в возрасте 18–30 лет. Главным методом сбора информации является анкетирование, проводимое на основе репрезентативных национальных выборок. В опросе 2008 г. была задействована 41 европейская страна, в том числе Россия. – *Прим. реф.*

вии. В гораздо меньшей степени отчуждение выражено в Словакии, Боснии, Хорватии, Польше, остальных странах Балтии, а также в Беларуси, Румынии и Молдове, приближающихся по степени интегрированности ко второй группе.

4. Не оказывающая серьезного влияния на результаты исследования группа малых стран: Мальта, Косово, Кипр и Португалия. Их отличает высокая степень традиционализма в сочетании со значительной интегрированностью.

Помимо прочего, график показывает разницу в ценностях молодежи и представителей старших поколений. Результаты опросов населения всех стран – участниц проекта свидетельствуют о том, что вторые везде, во-первых, более традиционны и, во-вторых, лучше интегрированы в общественную, политическую и религиозную жизнь. Автор отмечает, что отразившийся на графике разброс позиций молодежи разных стран (не меньший, чем у взрослых) позволяет сделать неожиданный вывод о практическом отсутствии сближения ценностей молодых в Европе. Что же касается второго вывода о лучшей интегрированности старших поколений, объяснением этому феномену может служить возрастной эффект. Стабилизация социальных ролей и статусов в старших возрастных когортах сопровождается усилением чувства принадлежности к социуму и участия в общественной, политической, религиозной жизни; тогда как слабая интегрированность молодых может усугубляться экономическими и социальными обстоятельствами, особенно безработицей.

Притом что дистанция между ценностями возрастных групп в каждой стране различна, вырисовываются определенные закономерности. Относительно близки ценности молодежи и взрослого населения в странах Северной Европы, особенно в Дании и Швеции. Максимальное расхождение между ценностными ориентациями представителей младших и старших поколений характерно для Греции, Испании, Австрии, Ирландии и Италии. «...Создается впечатление, – замечает автор, – что речь идет о странах, имеющих репутацию традиционных и религиозных, в которых новые поколения очень быстро эволюционировали к модерности, значительно удалившись таким образом от предыдущих поколений. В странах, намного раньше подвергшихся секуляризации, эта дистанция уже была частично преодолена» [с. 65].

Еще один вывод, сделанный исследователем, заключается в том, что различия между группами стран в среднем существеннее межпоколенческих различий. То есть ценностные ориентации

среднестатистического европейца в большей степени определяют его национальной, а не возрастной принадлежностью.

Далее французский социолог анализирует, с какими из социально-демографических характеристик (пол, возраст, продолжительность обучения, тип занятий, размер населенного пункта, религиозная принадлежность, страна) в наибольшей степени коррелируют выявленные тенденции. Основной итог: для всех возрастных когорт определяющим фактором выступает религиозная принадлежность. Она является преобладающей в объяснении направленности ценностей к автономии или традиционности, данный параметр оказывает колоссальное влияние и на выбор позиций социального отчуждения либо социального участия. Возраст слабо сказывается на предпочтении ценностей автономии или традиционности, однако существенно больше – на выборе ценностей интеграции. Это означает, что сегодня в большинстве стран Европы «молодые гораздо больше отличаются от старших поколений по своим ценностям интегрированности (более слабым), чем по современным моральным ценностям (индивидуализму и автономии. – *Редф.*) (достаточно схожим)» [с. 67].

Автор отмечает влияние религиозной принадлежности на взгляды молодых людей, независимо от преобладающей в их стране конфессии и общего уровня религиозности населения: католицизм (Австрия, Ирландия, Италия, Польша, Португалия), протестантизм (все страны Севера), ислам (Албания, Босния, Косово, Кипр, Македония), православие (Болгария, Беларусь, Россия, Кипр, Греция, Молдавия, Сербия, Македония) или ориентации на арелигиозность (Чехия, Эстония, Франция, Венгрия, Черногория, Нидерланды, Испания, Великобритания).

Религиозная принадлежность оценивалась на основе самоотнесения респондентов к конкретному вероисповеданию или к группе «нерелигиозных» (*sans religion*).

Наиболее заметно воздействие религиозной принадлежности на степень социальной интегрированности, которая понимается автором в русле дюркгеймовской традиции, а именно – как «чувство коллективной принадлежности, основанное на разделяемых ценностях и выражающее приверженность социальному целому» [с. 69].

В целом молодые, декларирующие свою принадлежность к той или иной конфессии, имеют более высокие показатели интегрированности, чем в среднем по выборке. Впрочем, это утверждение не относится к православным, религиозность которых обратно

пропорциональна уровню их социально-политической интегрированности. Обнаруженная зависимость отсылает читателя к известному тезису Э. Дюркгейма о социально интегрирующей роли религии.

Межстрановой анализ выявил, что принадлежность к традиционной для данного государства конфессии не является интегрирующим фактором: католики в «католических» странах и протестанты в «протестантских» странах отличаются слабой интегрированностью. Тогда как принадлежность к конфессиональному меньшинству – очевидный фактор интеграции, что четко прослеживается на примере европейских мусульман. При этом слабая интегрированность нерелигиозных молодых людей проявляется во всех случаях.

В результате проведенного исследования автором были выявлены пять основных «профилей» ценностных ориентаций современной европейской молодежи.

1. «Доверчивые сторонники участия (*participatifs confiants*)». В данную группу входят нерелигиозные молодые люди, с доверием относящиеся к другим, задействованные в организациях, политизированные, толерантные (в том числе к мигрантам), приверженцы демократических ценностей. Они являются сторонниками автономии личности и противниками единых для всех нравственных норм. Составляют 23% европейской молодежи. Сверхпредставлены в странах Северной Европы (например, 82% в Дании), также преобладают в центре Европы (Франция – 51%, Нидерланды – 56, Испания – 51, Швейцария – 49, Германия – 44%) [с. 71]. Практически отсутствуют в Восточной Европе и слабо представлены на юге региона (Греция, Португалия). Из факторов, определяющих попадание в данную группу, наиболее значимым является религиозная принадлежность (преобладание нерелигиозных и протестантов, крайне малое количество мусульман). Существенное значение имеют такие «параметры» их индивидуальных биографий, как продолжительность обучения (закончили учиться позже 20 лет) и национальная идентичность.

2. «Индивидуалисты, отрицающие гражданские чувства (*individualistes inciviques*)». Молодежь, далекая от религии, не интересующаяся делами других, отвергающая моральные и гражданские нормы, скептически относящаяся к демократическим ценностям и готовая примкнуть к авторитарным режимам. К данному типу автор причислил 19% молодых европейцев. В этой группе существенно преобладание юношей. Значителен фактор религиозной принадлежности: крайне мало мусульман и много нерелигиоз-

ных. Фактор страны показывает, что представители этой группы сверхпредставлены в странах Балтии (Латвия, Литва), России, Беларуси, Чехии, но присутствуют также во многих странах ЕС (Австрия, Бельгия, Ирландия, Хорватия, Польша, Румыния, Словакия, Словения).

3. «Религиозные авторитарные традиционалисты (*religieux traditionnels autoritaires*)». Крайне религиозные молодые люди, выступающие за традиционные моральные ценности. Им свойственно негативное отношение к демократии наряду с доверием к институтам власти вообще. Их отличает одобрение ценностей, связанных с властью, в том числе в политической сфере (авторитарные формы правления). Составляют больше четверти европейской молодежи. «Религиозный» фактор – наиболее значимый для этой группы. В ней сверхпредставлены мусульмане и крайне мало протестантов и нерелигиозных. Представители этой группы проживают в восточной части Европы (Россия, Беларусь, Украина, Молдова, Румыния) и на Балканах (за исключением Хорватии), а также в Португалии.

4. «Религиозные гиперактивные сторонники участия (*religieux hyperparticipatifs*)». Маленькая группа (4%). Характеризуется высокой степенью религиозной и политической активности. Включает в себя преимущественно протестантов и в меньшей степени католиков.

5. «Отстраненные индивидуалисты (*individualists en retrait*)». Эту молодежь, как и тех, кто принадлежит ко второй группе, не интересуют дела других. Однако их индивидуализм не связан с отрицанием норм или приверженностью авторитарным политическим идеям. Они находятся в стороне и испытывают недоверие к обществу. Самая многочисленная группа (28%). Здесь больше всего католиков и протестантов, а также молодежи из Центральной Европы (Словакия, Венгрия, Сербия, Болгария) и Греции [с. 71–73].

Из вышеприведенной типологии следует, что наибольшее воздействие на ориентацию молодежи в плане ценностей оказывают факторы религиозной и национальной принадлежности. Вместе с тем это воздействие представляется амбивалентным, особенно для молодых агностиков: они массово представлены как среди «доверчивых сторонников участия», так и среди «индивидуалистов, отрицающих гражданские чувства», т.е. групп, находящихся на противоположных полюсах. Таким образом, отсутствие религиозной принадлежности может двояко влиять на интегрирован-

ность, приводя либо к активному участию в жизни общества, либо к отрицанию общественных и демократических норм.

В заключение автор сводит свои наблюдения к трем основным выводам. Во-первых, о стабильности ценностей как молодежи, так и представителей более старших поколений в Европе. Во-вторых, об отсутствии значительной конвергенции между ценностями молодежи европейских стран. Национальные различия все еще очень сильны. Этот результат оказался неожиданным для автора, в особенности в контексте развития новых средств коммуникации, что, казалось бы, должно способствовать стиранию межкультурных барьеров. В-третьих, констатируется существенное, но крайне неоднозначное воздействие религиозной принадлежности на выбор молодежью ценностей. Интегрирующим фактором она становится только в условиях отдельных стран и применительно к религиозным меньшинствам.

Е.Л. Ушкова

**ВЛИЯНИЕ СОБЫТИЙ 9/11 И БОРЬБЫ
С ТЕРРОРОМ НА ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ДЕТЕЙ
И МОЛОДЕЖИ: СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР
НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 10 ЛЕТ /
Руссо С., Джамиль У., Бхай К., Буджаран М¹.**

Реф. ст.: Consequences of 9/11 and the war on terror on children's and young adult's mental health: A systematic review of the past 10 years / Rousseau C., Jamil U., Bhui K., Boudjarane M. // Clinical child psychology a. psychiatry. – Thousand Oaks (CA), 2015. – Vol. 20, N 2. – P. 173–193.

Ключевые слова: терроризм и его последствия; дети и молодежь; психическое здоровье; этнические меньшинства.

Подготовленный Сесиль Руссо (Университет Макгилла, г. Монреаль, Канада), Узмой Джамиль (Университет Южной Австралии, г. Аделаида, Австралия), Камалдипом Бхаем (Институт профилактической медицины Вольфсона, Лондон, Великобритания) и Мерьем Буджаран (Университет Макгилла, г. Монреаль, Канада) аналитический обзор научной литературы позволяет проследить влияние множественных эффектов (в том числе эмерджентных) от террористических актов 11 сентября 2001 г. и последовавшей за ними политики борьбы с террором на состояние психики детей и молодежи Северной Америки.

Результаты исследования показали, что следствием произошедшей трагедии стал широкий спектр социальных трансформа-

¹ Впервые реферат был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2016. – № 4. – С. 17–26.

ций. Сразу после событий 9/11 специалистами были зафиксированы изменения в психическом состоянии взрослых и детей. Уже первые научные работы на эту тему отмечали наличие связи между террористической угрозой и посттравматическим стрессовым расстройством у детей. Политика борьбы с террором (*war on terror*), анонсированная американским правительством после трагедии 11 сентября, привела к росту социальной напряженности на локальном и глобальном уровнях. Прежде всего это выразилось в увеличении мер безопасности в государствах, принимающих мигрантов из стран Ближнего Востока и Африки, а также в дискриминации арабских меньшинств. Очевидно, что подобная ситуация – авторы статьи называют ее «сопутствующим ущербом» (*collateral damage*) – негативно отразилась на мусульманских детях и подростках [с. 174].

Исследователи отмечают, что страх, ассоциирующийся с угрозой терроризма, по-разному воздействует на различные социальные группы и сообщества. Сегодня для жителей многих западных стран характерны опасения перед возможной радикализацией мусульманских меньшинств¹. В то же время представители этнических меньшинств чаще сталкиваются с усилением ксенофобских настроений и дискриминаций².

С. Руссо с коллегами подчеркивают различие, которое существует между медицинским подходом, фокусирующимся на изучении конфликтов и постконфликтных психотравм, и социологическим видением, нацеленным на исследование психосоциальных предпосылок и последствий изучаемых конфликтов. Например, в медицинской и психиатрической литературе в большей степени отмечается негативное воздействие событий 9/11 на клиническую симптоматику у детей или членов одной семьи. Вместе с тем в социологических исследованиях особое внимание уделяется тому, как влияют изменения, вызванные последствиями борьбы с терроризмом, на идентичность и чувство принадлежности в детской и молодежной среде.

Поэтому авторам статьи представляется целесообразным проанализировать весь пласт исследований по данной теме с опо-

¹ *Aly A., Green L.* Fear, anxiety and the state of terror // *Studies in conflict a. terrorism*. – Wash., 2010. – Vol. 33, N 3. – P. 268–281.

² *Jamil U., Rousseau C.* Subject positioning, fear and insecurity in South Asian Muslim communities in the war on terror context // *Canadian rev. of sociology = Rev. canadienne de sociologie*. – Malden (MA), 2012. – Vol. 49, N 4. – P. 370–388; *Pumariega A.J., Rothe E.* Leaving no children or families outside: The challenges of immigration // *American j. of orthopsychiatry*. – Wash., 2010. – Vol. 80, N 4. – P. 505–515.

рой на смешанные методы. На их взгляд, это должно помочь наладить взаимодействие между медицинским и социологическим подходами и дать более полное понимание сути изучаемой проблемы.

Таким образом, группой исследователей под руководством С. Руссо были проанализированы релевантные статьи из медицинских, психологических (Medline, CINAHL, ERIC, Embase, Cochrane, PsycInfo, PILOTS) и социологических (Social services abstracts, International political science abstracts, ProQuest, PAIS International и ATLA Religion) баз данных за десятилетний период – с 2001 по июнь 2011 г. Объект исследования – дети и молодые люди в возрасте до 20 лет, а также их родители и беременные женщины, поскольку невозможно отрицать «семейное» влияние на развитие и психоэмоциональное состояние ребенка.

Авторами статьи была проведена работа по отбору необходимых источников и выбору исследовательской стратегии. Было выявлено, что для изучения групп меньшинств, как правило, использовались качественные исследования, а для изучения доминирующих групп – количественные. Тематика материалов, подвергавшихся анализу, чрезвычайно широка – от проблем психопатологии, посттравматического поведения до вопросов, связанных с самоуважением, самоидентификацией, объектностью.

Основным методом анализа стал систематический обзор с применением смешанных методов (mixed method systematic review), позволяющий оценить разноформатные тексты и исследования. Перед учеными стояла задача выявить негативные (посттравматическое расстройство, депрессия, беспокойство, психосоматические проблемы) и позитивные (стратегия преодоления трудностей, адаптация) эффекты террористических актов 11 сентября 2001 г. [с. 175–176].

Все материалы были разделены на семь групп:

- 1) качественные исследования детей и молодежи (наблюдательные исследования без экспериментального вмешательства);
- 2) количественные исследования детей и молодежи (наблюдательные исследования без экспериментального вмешательства);
- 3) исследования смешанного типа, направленные на изучение родителей и семей;
- 4) экспериментальные исследования (клинические вмешательства, мероприятия на уровне локальных сообществ или при участии референтных специалистов);
- 5) теоретико-аналитические статьи неисследовательского характера;

- 6) постановления и документы политического характера;
- 7) обзорные материалы.

Впоследствии отобранные материалы оценивались на основании специально разработанной системы оценок [с. 176]¹.

Результаты исследования показали, что в наибольшей мере негативное влияние событий 11 сентября испытали дети и подростки Нью-Йорка: непосредственная близость к месту катастрофы заставила их бояться за себя и родных. Также в американском обществе было зафиксировано усиление дискриминационных тенденций в отношении лиц арабского происхождения и тех, кто исповедует ислам.

Впрочем, как подчеркивают С. Руссо с коллегами, имеющиеся данные носят неоднозначный характер и зачастую различаются между собой. Так, по результатам одного исследования, сразу после событий 11 сентября в США было отмечено увеличение уровня стресса среди детей: 35% юных американцев проявляли хотя бы один из признаков стресса². В то же время, по данным другого исследования, уровень детского и подросткового дистресса был обычным³, за исключением Нью-Йорка: 60% опрошенных жителей этого города отметили, что их дети были потрясены произошедшей катастрофой. По мнению авторов статьи, подобные расхождения могут быть вызваны различиями в выборе исследовательской методологии.

Пренатальные последствия. Исследование большой группы женщин (N=164743), чья беременность пришлась на период совершения терактов 11 сентября, и сравнение их с беременными в прежние и последующие годы, не обнаружило значимой связи между страхом матерей перед терактами и риском для здоровья ново-

¹ Les methods mixtes / Pluye P., Nadeau L., Gagnon M.-P., Grad R.M., Johnson-Lafleur J., Griffiths F. // *Approches et pratiques en évaluation de programmes* / Sous la dir. de V. Ridde, C. Dagenais. – Montréal: Presses de l'Université de Montréal, 2009. – P. 123–141.

² A national survey of stress reactions after the September 11, 2001, terrorist attacks / Schuster M.A., Stein B.D., Jaycox L.H., Collins R.L., Marshall G.N., Elliott M.N., Berry S.H. // *New England j. of medicine*. – Boston (MA), 2001. – Vol. 345, N 20. – P. 1507–1512.

³ Psychological reactions to terrorist attacks: Findings from the national study of Americans' reactions to September 11 / Schlenger W.E., Caddell J.M., Lori E., Jordan K.B., Rourke K.M., Wilson D.M., Kulka R.A. // *JAMA: J. of the American medical association*. – Emmitsburg (MD), 2002. – Vol. 288, N 5. – P. 581–588.

рожденных¹. Вместе с тем в течение шести месяцев после катастрофы в Нью-Йорке было зафиксировано снижение веса новорожденных и ранние роды у женщин с арабскими именами², что может свидетельствовать об усилении дискриминации и стресса среди матерей «неевропейского» происхождения [с. 177–181].

Последствия для детей дошкольного и школьного возраста. События 9/11 определенным образом воздействовали на детей дошкольного и школьного возраста. Ключевым детерминирующим фактором стала географическая близость к месту катастрофы. В Нью-Йорке для 18% детей была характерна сильная посттравматическая стрессовая реакция³. Выходцы из разных социальных и этнических групп по-разному переживали случившееся: наиболее чувствительными к произошедшему оказались дети из латиноамериканских и материально неблагополучных семей, а юные афроамериканцы более остро переживали события 11 сентября, чем их сверстники евроамериканского происхождения.

На восприятие произошедшей трагедии определенное влияние оказали средства массовой информации и реакция домохозяев. Эмоциональная реакция родителей и просмотр телепрограмм о трагедии усиливали у детей посттравматическую реакцию и страх перед терроризмом⁴.

Рядом долгосрочных исследований были отмечены проявления симптомов посттравматического расстройства у детей, которые напрямую столкнулись с событиями 11 сентября, на том же уровне, что у их ровесников, переживших стихийные бедствия⁵.

¹ Does acute maternal stress in pregnancy affect infant health outcomes? Examination of a large cohort of infants born after the terrorist attacks of September 11, 2001 / Endara S., Ryan M., Seveck C., Conlin A.M., Macera C., Smith T. // BMC public health. – L., 2009. – Vol. 9, N 1. – P. 252.

² Lauderdale D.S. Birth outcomes for Arabic-named women in California before and after September 11 // Demography. – N.Y., 2006. – Vol. 43, N 1. – P. 185–201.

³ A national longitudinal study of the psychological consequences of the September 11, 2001 terrorist attacks: Reactions, impairment and help-seeking / Stein B.D., Elliott M.N., Jaycox L.H., Collins R.L., Berry S.H., Klein D.J., Schuster M.A. // Psychiatry. – Cambridge, 2004. – Vol. 67, N 2. – P. 105–117.

⁴ Media exposure to September 11: Elementary school students' experiences and posttraumatic symptoms / Saylor C.F., Cowart B.L., Lipovsky J.A., Jackson C., Finch A. // American behavioral scientist. – Princeton (NJ), 2003. – Vol. 46, N 12. – P. 1622–1642.

⁵ Pre-attack symptomatology and temperament as predictors of children responses to the September 11 terrorist attacks / Lengua L.J., Long A., Smith K.I.,

Вместе с тем часть исследований не обнаружила принципиальных изменений в поведении детей¹, что говорит о сложной связи между детским стрессом и представлениями ребенка об опасности.

Последствия для подростков и молодежи. В этой группе исследований также есть некоторые расхождения, пишут авторы. Так, по одним данным, была зафиксирована острая негативная реакция на события 11 сентября, которая продолжалась в течение нескольких месяцев². Другие же исследования не отметили связанных с известными событиями изменений³. Географическая близость к месту катастрофы стала важным фактором для проявления беспокойства в поведении⁴. Девушки демонстрировали больше признаков психологического расстройства, чем юноши: последние предпочитали дистанцироваться от произошедшего⁵. События 11 сентября негативно отразились на школьной успеваемости и выполнении учащимися других обязанностей⁶, а те подростки, кто до этого сталкивался с жестокостью или получил психологические травмы, проявляли признаки депрессии и беспокойства [с. 181–182].

Семья по-разному влияла на детей разных возрастов. Например, готовность родных обсуждать случившееся помогала

Meltzoff A.N. // J. of child psychology a. psychiatry. – Oxford, 2005. – Vol. 46, N 6. – P. 631–645.

¹ *Henry D.B., Tolan P.H., Gorman-Smith D.* Have there been lasting effects associated with the September 11, 2001, terrorist attacks among inner-city parents and children? // Professional psychology: Research a. practice. – Arlington (VA), 2004. – Vol. 35, N 5. – P. 542–547.

² *Matt G.E., Vázquez C.* Anxiety, depressed mood, self-esteem and traumatic stress symptoms among distant witnesses of the 9/11 terrorist attacks: Transitory responses and psychological resilience // Spanish j. of psychology. – Madrid, 2008. – Vol. 11, N 2. – P. 503–515.

³ Impact of the September 11 th terrorist attacks on teenagers' mental health / *Gould M.S., Munfakh J.L.H., Kleinman M., Lubell K., Provenzano D.* // Applied developmental science. – Mahwah (NJ), 2004. – Vol. 8, N 3. – P. 158–169.

⁴ Posttraumatic stress and depressive symptoms in a college population one year after the September 11 attacks: The effect of proximity / *Blanchard E.B., Rowell D., Kuhn E., Rogers R., Wittrock D.* // Behaviour research a. therapy. – Oxford, 2005. – Vol. 43, N 1. – P. 143–150.

⁵ *Ray M., Malhi P.* Reaction of Indian adolescents to the 9/11 terrorist attacks // The Indian j. of pediatrics. – New Delhi, 2005. – Vol. 72, N 3. – P. 217–221.

⁶ Exposure to the World Trade Center attack and the use of cigarettes and alcohol among New York City public high-school students / *Wu P., Duarte C.S., Mandell D.J., Fan B., Liu X., Fuller C.J., Hoven C.W.* // American j. of public health. – N.Y., 2006. – Vol. 96, N 5. – P. 804–807.

школьникам справиться со стрессом¹. В некоторых случаях неспособность родителей поговорить о катастрофе и конфликтные ситуации со старшими родственниками провоцировали у подростков психологические проблемы.

Ряд исследований обнаружили различия в последующем стрессе для представителей разных социальных групп. Подростки, чьи семьи испытывали финансовые трудности, в большей степени были подвержены посттравматическому стрессовому расстройству. Также был зафиксирован рост напряжения между представителями евроамериканского большинства и мусульманских меньшинств, что привело к нарастанию дискриминационных и изоляционных тенденций в отношении мусульманских подростков².

Авторы статьи выделяют три ключевых вопроса, требующих обсуждения в контексте поднимаемой темы: усиление предубеждений против представителей определенных этнических и религиозных групп; проблема самоидентификации мусульманской молодежи; стратегии адаптации детей и молодежи, исповедующих ислам, к новым социально-политическим реалиям.

Исследователи отмечают, что и до событий 11 сентября в американском социуме имели место недоверие и негативные стереотипы по отношению к мусульманским общинам. После террористической атаки это давление многократно усилилось: например, в нью-йоркских школах мусульманские и южноазиатские учащиеся чувствовали себя в изоляции, подвергаясь сильному прессингу со стороны одноклассников³.

Анализ показал, что после трагедии 9/11 процесс самоидентификации мусульманской молодежи протекал неоднородно. Одни подростки, переставая идентифицировать себя в качестве американцев и критикуя политику США в Афганистане и Ираке, делали

¹ *Lutz W.J., Hock E., Kang M.J.* Children's communication about distressing events: The role of emotional openness and psychological attributes of family members // *American j. of orthopsychiatry.* – Wash., 2007. – Vol. 77, N 1. – P. 86–94.

² *Ramberg I.* L'islamophobie et ses conséquences pour les jeunes: Rapport du séminaire / Centre européen de la jeunesse, Budapest, 1–6 juin 2004. – Strasbourg: Conseil de l'Europe, 2005.

³ *Kromidas M.* Learning war / learning race: Fourth-grade students in the aftermath of September 11 th in New York City // *Critique of anthropology.* – L., 2004. – Vol. 24, N 1. – P. 15–33.

выбор в пользу мусульманской идентичности¹. Другие проявляли большую гибкость в вопросе выбора самоидентификации [с. 183]².

К положительному эффекту политики борьбы с террором можно отнести выработку конструктивных адаптационных стратегий в среде молодых мусульман. Так, произошло укрепление связей внутри молодежных мусульманских общин. По признанию многих молодых мусульманок, после катастрофы 11 сентября 2001 г. они стали испытывать чувство ответственности за формирование позитивного имиджа своего сообщества³.

По словам авторов статьи, больше всего вопросов вызывают темы, связанные с оценкой эффективности профессиональной помощи детям и их семьям во время терактов. Так, специалистами отмечается несоответствие помощи, которая требовалась и которая предоставлялась сразу после катастрофы⁴. В целом же, продолжают исследователи, после терактов 11 сентября в США заметно увеличилось количество служб психологической помощи.

Самая масштабная инициатива по оказанию психологической поддержки жертв терактов 9/11 была организована в Нью-Йорке: помощь получили 700 детей, в основном – выходцы из латиноамериканских (65%) и малообеспеченных (58%) семей⁵. В работе психологов применялись экспрессивная и телесно ориентированная психотерапия, а также стратегии привлечения к помощи родителей. Правда, оценить результаты подобной поддержки довольно сложно, так как помощь оказывалась спонтанно, и сравнений контрольной и экспериментальной групп впоследствии не проводилось [с. 185]. Помимо этого авторы обращают внимание на те трудности, с которыми сталкиваются в работе с посттеррористическими травмами психотерапевты и специалисты схожего профиля:

¹ Zaal M., Salah T., Fine M. The weight of the hyphen: Freedom, fusion and responsibility embodied by young Muslim-American women during a time of surveillance // Applied development science. – Mahwah (NJ), 2007. – Vol. 11, N 3. – P. 164–177.

² Ewing K.P., Hoyle M. Being Muslim and American: South Asian Muslim youth and the war on terror // Being and belonging: Muslims in the United States since 9/11 / Ed. by K. Ewing. – N.Y.: Russel Sage foundation, 2008. – P. 80–104.

³ Ibid.

⁴ Ford C.A. Living in a time of terrorism: What about older adolescents and young adults? // Families, systems a. health. – Wash., 2004. – Vol. 22, N 1. – P. 52–53.

⁵ Implementing an evidence-based trauma treatment in a state system after September 11: The CATS project / Hoagwood K.E., Vogel J.M., Levitt J., D'Amico P.J., Paisner W.I., Kaplan S.J. // J. of the American Academy of child a. adolescent psychiatry. – N.Y., 2007. – Vol. 46, N 6. – P. 773–779.

терапевт и пациент могут ощущать себя жертвами одной трагедии¹.

Подводя итоги, Руссо с коллегами выделяют три фактора, которые надо учитывать при оценке последствий событий 11 сентября 2001 г. и политики борьбы с террором.

1. Терроризм – явление, рожденное в рамках существующего социополитического контекста. Неопределенный образ террориста и непредсказуемость его действий могут усилить страх ребенка перед ним и уменьшить чувство его безопасности.

2. Проблемные дети (легко возбудимые, страдающие от психотравм, выросшие в слабoresурсных семьях) в большей степени оказались шокированы трагедией 9/11.

3. Закрытость мигрантских сообществ и отсутствие информации о случаях дискриминации в отношении членов семей мигрантов осложняет оказание им помощи.

В условиях нехватки информации о мигрантах С. Руссо, У. Джамиль, К. Бхай и М. Буджаран находят крайне эффективным применение в научной работе смешанных методов. По их словам, зачастую американское общество воспринимается как однородное самими исследователями, что не способствует объективным выводам. Также, подчеркивают авторы статьи, при изучении последствий терактов ученым важно уметь абстрагироваться от эмоциональных и идеологических оценок: это позволит избежать искажения результатов исследования [с. 187].

*Ю.О. Кондрашова,
М.А. Ядова*

¹ *Tosone C. Therapeutic intimacy: A post 9/11 perspective // Smith college studies in social work. – Northampton (MA), 2006. – Vol. 76, N 4. – P. 89–98.*

Серракант П.

**ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА
НА ЖИЗНЕННЫЕ ТРАЕКТОРИИ МОЛОДЕЖИ:
СЛУЧАЙ ЮЖНОЙ ЕВРОПЫ¹**

Реф. ст.: *Serracant P.*

**The impact of the economic crisis on youth trajectories:
A case study from Southern Europe // Young. – L., 2015. – Vol. 23,
N 1. – P. 39–58.**

Ключевые слова: молодежь; жизненные траектории; экономический кризис и социальная политика; общество позднего модерна; Каталония.

Статья Пау Серраканта (социологический факультет Независимого университета Барселоны; Каталонское агентство по делам молодежи, Испания) посвящена специфике жизненных траекторий молодежи (15–34 лет) на юге Испании (Каталония) в контексте современных общеевропейских тенденций формирования жизненного цикла в юности, с одной стороны, и с точки зрения сохранения / изменения (под влиянием экономического кризиса) традиционной модели взросления, характерной собственно для Каталонии, – с другой. Большинство современных социологов акцентируют следующие ключевые параметры структурной и содержательной трансформации периода взросления в обществах позднего модер-

¹ Данный текст представляет собой сокращенную версию реферата, опубликованного в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2016. – № 3. – С. 33–41.

на: удлинение / расширение жизненных траекторий юности, их нелинейность, возвратность и диверсификация¹.

Под удлинением имеется в виду тенденция к более затяжному, чем прежде, процессу вступления молодого человека во взрослую жизнь. Эта тенденция, отчетливо проявившаяся еще в прошлом столетии, набирает силу в столетии нынешнем. Подготовка к вступлению в социум приобретает все более дробный характер, составляющие ее промежуточные фазы множатся и удлиняются. Одновременно с этим жизненная фаза юности все чаще «присваивает» заключительные этапы отрочества, когда подростки демонстрируют поведенческие и ролевые паттерны, свойственные более поздним этапам взросления. Нелинейность молодежных жизненных траекторий выражается в нарушении привычной последовательности сменяющих друг друга этапов внутри данной фазы жизненного цикла (обучение и приобретение специальности → выход на рынок труда → обретение экономической независимости → уход из родительского дома → вступление в брак → рождение первенца). Сегодня в западном обществе преобладает постфордистский вариант жизненного пути, когда молодой человек начинает трудовую деятельность еще в период учебы либо продолжает прерванную учебу, уже закрепившись на рынке труда; возвращается в дом родителей после нескольких лет самостоятельной жизни либо создает семью, не приобретя финансовой независимости. Возвратность – оборотная сторона тренда к нелинейности жизненного цикла в юности; ее проявлением принято считать восстановление социальных практик, уже имевших место в жизни молодого человека (возобновление учебы после нескольких лет работы; возвращение в лоно семьи после периода самостоятельной жизни, в том числе – с партнером). В современном мире господствуют ценности индивидуализма и рефлексивности, поэтому эксперимент и связанное с ним возвратно-поступательное движение в границах юности становятся скорее нормой, чем исключением.

¹ L'allongement de la jeunesse / Sous la dir. de A. Cavalli, O. Galland. – Poitiers: Actes Sud, 1993; Pollock G. Youth transitions: Debates over the social context of becoming an adult // Sociology compass. – Hoboken (NJ), 2008. – Vol. 2, N 2. – P. 467–484; Baizan P., Michielin F., Billari F.C. Political economy and life course patterns: The heterogeneity of occupational, family and household trajectories of young Spaniards // Demographic research. – Rostock, 2002. – Vol. 6, N 8. – P. 190–240; Lecardi C. Facing uncertainty: Temporality and biographies in the new century // Young. – L., 2005. – Vol. 13, N 2. – P. 123–146.

Диверсификация траекторий жизни современной европейской молодежи связана с более широким общественным трендом позднего модерна к индивидуализации, саморефлексии и, как следствие, – к биографическому субъективизму. Разнообразие жизненных траекторий в юности, таким образом, является закономерным итогом удлинения и расширения нелинейных возвратно-поступательных биографических траекторий молодежи в эпоху позднего модерна, которая предоставляет новым поколениям гораздо более широкий выбор жизненного пути, чем предыдущие исторические моменты, резюмирует автор [с. 41].

Отдельный предмет обсуждения в новейших молодежных исследованиях составляют социальные факторы, обуславливающие наблюдающуюся сегодня трансформацию этапов взросления. Экономическое процветание, расширение диапазона социальных гарантий, сокращение неравенства и прочие общественные тенденции позднего модерна делают жизненный выбор молодого человека все менее привязанным к его социальным «корням» – и потому менее предсказуемым и более рискованным. Серракант, однако, солидарен с теми социологами, которые выдвигают на первый план экономические и социокультурные особенности отдельных европейских стран и регионов в качестве ключевых детерминант жизненных траекторий на пороге взросления. Так, на юге Европы возрастная сегментация рынка труда, слабость социальной политики и минимальный набор социальных гарантий способствуют устойчивости традиционных межпоколенных связей и взаимопомощи. По замечанию ряда исследователей, семейственность как отличительная черта южноевропейской культуры сохраняет свое влияние на фоне недостаточной поддержки молодежи со стороны государства. Доминирующий паттерн перехода от юности к статусу взрослого члена общества здесь по преимуществу ограничивается линейной цепочкой событий: получение образования, стабильный заработок, вступление в брак, обзаведение собственным домом. Применительно к Каталонии автор считает возможным говорить о «семейственном режиме взросления» [с. 42], который и рассматривается в настоящей статье в контексте «южной» модели социального обеспечения.

Как свидетельствуют немногочисленные исследования, семейственный паттерн взросления сохранялся в Каталонии и в годы экономической экспансии, что нашло отражение в предпочтении молодыми людьми длительных, линейных и поступательных (невозвратных) практик вступления во взрослую жизнь, с непременно-

ной ориентацией на материальную помощь и поддержку семьи (при минимуме разнообразия жизненных путей)¹. Наступление кризиса лишь усилило эти тенденции – на фоне растущей безработицы в стране и сокращения объема социальной поддержки молодежи. Представители молодого поколения оказались главной мишенью кризиса и наиболее социально уязвимой возрастной группой. Если общее число каталонцев, потерявших работу, возросло с 6,5 (2007) до 23,4% (2012), то количество безработной молодежи (16–29 лет) в 2012 г. составило 37,1% (по сравнению с 9,3% в 2007 г.) [с. 43]. Такая возрастная динамика безработицы на юге Испании в целом соответствует общеевропейской тенденции тех лет. Однако в Каталонии ситуация усугубляется крайне неэффективной государственной поддержкой молодежи, а также длительностью вынужденной безработицы новых членов общества. С учетом сказанного, Серракант видит свою задачу в том, чтобы выяснить, каким образом текущий экономический кризис сказался на перечисленных выше изменениях жизненных траекторий молодежи позднего модерна применительно к Каталонии.

По данным ряда исследований, не только в Испании, но и в других европейских странах «кризис способствует усилению традиционного консервативного паттерна взросления» [с. 43]. В связи с этим автор выдвигает гипотезу о том, что для Каталонии «поворот к традиции» будет выглядеть как увеличение продолжительности переходного периода с сохранением его линейности на фоне уменьшения разнообразия жизненных стратегий и снижения рисков; характерной чертой также будет растущая возвратность трансформаций жизненного пути (особенно для тех, кто определил свои жизненные приоритеты, начав учебу или трудовую деятельность в годы экономического роста, а затем был вынужден вернуться в родительское гнездо). В качестве механизма, стимулирующего изменения жизненных траекторий каталонской молодежи в направлении, обратном общеевропейской тенденции позднего модерна, Серракант рассматривает адаптацию как способ согласования желаний и планов молодых людей, с одной стороны, и жестких экономических реалий – с другой. Этот трагический разрыв между личными амбициями и скудными социальными ресурсами, предположительно, деформирует не только переходные стратегии каталонской молодежи, но изменяет и характер образо-

¹ El règim de benestar juvenil a Catalunya / Ed. por M.À. Allegre. – Barcelona: Secretaria de joventut, 2010. – P. 15–64.

вательной и профессиональной мобильности, считает испанский социолог.

Материалом для анализа и обобщений ему послужили данные масштабных опросов, проводившихся в 2007 и 2012 гг. Каталонским агентством по делам молодежи (при участии автора статьи), при поддержке регионального правительства и Каталонского статистического института. Выбор жизненной траектории в юности как раз и составлял фокус названных исследований, в которых преобладали ретроспективные вопросы, касавшиеся образования, трудовой деятельности и внутрисемейных отношений. Респондентам предлагалось вспомнить самые яркие события их жизни. Затем был проведен сопоставительный анализ данных, полученных для 2007 г. (пик экономической экспансии) и для 2012 г. (период рецессии). В опросе приняли участие уроженцы Каталонии в возрасте 15–34 лет – 2400 человек в 2007 г. и 3002 человека в 2012 г.; интервью длительностью 35 минут проводились у респондентов дома. Результаты анализировались применительно к каждой из четырех описанных выше тенденций взросления в европейских странах.

Как и ожидалось, экономический кризис способствовал еще большему удлинению во времени фазы юности, заставляя молодых каталонцев откладывать «на потом» осуществление их целей и намерений – главным образом, путем отсрочки окончания образования и / или вступления на рынок труда. Увеличилось количество молодежи, вернувшейся к учебе после нескольких лет работы (чаще всего – по причине потери рабочего места). Эта тенденция не ускорила уход из родительского дома (особенно молодых людей в возрасте 16–24 лет); одновременно значительно снизилось число молодых людей с детьми. Что касается возвратности жизненных траекторий, то эта тенденция постмодерна, не слишком типичная для семейно-традиционалистской модели взросления на юге Испании, в годы кризиса проявила себя весьма ярко. Так, в период экономического роста 22,5% опрошенных каталонцев бросали учебу и вновь возвращались к ней после некоторого перерыва; в годы рецессии их число достигло 28,9%. Тем не менее этот сдвиг почти не затронул молодых людей, которые уже успели занять свою нишу на рынке труда (приведенные данные, однако, не учитывают того факта, что в период рецессии возросло число молодых людей, которые так и не смогли найти свое первое рабочее место). На этом фоне сохранялась тенденция к периодическому возвращению под родительский кров (7,8% в 2007 г., 14,3% в

2012 г.); также возросло число тех, кто расстался со своим партнером и вернулся к родителям (с 6,7% до 11,2%) [с. 47]. Нелинейность жизненных траекторий в период рецессии заметно сократилась, особенно по сравнению с ростом длительности и увеличением возвратности жизненных этапов молодых каталонцев. Число молодых людей, приступивших к работе до окончания учебы, сократилось в этой провинции с 68,1 (2007) до 45,0% (2012); пропорция покинувших отчий дом до окончания учебы уменьшилась за этот период вдвое. Такая же картина наблюдалась и среди молодежи, занятой на рынке труда: число покинувших родительский дом с началом трудовой деятельности сократилось с 23,1 в годы экономического расцвета до 8,3% в период кризиса [с. 49].

Более сложную трансформацию под воздействием экономического кризиса демонстрирует такая современная черта молодежных жизненных траекторий, как их диверсификация, продолжает Серракант. В случае Каталонии правильнее будет говорить не о разнообразии жизненных поисков, а о сохранении стабильных типов жизненных траекторий и минимизации жизненных рисков и экспериментов. В ходе анализа данных, имевшихся в распоряжении автора статьи, он выделил семь типов (типологий) переходных стратегий, характерных для каталонской молодежи в годы экономического подъема. Эти стратегии так или иначе были связаны с желаемым (планируемым) уровнем образования (начальное, специальное, высшее), непрерывностью и длительностью обучения, стабильностью и уровнем дохода, возможностью и готовностью покинуть родительский дом и завести семью. Как оказалось, экономический кризис как таковой не изменил существенно образом ни количество, ни внутреннюю последовательность, ни содержание типичных для Каталонии юношеских стратегий взросления. Произошло лишь некоторое количественное перераспределение групп молодежи внутри все тех же традиционных вариантов вступления во взрослую жизнь. В частности, возрос процент наиболее уязвимых в экономическом и социальном отношениях сегментов молодежи (девушки без образования, ушедшие из дома, чтобы жить с партнером; молодые люди с низким образовательным статусом, пополняющие ряды безработных или прекариата). В 2007 г. эта группа молодежи составляла 25,5% опрошенных, в 2012 – 43,6%. Соответственно, уменьшилось число тех, кто сумел удержаться на самой благоприятной жизненной траектории (непрерывное университетское образование и постоянная работа с достойным заработком), – 46,1% в 2007 г. и 27,6%

в 2012 [с. 51]. По мнению Серраканта, наблюдаемая в Каталонии стабильность основных жизненных траекторий в годы кризиса предопределена описанными выше изменениями прочих параметров данного этапа жизненного цикла, т.е. увеличением продолжительности, усилением возвратности и вынужденной нелинейностью движения к намеченной жизненной цели.

Подводя итоги своего эмпирического анализа, Серракант подчеркивает, что его основные гипотезы относительно влияния экономического кризиса на характер жизненных траекторий молодежи на юге Испании нашли подтверждение. Режим семейственности оказался более мощным фактором их формирования и, отчасти, трансформации, чем общеевропейские тренды позднего модерна. Неблагоприятная экономическая ситуация на рынке труда и слабая поддержка молодежи со стороны государства заставляют ее отложить на неопределенное время реализацию своих жизненных планов и амбиций в качестве взрослых членов общества и попытаться накопить необходимые для этого ресурсы (образовательные, экономические, социальные), оставаясь под кровом родителей. «Ожидание в родительском доме», таким образом, является сегодня самой распространенной стратегией взросления в Каталонии, заключает П. Серракант [с. 52].

Е.В. Якимова

МОЛОДЕЖЬ В НЕСТАБИЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВАХ АФРИКИ: КАРЬЕРНЫЕ ОЖИДАНИЯ И ТРАЕКТОРИИ

(Сводный реферат)¹

Реф. ст.:

1. *Lauterbach K. Becoming a pastor: Youth and social aspirations in Ghana* // Young. – L., 2010. – Vol. 18, N 3. – P. 259–278.
2. *Munive J. The army of «unemployed» young people* // Young. – L., 2010. – Vol. 18, N 3. – P. 321–338.
3. *Hanchey J.N., Berkelaar B.L. Context matters: Examining discourses of career success in Tanzania* // *Management communication quart.* – Newbury Park (CA), 2015. – Vol. 29, N 3. – P. 411–439.

Ключевые слова: молодежь; страны Африки; Гана; профессиональное самоопределение; пастор; Либерия; безработица; нелегальное предпринимательство; дискурсы успешной карьеры; Танзания.

¹ Реферат объединяет тексты, опубликованные ранее в РЖ «Социология»: Молодежь в нестабильных государствах Африки: Социальные притязания и карьерные траектории (Сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2012. – № 3. – С. 155–162; Ханчей Дж.Н., Беркелар Б.Л. Контекст имеет значение: Исследование дискурсов успешной карьеры в Танзании // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2018. – № 3. – С. 191–194.

Реферируемые статьи затрагивают актуальную тему социального положения молодежи в «хрупких» и нестабильных государствах. По статистическим данным, большинство таких государств сосредоточено на Африканском континенте. Традиционно молодежь Африки, выросшая в условиях жесточайшей социально-экономической депривации, рассматривается как потерянное поколение, которое угрожает безопасности благополучных мировых держав. Работы Карен Лаутербах, Хайро Муниве, Дженны Ханчей и Бренды Беркелар опровергают это – ставшее уже расхожим – мнение и демонстрируют, какой мощный инновационный и «агентивный» ресурс скрыт в молодых африканцах. Молодежь представляется исследователям коллективным актором, способным своими действиями изменить в лучшую сторону жизнь африканского общества.

Статья Карен Лаутербах из Центра африканских исследований Копенгагенского университета (Дания) посвящена проблеме социальной мобильности в Республике Гана и, в частности, построению карьеры пастора неопятидесятнической церкви в г. Кумаси [1]. Для многих ганцев пасторская карьера является новым способом социальной мобильности в условиях безработицы и социальной нестабильности. По мнению автора, молодые пасторы представляют собой инновационную экономическую, политическую и социальную силу в ганском обществе.

Некоторые ученые утверждают, что деятельность пятидесятнической церкви способствует усилению влияния гражданского общества¹. Особенно общины пятидесятников привлекательны для молодежи, поскольку религиозный дискурс пятидесятничества направлен на молодое поколение. Пасторы дают молодым советы о том, как преуспеть в жизни, создать семью, получить образование, удачно трудоустроиться, предлагают консультации по вопросам брака, семьи и организации собственного бизнеса. Таким образом, пятидесятнические церкви являются местом, где молодые люди могут безвозмездно получить поддержку в их стремлениях к достижению жизненного успеха.

Работа Лаутербах исследует двойственную природу отношений молодых пасторов с окружающими: с одной стороны, они находятся в положении зависимости от старших коллег, а с другой – им приходится быть новаторами в способах построения карьеры и расширять горизонтальные межличностные контакты. Это близко

¹ *Martin D. Pentecostalism: The world their parish.* – Oxford: Blackwell, 2002.

к пониманию молодежи как социальной группы, хотя и ограниченной определенными социально-экономическими условиями, но в то же время деятельной и инновационной. И конечно, подобный взгляд отличается от распространенного среди специалистов представления о молодежи Африки как о «потерянном» или «проблемном» поколении¹.

К. Лаутербах опирается на выполненное ею диссертационное исследование о положении неопятидесятнической церкви в Гане². Эмпирический материал исследования, проведенного в 2004–2005 гг., состоит из 87 интервью, участия автора в 32 религиозных службах в 14 различных церквях, коллекции аудиовизуальных материалов, религиозных буклетов, журналов, газетных статей и пр. Работа велась главным образом в Кумаси, но также и в Аккре, Течимане и Суньяни. Большинство опрошенных – молодые и начинающие пасторы Кумаси и близлежащих окрестностей либо те, кто работал в Кумаси раньше. В целях сравнения автор также взяла интервью у более известных и опытных пасторов, некоторые из которых стали лидерами крупных церквей [1, с. 259–261].

По наблюдению Лаутербах, государственная служба и традиционные способы занятости теряют свою привлекательность для африканской молодежи. У молодых пользуются все большей популярностью новые типы руководителей: пасторы, кинозвезды, музыканты и футболисты. Эти люди своим примером демонстрируют новые модели успеха, не зависящего от приближенности его обладателя к государственным структурам [1, с. 262].

Рост неопятидесятнических церквей увеличился в 1980-е годы во время спада экономической активности и нарастания политической нестабильности в Гане. Социальные проблемы подорвали прямую связь между уровнем образования человека и его формой занятости, социальным положением. Сделать удачную карьеру в ганском обществе с каждым годом становится сложнее. Некоторые исследователи утверждают, что «выживание для большинства ганцев включено в общественные отношения»³, которые

¹ *Cruise O'Brien D.* A lost generation? Youth identity and state decay in West Africa // *Postcolonial identities in Africa* / Ed. by R. Werbner, T. Ranger. – L.: Zed books, 1996. – P. 55–74.

² *Lauterbach K.* The craft of pastorship in Ghana and beyond: PhD thesis. – Roskilde: Roskilde univ. press, 2008.

³ *Hanson K.T.* Landscapes of survival and escape: Social networking and urban livelihoods in Ghana // *Environment a. planning.* – L., 2005. – Vol. 37, N 7. – P. 1295.

состоят из связей с членами семьи, соседями, коллегами и различными видами ассоциаций (в том числе религиозных) [1, с. 263–264].

Большинство опрошенных получили некоторое систематическое образование. Многие из них имеют оконченное среднее образование, половина окончили политехникум, педагогическое училище или университет. Треть покинули школу, получив начальный уровень среднего образования. Приблизительно половина респондентов, до того как стать пасторами, работали в других сферах, например были бухгалтерами, учителями, владельцами магазинов, а некоторые до сих пор совмещают пасторскую и предпринимательскую деятельность. У другой части респондентов прежде не было никакой регулярной занятости. Став пасторами, они не получали зарплату, а существовали на пожертвования прихожан, старших пасторов или подарки близких и друзей. Лаутербак приводит в пример карьеру трех молодых людей, которые занимались организацией церковной общины по поручению ганского пастора, живущего за границей. Они, не имея официального заработка и живя в помещении при церкви, инвестировали свои знания и силы в будущее, так как рассчитывали получить выгоду от подобного сотрудничества в последующие годы.

Автор статьи особо отмечает связь фигуры пастора с традиционными верованиями ганцев. Пастор – человек, чрезвычайно уважаемый в ганском обществе, который совмещает роль так называемого *obirempon* («большого человека», по историческим традициям народа асанте) и религиозного лидера [1, с. 264–265].

Современные исследования показывают, что 24% населения Ганы (19 млн) относят себя к пятидесятникам / харизматам¹. Классические пятидесятнические церкви присутствуют в Гане больше столетия и были установлены миссионерами, приехавшими из Европы или Соединенных Штатов. Появление неопятидесятнического движения относится к 1950–1960-м годам. Это движение было распространено в образовательных учреждениях и пользовалось большой популярностью в молодежной среде. Главные особенности неопятидесятнических церквей – горизонтальная структура управления, заметная роль СМИ в деятельности общины, пропаганда установок на личное преображение и изменение, высокая ценность материального успеха, здоровья и богатства как показа-

¹ Larkin B., Meyer B. Pentecostalism, Islam and culture: New religious movements in West Africa // Themes in West Africa's history / Ed. by E. Akyeampong. – Oxford: Curry, 2006. – P. 290.

телей Божьего благословения. Церкви обычно организуются вокруг ведущего пастора, под началом которого находится много младших пасторов. У каждого церковного работника есть свои обязанности: одни отвечают за музыкальное сопровождение службы или занимаются миссионерством, другие работают с молодежью или дают консультации по вопросам семейных отношений и т.п. В то же время четко соблюдаются правила субординации: например, воскресные проповеди читает, как правило, только главный пастор [1, с. 266].

К. Лаутербах подчеркивает, что стремление стать пастором нельзя сравнивать с обычным желанием сделать карьеру и получить достойный доход. По словам респондентов, выбор ими профессии был неслучаен: здесь виден знак свыше. Обучение пастора включает несколько ступеней. На первом этапе будущие пасторы в течение одного-двух лет платно обучаются на курсах Библейской школы. Второй этап обучения охватывает практическую подготовку, которую проходит молодой пастор под патронажем старшего коллеги, духовного отца. Для развития успешной карьеры начинающему пастору необходимо серьезно отнестись к выбору духовного наставника, который должен быть влиятельным и уважаемым человеком [1, с. 268–271].

К. Лаутербах отмечает диалектический характер отношений между молодым и старшим пасторами. Духовный отец наставляет и передает ученику доступ к духовной власти. В свою очередь младший пастор проявляет лояльность к наставнику, в случае необходимости присутствуя рядом и поддерживая его. В то же время существует опасность того, что старший пастор будет препятствовать карьере более молодых коллег. Отсутствие четко формализованной структуры «социального лифта» в системе религиозной общины может ограничивать карьерные амбиции некоторых младших пасторов, стремящихся стать самостоятельными и создать собственные церкви. Лаутербах ссылается на исследование Р. ван Дейка, который называет молодых проповедников Африки «религиозными предпринимателями», потому что они обычно совмещают пасторскую работу с социальной карьерой – например, занимаются бизнесом [1, с. 272–273]¹.

Процесс построения пасторской карьеры, подытоживает автор статьи, подразумевает причастность начинающих пасторов к

¹ *Van Dijk R.A.* Young puritan preachers in post-independence Malawi // Africa. – Wash., 1992. – Vol. 62, N 2. – P. 159–181.

двум типам отношений. Первый тип – вертикальный – охватывает отношения между учеником и его духовным отцом. Хорошие отношения с наставником обеспечивают молодому пастору профессиональный рост. Другой тип отношений является как вертикальным, так и горизонтальным и охватывает интеракции между молодым пастором и его коллегами, ровесниками и более старшими людьми, а также друзьями, членами семьи и пр. В этих взаимодействиях начинающему пастору необходимо быть гибким, инновационно-ориентированным и предприимчивым. Таким образом, основным принципом построения карьеры пастора можно считать соблюдение разумного баланса между «ученической» и «предпринимательской» стратегиями поведения [1, с. 274].

Автора второй реферируемой статьи, соискателя Датского института международных исследований Хайро Муниве беспокоит проблема занятости молодежи в нестабильных государствах [2]. В своей работе он пытается выяснить, какие неформальные стратегии выживания используются молодыми либерийцами в условиях массовой безработицы. Согласно официальной статистике, уровень безработицы в Либерии достигает 85%. Несмотря на то что гражданская война в Либерии закончилась в 2003 г., восстановление экономики страны идет очень медленными темпами. Рост молодежной безработицы в странах, переживших военный конфликт, часто воспринимается как признак нестабильности и угрозы безопасности.

Что же именно составляет проблему молодежной безработицы в Либерии, задается вопросом Муниве. Состоит ли она в бедности или отсутствии доходов, в социальной дезорганизации или упадке нравственности, в депопуляции сельской местности или политической нестабильности и пр.? По словам автора, его цель – доказать, что тогда, когда основные отрасли экономики являются неформальными, полезность знания о количестве официальных безработных кажется сомнительной.

Х. Муниве обращается к деятельности нелегальных предпринимателей, так называемых дельцов, наблюдения за которыми проводились им в Ганте в период с 2006 по 2009 г. Ганта, второй по величине город в Либерии и развитый торговый центр, является идеальным местом для работы «дельцов». Муниве представляет экономическую историю жизни молодого предпринимателя Адониса, деятельность которого осуществляется неформально и отражает ценности либерийской молодежи. Автор статьи подчеркивает, что его case-study, естественно, не претендует на репрезентатив-

ность, оно лишь разрушает созданный официальными властями образ либерийской молодежи как незанятой и пассивной, а значит, потенциально опасной [2, с. 321–324].

Гражданская война в Либерии, проходившая с 1989 по 1996 г. и с 1999 по 2003 г., унесла более чем 200 тыс. жизней и сделала беженцами около миллиона граждан. В 1980 г., напоминает Муниве, в Либерии произошел организованный сержантом С. Доу государственный переворот, который был спровоцирован действиями американо-либерийцев, стоящих у власти. Впоследствии режим Доу выродился в этническую диктатуру народности кран, представителем которой был новый президент. В 1989 г. группа мятежников из Национального патриотического фронта Либерии (NPFL) во главе с Ч. Тейлором вторглась в Либерию из Кот-д'Ивуара. Это стало началом первого периода гражданской войны в Либерии. В 1996 г. война закончилась мирным соглашением сторон, а год спустя Ч. Тейлор был избран президентом, но уже в 1999 г. гражданская война возобновилась по инициативе противников Тейлора. Второй этап войны продолжался до 2003 г., пока Тейлор не покинул страну, а ООН не установила миссию по поддержанию мира в Либерии [2, с. 325–326].

Муниве пишет, что основную причину гражданской войны в Либерии многие эксперты видят в ущемленном положении молодежи. Например, принятые еще в XIX в. законы о землевладении дают явные преимущества людям старшего возраста в вопросах землепользования. Полагая, что молодежная мобилизация во время войны была результатом экономических факторов, власти Либерии решили «успокоить» молодежь, обеспечив ее рабочими местами. Молодежная занятость стала одним из приоритетных направлений либерийской политики. Для этих целей в страну привлекаются различные международные неправительственные организации, дающие молодым либерийцам возможность трудоустроиться. Однако подобные инициативы не могут решить проблему безработицы, по словам автора статьи, поскольку редки, однообразны и малопривлекательны для молодежи. К тому же в Либерии, как и во многих других африканских странах, неофициальный сектор экономики всегда был значительно больше официального¹.

Информант Муниве, юноша Адонис, является владельцем нелегальной автозаправочной станции. Примечательно, что свое

¹ *Chabal P., Daloz J.-P. Africa works: Disorder as political instrument. – Oxford: Curry, 1999. – Ch. 20.*

первое дело (торговлю лекарственными препаратами) он открыл в 2002 г., когда окончил школу. Его стартовым капиталом стала сумма в размере 40 долл., подарок отца. В апреле 2003 г. бизнес-карьера Адониса была прервана мятежниками Тейлора, ворвавшимися в Ганту: Адонис был насильно завербован в ряды ополченцев. К счастью, в августе, по окончании военных действий в стране, он смог вернуться в Ганту. В этот раз они с другом решили организовать автозаправку. Причем их доход оказался больше, чем месячная зарплата либерийца, нанятого международной неправительственной организацией. В 2005 г. каждый из них, получив неплохой капитал, стал работать в одиночку. Муниве отмечает, что в своей работе Адонис встречается с множеством препятствий. Например, он сталкивается с конкуренцией со стороны коммерческих фирм, планирующих открыть современные бензоколонки по всей Либерии, и его наверняка ожидает преследование либерийских властей, которые намереваются положить конец неофициальной продаже автомобильного топлива. Для Адониса формальная занятость не представляется привлекательной: чтобы устроиться на «настоящую» работу, ему пришлось бы, например, ехать в другой город, так как в Ганте недостаточно вакансий [2, с. 332–333].

Х. Муниве считает, что Международная организация труда должна помочь работникам типа Адониса выйти из «тени». Основная проблема, убежден он, состоит в том, что власти Либерии пытаются контролировать молодежь с помощью формальной занятости. Тогда как история Адониса показывает, что нужно не столько создавать новые рабочие места для «безработной» молодежи, сколько помочь молодым людям самореализоваться, признав их уже существующие деловые проекты.

Как известно, СМИ нередко отражают принятые в социуме представления об успехе. Американские исследовательницы Дженна Ханчей и Бренда Беркелар (Техасский университет в Остине, США) [3] анализируют истории карьерного успеха, которые транслируются на страницах двух популярных танзанийских журналов для молодежи – «Fema» и «Si Mchezo!» («Без шуток!» в переводе с суахили). Прежде всего их интересует, как социальный контекст (в данном случае уровень культуры, образования, материального положения читателей) влияет на формирование дискурсов успешности в различных СМИ.

Авторы подчеркивают, что «Fema» и «Si Mchezo!» представляют собой издания, ориентированные на принципиально разные типы читательской аудитории: первый журнал предназначен

учащейся, прежде всего городской, молодежи, второй – их сверстникам, «выпавшим» из образовательной системы и, как правило, проживающим в сельской местности. Эти журналы относятся к наиболее читаемым периодическим изданиям Танзании и охватывают 11-миллионную аудиторию (при общей численности населения в стране около 50 млн). «Fema» – 64-страничный ежеквартальный журнал, выходящий на английском языке и суахили. «Si Mchezo!» – 32-страничный журнал (периодичность – шесть выпусков в год), который использует «сниженную» версию суахили, адаптированную для малообразованного читателя.

По мнению Ханчей и Беркелар, при обсуждении данной темы необходимо учитывать «танзанийский» контекст, влияющий на сложившиеся социальные представления о благополучной жизни и профессиональных достижениях. Территория современной Танзании, государства на восточном побережье Африки, объединяет две бывшие британские колонии – Танганьiku (материковая часть) и Занзибар (островная часть). Несмотря на богатые природные ресурсы, экономика страны слабо развита и основывается на сельском хозяйстве, в котором занято 75% населения. В подобных условиях высшее образование остается для молодежи чуть ли не единственной возможностью найти в будущем стабильную работу и повысить уровень жизни. В то же время, с сожалением констатируют авторы статьи, для большинства молодых танзанийцев полное среднее образование, дающее право на дальнейшее обучение, по-прежнему малодоступно. Например, для поступления в старшую среднюю школу необходимо успешно сдать так называемый национальный экзамен IV класса, с заданиями которого большинство учащихся не справляются¹. Так, в 2012 г. 65% танзанийских школьников не прошли вступительных испытаний в старшую школу², что спровоцировало волну юношеских самоубийств по стране [3, с. 412–418]³.

¹ Система школьного образования Танзании включает шестилетнее начальное образование (является обязательным), четырехлетнее младшее среднее образование и двухлетнюю программу старшего среднего образования. Для поступления в высшие учебные заведения претенденты должны иметь проходные оценки по окончании всех ступеней среднего образования. – *Прим. ред.*

² Mwakyusa A. Form four results out // Daily news: Tanzania's leading online news edition. – Dar es Salaam, 2013. – Feb 19. – Mode of access: <https://www.dailynews.co.tz/news/form-four-results-out.aspx> (Accessed: 05.05.2018.)

³ Mulisa M. Poor form IV results claim another life // Daily news: Tanzania's leading online news edition. – Dar es Salaam, 2013. – Feb 22. – Mode of access:

Авторами статьи были проанализированы все доступные номера журналов начиная с 2011 г. Как выяснилось, дискурсы успеха, транслируемые в обоих изданиях, несмотря на кажущееся сходство, имеют свою специфику. Оба журнала весьма активно освещают темы, связанные с саморазвитием, стремлением к работе на благо общества; особое внимание уделяется вопросам предпринимательской деятельности, самосохраняющего поведения. Однако если нормативные истории журнала «Fema» большей частью апеллируют к достижительным установкам молодежи, то публикации «Si Mchezo!» обращаются преимущественно к дискурсу выживания [3, с. 418–419].

Так, «Fema» фокусируется на теме самоактуализации и мотивирует читателей к достижению высокой социальной позиции. Герои публикаций этого журнала, как правило, живут в больших городах, заняты интеллектуальным трудом и добились выдающихся успехов в своей сфере деятельности. Герои публикаций «Si Mchezo!», хотя и представляют собой пример для подражания, выглядят намного скромнее. Они сумели, преодолев множество неблагоприятных обстоятельств, открыть собственное дело или найти стабильную работу. Те, о ком пишет «Fema», часто стремятся решить острые социальные вопросы, стоящие перед обществом: например, являются политическими активистами, борющимися с коррупцией, решающими проблемы социального обеспечения или отстаивающими права женщин. В то время как на страницах «Si Mchezo!» рассказывается о людях, приносящих пользу локальным сообществам, в которых они проживают: например, о бизнесменах, чья деятельность способствует развитию родного села [3, с. 422–427].

Кстати говоря, оба издания совершенно по-разному освещают тему предпринимательства. Если для «Fema» открытие собственного дела – осознанный и инновационный выбор профессии, своего рода карьера мечты, а не вынужденная необходимость, то для «Si Mchezo!» уход «в бизнес» представляется одним из способов выживания тогда, когда другие варианты трудовой карьеры оказались невозможными. Надо ли говорить, что в последнем случае ни о каком бизнес-развитии речи не идет?

Помимо этого, на страницах «Fema» и «Si Mchezo!» достаточно популярны материалы, посвященные вопросам здоровьесбе-

режения и самосохранения, а также статьи на темы планирования семьи, умения выстраивать здоровые отношения и избегать токсичных [3, с. 428–430].

В целом, резюмируют Дж. Ханчей и Б. Беркелар, результаты проведенного исследования показывают, что в современных обществах не существует единых моделей карьерного успеха. В зависимости от тех или иных контекстуальных факторов можно говорить о совершенно разных путях профессионального и личностного развития для сильно- и слабонересурсных групп молодежи.

М.А. Ядова

Уиллгинг К., Кинтеро Г., Лиллиот Э.

**«БУДТО БЬЕШЬСЯ ОБ СТЕНУ»: МОЛОДЕЖЬ
О СКУКЕ, ПРОБЛЕМНОМ ПОВЕДЕНИИ
И ПРАКТИКАХ УПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИКОВ
В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ ШТАТА НЬЮ-МЕКСИКО¹**

Реф. ст.: *Willging C., Quintero G., Lilliott E.*

Hitting the wall: Youth perspectives on boredom, trouble and drug use dynamics in rural New Mexico // Youth a. society. – Thousand Oaks (CA), 2014. – Vol. 46, N. 1. – P. 3–29.

Ключевые слова: молодежь; наркотики; скука; экономика.

Статья Кэтлин Уиллгинг, Элизабет Лиллиот (Тихоокеанский институт исследований и оценки, г. Альбукерке, шт. Нью-Мексико, США) и Гилберта Кинтеро (Университет шт. Монтана, г. Миссула, США) исследует испытываемую молодыми людьми скуку в ее связи с употреблением наркотиков. Наркотики становятся для молодежи способом занять время, справиться со скукой, проявить себя, выразить свою социальную и политическую позицию. Данное исследование использует качественную методологию – интервью, – с тем чтобы отразить мнения самих молодых людей.

Авторы помещают свой объект в глобальную перспективу. С одной стороны, они демонстрируют, как меняющиеся экономические условия (в отношении изучаемого региона это означает, в частности, упадок традиционных отраслей промышленности и

¹ Впервые реферат был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2016. – № 3. – С. 41–49.

общее обнищание населения) ограничивают возможности молодых людей в области образования и занятости, из-за чего возникает ощущение, что «заняться нечем». С другой стороны, на основании современных исследований скуки они показывают, как властные социальные структуры и институты, включая школу и органы ювенальной юстиции, создают конструкт «проблемной молодежи».

С точки зрения авторов, глобальный капитализм следует изучать на основе молодежного опыта, поскольку именно молодые люди воплощают в себе наиболее характерные черты данного исторического момента. Притом что многие из них не обладают возможностью быстрого социального продвижения и их взросление происходит в контексте пресловутого «кризиса маскулинности», все они носители единой глобальной молодежной культуры, культуры новых медиа, музыки, моды, порождающей «воображаемые миры, исключительно отличные от тех, что были характерны для поколения их родителей»¹.

Далее авторы делают обзор литературы по теме скуки и сопряженных с ней молодежных жизненных практик. В частности, они ссылаются на исследование Д. Мейнса о городской молодежи Эфиопии, где демонстрируется, как недостаток возможностей на рынке труда создает переизбыток неструктурированного времени в жизни молодых людей². Я. Мушарбаш указывает, что у аборигенов Австралии скука символизирует нереализованное желание социального и эмоционального участия в жизни сообщества, а также ощущаемое молодыми людьми противоречие между традиционными устоями и современными жизненными стилями, которое им не удается разрешить³. Л. Джервис и коллеги изучают данную тему на примере населения одной из резерваций Северных равнин США. Они отмечают, что местная молодежь, в отсутствие перспектив трудоустройства и рекреации и практически лишенная возможности покинуть пределы резервации, пребывает в состоянии недостаточной стимуляции, что порождает различные формы проблемного поведения, включая насилие и употребление нарко-

¹ *Comaroff J., Comaroff J.L. Millennial capitalism: First thoughts on a second coming // Public culture. – Durham (NC), 2000. – Vol. 12, N 2. – P. 291–343.*

² *Mains D. Neoliberal times: Progress, boredom and shame among young men in urban Ethiopia // American ethnologist. – Hoboken (NJ), 2007. – Vol. 34, N 4. – P. 659–673.*

³ *Musharbash Y. Boredom, time and modernity: An example from Aboriginal Australia // American anthropologist. – Hoboken (NJ), 2007. – Vol. 109, N 2. – P. 307–317.*

тиков¹. В классическом исследовании П. Уиллиса употребление запрещенных препаратов и нарушение закона рассматриваются не только как эффективная стратегия преодоления скуки, но и как отражение классовых ценностей и гендерного статуса молодых рабочих-мужчин². Вопросы, которые ставят перед собой авторы настоящей статьи, следующие. Что молодые люди из сельских районов Нью-Мексико говорят о скуке в их жизни? Какой им представляется взаимосвязь между скукой и употреблением наркотиков? В каких случаях употребление наркотиков определяется в качестве проблемного поведения? Какие последствия это имеет в их жизни? Наконец, как употребление наркотиков, вмешательство основных институтов и молодой возраст вкупе со скукой согласуются с социально-экономической реальностью избытка свободного времени и недостаточной стимуляции?

В следующей части статьи авторы характеризуют местный контекст. Они приводят статистические данные, в соответствии с которыми Нью-Мексико занял 47-е место среди 50 штатов по доходу на душу населения, третье место по уровню бедности, второе по необеспеченности медицинским страхованием³. Нью-Мексико также находится среди первых двух штатов по уровню смертности от алкоголизма и наркомании; по числу самоубийств штат занимает четвертое место, по числу убийств – восьмое⁴. Настоящая работа является составляющей крупного исследовательского проекта, посвященного употреблению наркотиков и стратегиям поиска помощи среди белой и латиноамериканской молодежи в четырех соседних округах на юго-востоке штата Нью-Мексико, два из которых граничат с Мексикой. Традиционная отрасль данного региона – горнодобывающая промышленность – переживает упадок; между

¹ Jervis L.L., Spicer P., Manson S.M. Boredom, trouble and the realities of post-colonial reservation life // *Ethos*. – Hoboken (NJ), 2003. – Vol. 31, N 1. – P. 38–58.

² Willis P.E. Learning to labour: How working class kids get working class jobs. – Farnborough: Saxon House, 1977.

³ Willging C.E., Waitzkin H., Nicdao E. Medicaid managed care for mental health services: The survival of safety net institutions in rural settings // *Qualitative health research*. – Thousand Oaks (CA), 2008. – Vol. 18, N 9. – P. 1231–1246.

⁴ Compressed mortality file / Centers for disease control and prevention: CDC WONDER Online database. – 2008. – Mode of access: [mhttps://wonder.cdc.gov/mortsq1.html](https://wonder.cdc.gov/mortsq1.html) (Accessed: 04.05.2016.)

1997 и 2001 г. объем производства упал в два раза¹ и продолжил снижаться впоследствии. С первой трети XIX в. владельцами и управляющими шахт были белые, в то время низкоквалифицированным трудом занимались рабочие латиноамериканского происхождения; в 1951 г. в результате восстания им удалось отвоевать базовые права. На ранчо и в сельском хозяйстве также традиционно занято большое количество латиноамериканцев, в том числе на самых «грязных» работах.

В проводившемся в то же время, что и данное исследование, опросе молодежи штата Нью-Мексико по проблемам рисков и жизненной стойкости (Youth risk and resiliency survey, YRRS)² приняли участие 770 подростков – учеников 9–12 классов. Как было установлено, за 30 дней, предшествовавших опросу, порядка 50% респондентов употребляли алкоголь, 18 – марихуану, 8 – кокаин, 6% – метамфетамин [с. 10]. В рамках исследования, которому посвящена статья, между ноябрем 2005 и июнем 2006 г. были проинтервьюированы 55 подростков. Из них 16 человек исследователи проинтервьюировали вновь, с целью оценить изменения в их поведении. Затем были проведены фокус-группы с употребляющими наркотики (пять-восемь участников в каждой фокус-группе). Возраст респондентов варьировался от 13 до 21 года. Отбор проходил на основании двух критериев: 1) в течение последнего года молодые люди столкнулись с того или иного рода проблемами, вызванными употреблением наркотиков; 2) молодые люди обращались за помощью – к семье и друзьям либо к специалистам-наркологам. Выборка формировалась посредством метода снежного кома, поиска кандидатов в местах вероятного скопления рассматриваемой целевой группы (outcropping), а также рекламы (в местных газетах и местах типичного пребывания данных молодых людей). Первая серия интервью базировалась на 36, вторая – на 18 вопросах. Кроме того, исследователи использовали метод PhotoVoice: молодые люди фотографировали то, что, как им представлялось, имело отношение к их опыту употребления наркотиков, и затем поясняли значимость того или иного снимка. Все интервью проводились на английском языке, хотя участникам была

¹ Mineral resources of New Mexico / New Mexico Bureau of geology and mineral resources. – 2010. – Mode of access: <http://geoinfo.nmt.edu/resources/minerals/home.html> (Accessed: 05.05.2016.)

² Youth risk and resiliency survey. – Mode of access: <http://www.youthrisk.org/> (Accessed: 05.05.2016.)

предоставлена возможность выбрать испанский; продолжительность интервью – порядка 90 минут. Проведенные затем фокус-группы основывались на восьми вопросах и продолжались от 90 до 120 минут. В продолжение проекта исследователи наблюдали за респондентами в школах, парках, кафе и других местах скопления молодежи. Кодирование осуществлялось с помощью программного обеспечения NVivo. В процессе работы были вычленены примеры, указывающие на взаимосвязь трех ведущих тем – употребление наркотиков, скука, проблемное поведение.

«Скука» явилась самой распространенной характеристикой, которую респонденты использовали при описании сообществ, в которых они живут, и своего социокультурного окружения. В статье авторы показывают, как употребление трех основных наркотиков – алкоголя, марихуаны и метамфетамина – структурирует день, определяет отношения и влияет на разные аспекты жизни молодых людей.

По словам респондентов, в тех местах, где они живут, делать вообще нечего. Можно покататься на велосипеде по округе, но подросткам старше 13 лет это уже не интересно. Некоторые упоминали походы, плавание и охоту, но большинство видит в этом скорее развлечение для туристов, нежели увлекательное времяпрепровождение для местных. В итоге молодежь обращается к наркотическим средствам. Самым популярным наркотиком авторы называют алкогольные напитки, в особенности виски и ром. Алкоголь употребляют на спонтанно организуемых вечеринках. Негативным последствием его употребления респондентам представляются возникающие «проблемы» – сексуальное насилие и дорожно-транспортные происшествия. Второй по популярности наркотик – марихуану – молодые люди употребляют в одиночку либо в компании одного или нескольких близких друзей; это наркотическое средство респонденты считают вполне безопасным, важно лишь не быть замеченным за его употреблением школьной администрацией или органами правопорядка. Марихуана кажется некоторым молодым людям настолько легким наркотиком, что они употребляют его несколько раз в сутки, и он становится неотъемлемой частью ежедневного режима. Как рассказывает один из респондентов, он курит по пробуждении, после утреннего душа, дома у друга, по дороге в школу и по возвращении из школы; в результате употребление наркотика превращается в рутину и тоже начинает вызывать скуку. Третий по популярности наркотик – метамфетамин. В отличие от расслабляющей марихуаны, метамфе-

тамин стимулирует. Благодаря ему молодые люди с большей охотой предаются самым разным занятиям – от уборки и творчества до выполнения домашних заданий. По рассказам одного из респондентов, понюхав метамфетамин, они с другом ощущают прилив сил и отправляются «качаться» в тренажерный зал или исследовать пещеры в близлежащих горах. В двух из четырех исследуемых округов вследствие недостаточного финансирования школьная неделя была сокращена с пяти до четырех дней, из-за чего у молодых людей появилось еще больше свободного времени, которое необходимо каким-то образом занять. Одна респондентка отметила повышение аппетита и набор веса вследствие употребления наркотиков, однако не решилась бросить, поскольку не представляла, чем в таком случае займется.

При этом в глазах многих респондентов социальные последствия употребления наркотиков зависят от социального статуса тех, кто их употребляет. По определению одного из молодых людей, в местечке, где он живет, существует три категории подростков – отличники, спортсмены и смутьяны («troublemakers»). И хотя практически все принимают участие в вечеринках, с общественными санкциями сталкиваются по преимуществу последние. К таковым в той или иной степени относят себя многие участники исследования. Большинство из них, прежде всего юношей, уже арестовывали за хранение наркотиков, пьяные драки и вождение в состоянии интоксикации; несколько человек провели какое-то время за решеткой за наркоторговлю.

Спорт – одна из важнейших составляющих школьной жизни, в связи с чем, по рассказам респондентов, на проступки спортсменов учителя и школьная администрация смотрят сквозь пальцы (в качестве смутьянов не идентифицируют себя и участники исследования, добившиеся успехов в спорте). Как вспоминает один молодой человек, однажды его арестовали, а его друга, квотербека-чемпиона, который был, как и он, в состоянии алкогольного опьянения, отпустили. Некоторые молодые люди, уже испытывавшие проблемы с законом, на момент исследования учились в специализированной школе, занятия в которой продолжаются лишь два часа в день. Отношение взрослых к смутьянам фактически сформировано, и ничто не способно его изменить; более того, от младших братьев и сестер этих молодых людей ожидают аналогичного поведения. Несколько респондентов бросили школу, потому что, по их словам, учителя были настолько предвзяты, что в продолжении учебы не было смысла. Причем чаще всего такой сценарий интен-

сифицировал употребление наркотиков. Молодые люди ощущают, что полицейские и судьи также несправедливы к ним. Ключевой причиной такого отношения им видится их латиноамериканское происхождение. Один респондент вспоминает судебное разбирательство, по итогам которого за аналогичные преступления, совершенные в состоянии алкогольного опьянения, белый подросток получил минимальный срок, а латиноамериканец был наказан по всей строгости закона.

Как отмечают авторы статьи, подобное поведение окружающих стигматизирует молодых людей, в результате чего они становятся пессимистами, у них появляется ощущение поражения. Один из респондентов сфотографировал стену, рядом с которой он ежедневно выпивает и принимает наркотики. Стена, по его словам, символизирует общество, в котором он живет и которое становится преградой на пути к каким-либо достижениям. Часть респондентов видит выход из ситуации в молодежных консюмеристских культурах (Интернет, телевидение, радио, видеоигры). Некоторые пытаются создавать музыкальные группы, играть, писать песни, однако громкая музыка и выступления во дворе вновь ассоциируются в глазах окружающих с проблемным поведением. Изоляция и одиночество становятся привычной чертой образа жизни тех, кто идентифицирует себя в качестве смутьяна, нарушителя спокойствия: с одной стороны, они не желают еще больших неприятностей; с другой стороны, они хотят, насколько это возможно, защитить от дальнейшего социального отторжения младших членов своей семьи. По общему мнению, единственный способ выбраться из места, где самым очевидным и доступным развлечением являются наркотики, – это выбраться физически, т.е. уехать.

Авторам статьи нарративы респондентов представляются примером того, как глобальные экономические трансформации влияют на жизнь обычных молодых людей. Спрос на нефть на мировом рынке постоянно снижается. Молодежь ищет работу не в горнодобывающей промышленности, а в колл-центрах, супермаркетах и предприятиях фастфуда. У некоторых такая работа вызывает не меньшую скуку, чем отсутствие какой-либо занятости, поскольку она не видится им ни значимой, ни особо перспективной с точки зрения карьерных возможностей. В этой ситуации наиболее привлекательным вариантом, особенно для юношей, становится армия. Это способ уехать, получить достойную работу и приобрести высшее образование. Даже сражения в горячих точках кажутся молодым людям меньшим злом по сравнению с их нынешним положением.

нием. Тем более что наркооборот между США и Мексикой только увеличивается, и молодежь оказывается под перекрестным огнем: с одной стороны, они постоянно находятся под прицелом полиции; с другой стороны, за ними «охотятся» наркодилеры, чтобы вовлечь в свое дело. Одна из респонденток, по ее словам, отказалась от подобного предложения. Тем не менее, по сообщениям других респондентов, многие их знакомые именно так зарабатывают на жизнь. По мнению авторов, местные властные институты могли бы наладить более эффективный контакт с сообществами, которые они представляют. Необходимо расширять образовательные и трудовые возможности для молодежи. Могли бы выделяться стипендии на обучение, организовываться профессиональные стажировки и т.п. Кроме того, нужно создавать пространства для молодежного отдыха, общения, развлечений, свободные от наркотиков.

Тем не менее авторы отмечают ряд ограничений своего исследования. Во-первых, они не проводили интервью с молодыми людьми, которые не принимают наркотики и которые, возможно, не связали бы их употребление со скукой и местом, где они живут. Во-вторых, слово не было предоставлено ни школьным властям, ни судебным органам. В-третьих, не оценивалась роль родителей и других членов семьи в том, что касается практик употребления наркотиков, а также физического и психического здоровья молодых людей. Наконец, в-четвертых, следует выяснить, снижается ли употребление с годами (некоторые респонденты уверены: со временем сами наркотики им так наскучат, что они постепенно их бросят) – исследование не было лонгитюдным, так что подобных выводов сделать было нельзя. Как в итоге подчеркивают К. Уиллинг, Г. Кинтеро и Э. Лиллиот, сельские сообщества, подобные представленным в данном исследовании, вероятно, подвержены аналогичным экономическим трансформациям, что и развивающиеся страны: молодые люди слышаны о глобальных молодежных культурах, в то время как их собственные социальные, образовательные и экономические возможности крайне ограничены. Внутри глобальной экономической системы, которая разрушила региональные промышленные отрасли и местные образовательные структуры, «проблемная» молодежь представляет собой уязвимую часть населения, и для улучшения ее жизненных перспектив, по мнению авторов, усилия должны предприниматься не на индивидуальном, а на общественном уровне.

Я.В. Евсеева

Фернквист С.

**ИГРА НЕ НА РАВНЫХ:
ОПЫТ ПЕРЕЖИВАНИЯ И СТРАТЕГИИ
ПРЕОДОЛЕНИЯ БЕДНОСТИ ШКОЛЬНИКАМИ¹**

Реф. ст.: *Fernqvist S.*

Joining in on different terms: Dealing with poverty in school and among «peers» // Young. – L., 2013. – Vol. 21, N 2. – P. 155–171.

Ключевые слова: бедность; школа; дети и подростки; адаптивная стратегия; стигма.

Социолог из Университета Упсалы (Швеция) Стина Фернквист, опираясь на теорию стигмы И. Гофмана, анализирует экономические трудности, с которыми сталкиваются дети и подростки из бедных семей, а также рассматривает выбираемые ими адаптивные стратегии². Всего в ходе исследования было проведено 17 полуструктурированных глубинных интервью с детьми и подростками от шести до 18 лет, однако в данной статье представлены результаты анализа лишь части из них.

Автор отмечает, что для шведского общества проблема бедности не считается острой, что обусловлено спецификой проводимой в стране социальной политики. Швеция, являясь воплощением модели государства всеобщего благосостояния, позиционирует

¹ Впервые реферат был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2015. – № 1. – С. 57–63.

² Проект финансировался Шведским советом по вопросам труда и социальной сферы (Swedish council for working life and social research). – *Прим. реф.*

себя как страна, соблюдающая принципы равенства возможностей, справедливого распределения ресурсов и социальной ответственности за благополучие каждого гражданина, включая представителей социально ущемленных групп населения. В то же время, несмотря на значительные достижения в социальной сфере, нельзя сказать, что проблема бедности в шведском обществе полностью искоренена. В настоящее время, согласно данным международной организации «Спасем детей» (*Save the children*), 13% детей в Швеции живут в бедных семьях¹.

Фернквист предположила, что в обществе, где большинство его членов финансово состоятельны, небольшая часть детей и подростков из бедных семей должны иметь проблемы во взаимоотношениях со сверстниками; более того, над ними нависает угроза стигматизации. Напомним, что, по Гофману, стигматизация предполагает связь между неким признаваемым в обществе постыдным качеством и сложившимся относительно него социальным стереотипом. По словам автора статьи, значительный вклад в изучение данной темы внесли социологи детства. Например, Лиз Саттон фокусировалась на влиянии социоэкономического статуса родителей на формирование идентичности ребенка². В отличие от Саттон, выбравшей объектом своего исследования детей как из бедных, так и из обеспеченных страт, Фернквист уделяет внимание только первым.

Выбор в качестве основного метода исследования индивидуального глубинного интервью был обусловлен деликатностью темы обсуждения. Отбор семей осуществлялся на основе обращения родителей за финансовой помощью в местные органы власти. Естественно, были соблюдены все необходимые этические требования, предъявляемые в социальных науках к опросу несовершеннолетних. На интервью было получено так называемое информированное согласие обоих родителей и ребенка. Участникам беседы гарантировалась полная конфиденциальность. Перед беседой каждая семья получила ознакомительные письмо и брошюру с краткой информацией об исследовании. Интервью проводились в домах

¹ *Salonen T.* Barns ekonomiska utsatthet: Årsrapport – 2012 (Children in economic hardship: Annual report – 2012). – Stockholm: Rädda barnen (Save the children), 2012.

² *Sutton L.* «They'd only call you a scally if you are poor»: The impact of socioeconomic status on children's identities // *Children's geographies*. – Abingdon, 2009. – Vol. 7, N 3. – P. 277–290.

респондентов, в индивидуальном порядке, «лицом к лицу» с каждым ребенком. Вопросы задавались в соответствии с разработанным для этого ранее гайдом интервью. Основными темами разговора стали: взаимодействие с родителями и одноклассниками, финансовая ситуация в семье участников, адаптивные стратегии, используемые информантами для «управления» собственной бедностью.

Хотя в исследовании Фернквист приняли участие 17 человек, настоящая статья основывается на результатах интервью всего лишь с семью респондентами в возрасте 6–17 лет. Были опрошены шесть девочек и один мальчик. Всех их объединяют схожие адаптивные стратегии по преодолению чувства депривации. Было обнаружено, что младшие школьники в силу возраста меньше ощущают свою маргинальность, в меньшей мере стыдятся финансовых проблем, не так сильно зависят от школьного окружения и больше времени проводят в кругу семьи. Однако примерно с 10-летнего возраста ребенок начинает испытывать сильнейшую отчужденность от сверстников [с. 155–157].

Школа, отмечает автор, – это особое социальное пространство, характеризующееся жесткой системой норм, правил и взаимодействий. Взаимоотношения в классе зачастую строятся по принципу иерархии, и какое место займет учащийся в этой структуре, зависит от многих факторов. Шведские школы, хоть и в меньшей степени, чем в других странах, страдают от неравных социально-экономических условий в семьях детей и молодежи. Школы в пригородных районах становятся своими «территориями» для детей бедняков, где большинство учеников чувствуют себя на равных друг с другом. Сложная ситуация складывается в школах центральных районов, где учатся вместе дети рабочих и представителей среднего класса. Однако для некоторых выходцев из бедных семей обучение рядом с материально обеспеченными детьми становится способом преодоления внутренней неуверенности и ощущения изолированности.

Ситуацию сглаживает доступность школьного обучения в Швеции. Общее среднее образование для детей и подростков в возрасте от семи до 16 лет в стране бесплатно (сюда включены обеды и выдача учебников). Однако родители старшекласников уже могут ощутить определенную нагрузку на семейный бюджет. В целом шведский «Закон об образовании» охраняет родителей школьников от возможных поборов и позволяет требовать от них

лишь незначительные суммы¹. Тем не менее для семей, испытывающих материальные затруднения, и это может стать серьезным ударом по кошельку. Например, траты родителей на школьные экскурсии и учебные поездки иногда составляют 600 шведских крон (около 70 евро) за семестр [с. 157–158].

Фернквист считает, что концепция стигматизации недостаточно хорошо работает в условиях шведского общества благополучия, где явление бедности по большей части находится в имплицитном состоянии. Неясен статус и детской бедности, что затрудняет детям малоимущих самоидентификацию и открытую артикуляцию своих проблем, вынуждая их на молчаливую «борьбу за выживание». Отсутствие модной и разнообразной одежды, нехватка карманных денег, невозможность принять участие в школьных экскурсиях и внешкольных мероприятиях – все это вызывает чувство стыда перед сверстниками и желание скрыть экономическое неблагополучие своей семьи. Фернквист выделяет различные адаптивные стратегии, выработанные участниками исследования для «управления» собственной бедностью и преодоления постоянного ощущения депривированности [с. 159–160].

Например, 13-летний Роберт уверен, что отсутствие хорошей одежды у школьника может спровоцировать издевательства со стороны ровесников, такого человека непременно будут обзывать нищим. Хотя, как признается сам респондент, опыт явного отвержения ему лично переживать не приходилось. Исследовательница акцентирует внимание на выборе мальчиком слова уничижительной окраски «fattiglapp» (нищий) – эпитета, более привычного уху обитателя трущоб XIX в., чем современного молодого человека. По ее мнению, это показывает особое восприятие бедности юными шведами как явления, пришедшего из далекого прошлого и находящегося в нынешнем мире вне времени и пространства. Таким образом информанты демонстрируют некое «отстранение» себя от феномена бедности. Примечательно, что в беседах с интервьюером многие опрошенные рассуждали о бедности с позиции наблюдателя, а не участника. Это тоже один из способов проявления эффекта отстранения, полагает Фернквист [с. 161–162].

Другая информантка, 12-летняя Йессика, замечает, как бывает трудно признаться друзьям, что у тебя нет денег и поэтому ты

¹ Skollag (Education act). – Västerås: Västra Aros, 2010. – Kap. 10, § 10. – (Svensk författningssamling; N 800). – Mode of access: <http://rkrattssdb.gov.se/SFSdoc/10/100800.PDF> (Accessed: 09.10.2014.)

не можешь отправиться с ними в кафе. В качестве примера из жизни она приводит случай, когда ей пришлось из-за недостатка денег отказаться от поездки на автобусе. Для ее друзей билет стоил «всего лишь десять крон», а для нее и эта сумма была существенной. Автор статьи показывает, как материальное положение родительской семьи влияет на взгляды подростков о «норме» и «девиации». Например, той же Йессике претензии подруги, переживающей из-за всего *лишь* нескольких полученных на Рождество подарков, кажутся нормальными. Несмотря на то что друзья Йессики, узнав о финансовых трудностях ее семьи, по-прежнему относятся к ней доброжелательно, описанные выше случаи испортили ей настроение, заставив почувствовать неловкость [с. 162].

Боязнь возможной стигматизации заставляет детей фантазировать о том, что могло бы произойти дурного, знай школьное окружение об их бедственном положении. Многие убеждены в том, что учителей не заботят их проблемы. Еще одним способом «дистанцирования» от бедности становится поиск того, кому живется еще хуже. Эта стратегия свойственна, как правило, младшим школьникам. Некоторые из них, начиная говорить о проблеме бедности, вскоре переключались на рассказы о бездомных детях или «тех, у кого нет стиральной машины». Так, шестилетняя Лиза призналась, что, увидев по телевизору сюжет о беспризорных детях, решила помогать им в будущем, когда станет старше.

Несмотря на то что участники интервью не переживали опыта психологического насилия и явной стигматизации, почти для каждого из них бедность является чем-то постыдным, тем, что должно быть скрыто от учителей и одноклассников. Так рождается еще одна стратегия по преодолению стресса, вызванного тяжелым финансовым положением семьи, – сокрытие своей бедности [с. 163–165].

Автор статьи подчеркивает, что жизненный опыт детей из малоимущих семей значительно отличает их от сверстников, выросших в благополучных условиях. Помимо чисто материальных трудностей эти дети постоянно испытывают состояние психоэмоционального напряжения, а также чувства беспокойства и ответственности за родителей. Исследования данной тематики, проведенные другими авторами, показывают, как некоторые учащиеся, стараясь помочь родителям, намеренно отказываются от школьных экскур-

сий¹. Кстати, по мнению Фернквист, это не слишком адекватная стратегия, так как в шведских школах запрещено требовать от родителей крупные деньги на внешкольные мероприятия. Использует стратегию самоисключения и участница настоящего исследования – 17-летняя Линда. На ее взгляд, лучше сказать друзьям, что у тебя нет времени, чем признаться в отсутствии денег на билет в кино. 13-летняя Нора, также склонная к самоисключению, отмечает, что она вынуждена перестать быть собой и «стать тихой»: когда одноклассники зовут ее в развлекательный центр недалеко от школы, она обычно отказывается, ссылаясь на занятость. Нетрудно догадаться, что выбор данной стратегии чреват обвинениями в малообщительности и нежелании поддерживать дружеские связи. По сути, подчеркивает автор статьи, дети и подростки из бедных семей постоянно балансируют «на грани» – между страхом оказаться в глазах сверстников «некомпанейскими» или недостаточно платежеспособными.

Как уже говорилось выше, в подростковом коллективе одежда может играть роль своего рода маркера социально-экономического статуса. Одна из участниц интервью, желая скрыть свое бедственное положение, выработала собственный, немного, по ее словам, «хулиганский» стиль в одежде. Она замечает, что большинство одноклассников считают ее обыкновенной поклонницей альтернативной музыки, не подозревая об испытываемых ее семьей проблемах [с. 165–167].

Несмотря на значительный успех государственной социальной политики, резюмирует С. Фернквист, проблема бедности в шведском обществе еще далека от решения. Дети из социально уязвимых страт вынуждены вести постоянную «борьбу за выживание», придумывая десятки стратегий, скрывающих финансовые трудности, которые переживают их семьи. Страдания небольшого числа юных шведов на фоне благополучия остальных, к сожалению, нивелируют данную проблему, вытесняя ее за рамки общественного внимания.

М.А. Ядова

¹ Ridge T. Childhood poverty and social exclusion: From a child's perspective. – Bristol: Policy press, 2002.

Бенедикто Х., Лус Моран М.

**ПОЛИТИЗАЦИЯ ИНОГО РОДА?
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ЖИЗНИ
И ПРОЦЕССОВ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ
В СРЕДЕ НЕБЛАГОПОЛУЧНОЙ МОЛОДЕЖИ¹**

Реф. ст.: *Benedicto J., Luz Morán M.*

¿Otra clase de politización? Representaciones de la vida colectiva y procesos de implicación cívica de los jóvenes en situación de desventaja // Rev. internacional de sociología (RIS). – Córdoba, 2014. – Vol. 72, N 2. – P. 429–452.

Ключевые слова: молодежь; политизация; дискурс; агентность; гражданское участие.

В своей статье Хорхе Бенедикто (Национальный университет дистанционного образования в Испании, Мадрид) и Мария Лус Моран (Мадридский университет Комплутенсе) детально рассматривают особенности политизации окружающей действительности в сознании неблагополучных представителей молодежи Испании, а также механизм превращения последних в политических акторов за счет их вовлечения в движения, нацеленные на борьбу за общественное признание [с. 429].

Анализируя то, каким образом социальное, экономическое и культурное неравенство сказывается на уровне политической субъектности, авторы ставят под сомнение общеприменимость выводов

¹ Впервые реферат был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2016. – № 3. – С. 50–56.

одной из наиболее влиятельных на сегодняшний день гипотез – модели социально-экономического статуса (SES model) С. Вербы и Н. Ная¹. В основе последней лежит представление о том, что группы, находящиеся в неблагоприятных социально-экономических условиях, всегда склонны к политической апатии. Но даже если затруднения финансового или социального характера действительно являются наиболее значимыми барьерами на пути перехода (транзита) молодого поколения от юности к взрослости, такого рода структурные ограничения, по мнению авторов настоящей статьи, вовсе не лишают неблагополучную молодежь потенциала политической агентности. Напротив, утверждают Х. Бенедикто и М.Л. Моран, фрустрация и нормативная несостоятельность, пропитывающие взаимоотношения проблемных групп молодежи с социумом, всего лишь обуславливают, но не препятствуют конструированию ими самых разнообразных политических дискурсов или же использованию практик достижения общественного компромисса [с. 430].

Отталкиваясь от этой гипотезы, в первой части статьи авторы выявляют основные черты молодежного транзита в неблагоприятных социально-экономических условиях. Они констатируют несоответствие концепции линейного транзита реалиям современной эпохи, полагая более продуктивным исследование молодежных переходов как нелинейных и стохастических процессов. Х. Бенедикто и М.Л. Моран подчеркивают, что если несколькими десятилетиями ранее последовательность этапов взросления индивида была предсказуема, то сегодня транзиты молодежи становятся все более дестандартизированными и нестабильными. В наибольшей степени это утверждение соответствует описанию транзитов «проблемной» молодежи: неструктурированных, зачастую незавершенных и обратимых. Такие общие для молодежи капиталистических обществ «второй современности» поколенческие черты, как отсутствие уверенности в будущем, неполнота и фрагментированность взросления, максимально заостряются в среде социально неблагополучных юношей и девушек, приобретая свойства факторов уязвимости. Апеллируя к выводам исследования Р. МакДональда и Дж. Марш, посвященного анализу положения британской молоде-

¹ *Verba S., Nie N.H.* Participation in America: Political democracy and social equality. – N.Y.: Harper & Row, 1972.

жи в условиях социального исключения¹, авторы отмечают, что большинство жертв системы общественного неравенства не ощущают принципиального отличия стоящих перед ними задач от тех, что пытаются решить их более благополучные сверстники. Однако этот факт не может скрыть дистанции между разными категориями молодежи, обусловленной объективными показателями качества жизни. Таким образом, доминирующим чувством, следы которого с легкостью обнаруживаются как в индивидуальных, так и в коллективных жизненных стратегиях неблагополучной молодежи, становится фрустрация. Последняя находит выражение не только в том, как молодые люди видят свое будущее, но также в том, как они обсуждают общественную жизнь, типично молодежные проблемы и возможности их решения [с. 431–432].

Следует подчеркнуть, что авторы не сводят определение «неблагополучия» исключительно к финансовой несостоятельности. Они фиксируют целую совокупность факторов – социоструктурных (статус, этническая принадлежность и т.п.), индивидуальных (уровень коммуникативной компетентности, особенности семейной социализации, участия в социальных сетях и т.п.), институциональных (степень включенности в образовательную систему, трудовые отношения и т.п.), – которые препятствуют доступу молодежи к ресурсам, необходимым для достижения социальной интеграции. При этом влияние всех вышеперечисленных факторов оценивается с учетом социально-экономического и политического контекста их воздействия. В данных обстоятельствах авторам представляется весьма продуктивным использование термина «конstellaciones de desventaja» («constellations of disadvantage») как наиболее полно отражающего сложную и изменчивую взаимозависимость различных факторов, которые в своем совокупном действии сужают спектр доступных индивиду вариантов выстраивания собственной жизни [с. 433].

Трактовку понятия «политизация» Х. Бенедикто и М.Л. Моран заимствуют из работ У. Гамсона, Н. Элиасоф и К. Хамиди², рассмат-

¹ MacDonald R., Marsh J. Disconnected youth? // J. of youth studies. – Abingdon, 2001. – Vol. 4, N 4. – P. 373–391.

² Gamson W.A. Talking politics. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1992; Eliasoph N. Avoiding politics: How Americans produce apathy in everyday life. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1998; Hamidi C. Éléments pour une approche interactionniste de la politisation: Engagement associatif et rapport au politique dans des associations locales issues de l'immigration // Rev. française de science politique. – P., 2006. – Vol. 56, N 1. – P. 5–25.

ривая ее как варьирующийся по степени интенсивности и формам проявления процесс, в результате которого частные противоречия становятся предметом публичного обсуждения с четким разведением сторон конфликта и указанием необходимости предпринять определенные действия для его разрешения. Таким образом, заключают авторы, говорить о происходящей политизации какого-либо вопроса можно в случае сочетания ряда компонентов. Требуется, чтобы в той или иной форме присутствовали: 1) представление о членстве в некоем общем коллективе; 2) связь обсуждаемых проблем с соображениями справедливости и вопросом прав человека; 3) понимание содержания коллективной идентичности, сути дихотомии «мы – они», которую диктует согласие с той или иной позицией; 4) приписывание ответственности власти, а также ее выражение через формы коллективных действий [с. 434].

В основу выводов статьи лег эмпирический материал 11 биографических интервью и 11 дискуссионных фокус-групп, проведенных в Мадриде и Андалусии в 2010 г. и первой половине 2011 г. Фокус-группы включали в себя от семи до восьми человек; все участники были разбиты по двум возрастным категориям в интервалах от 20 до 24 лет и от 25 до 29 лет. Распределение по возрастным категориям в группах было равномерным. «Неблагополучие» каждой группы проявлялось в своей специфической «конstellации лишений». При этом инициаторов опроса интересовал не одномоментный срез социально-экономических и политических характеристик респондента, а образовательные, карьерные и семейные траектории его жизненного пути и их комбинация. Определенная часть респондентов обладала опытом участия в различного рода коллективных акциях, что представляло дополнительный интерес с точки зрения оценки факторов, способствующих политизации «проблемной» молодежи [с. 435–436].

Проведенные интервью и фокус-группы позволили выявить основные «болевые» точки самоидентификации неблагополучной молодежи. Во-первых, все респонденты говорили о фрустрации, которую они испытывают, будучи воспринимаемы обществом как коллектив, лишенный собственного мнения и идей. Во-вторых, свою социальную и политическую невидимость они связывали не с отсутствием формального признания в качестве легитимных акторов, а с «глухотой» общества. При этом авторы не сочли зафиксированные ими чувства фрустрации и гражданской несостоятельности свидетельствами разрыва с социумом. В ходе дискуссий выявилось, что чувство морального долга, заставляющего моло-

дых людей задумываться о необходимости участвовать в общественной жизни, сохраняется. Однако сфера их гражданского участия ограничивается преимущественно вопросами ближайшего окружения, например решением проблем своего района. В своих коллективных действиях они, в основном, ориентируются на стратегии, приносящие быстрые и ощутимые результаты. Тем не менее представляется очевидным, что фрустрация и чувство гражданской несостоятельности обуславливают формы проявления политизации, но не препятствуют ей самой [с. 436–439].

Обобщив материалы интервью и группового обсуждения, авторы свели продуцируемые неблагополучными категориями молодежи концепции гражданского участия к трем типам дискурса.

Первый тип дискурса – отрицания и отвержения – характеризуется сугубо конфликтным восприятием окружающей реальности, допускающим крайне мало вариантов успешного выхода из трудных жизненных обстоятельств. Невозможность кардинального изменения своего незавидного положения аргументируется негативным влиянием капиталистических рыночных отношений, эгоизмом человеческой природы. Этот тип дискурса конструируется за счет отсылок к двум кардинально различным идеологическим концепциям. С одной стороны, мы сталкиваемся с риторикой нигилизма и попытками молодых людей связать свои воззрения с анархистской традицией. В призывах к открытому сопротивлению как к единственному эффективному способу слома несправедливой системы чаще всего находят себя юные «мачо», не лишенные склонности к демонстративному поведению. С другой стороны, в основу дискурса отрицания может быть положена доведенная до предела тоска по прошлому. В этом случае сожаление вызывает утрата сильной власти как необходимого условия социального порядка. Стремление к «крепкой руке» нередко сочетается с осуждением демократической системы. Столкновение с не поддающейся контролю реальностью провоцирует страх перед свободой и вынуждает молодых людей видеть источник уверенности в упорядоченном, авторитарном обществе [с. 440].

Второй тип дискурса основывается на классической риторике гражданского участия. В своих умозаключениях молодежь либо прибегает к этической рационализации, утверждая, что гражданское участие есть моральный долг всех членов общества, либо использует прагматические обоснования, ссылаясь на те выгоды, которые приносит индивиду и коллективу гражданская активность. При этом подчеркивается наличие достаточного количества пово-

дов и возможностей для молодежи взять на себя обязательства, отвечающие ее интересам именно как коллективного субъекта. Акцентируется эффективность микрополитики и проектов, продвигаемых «снизу» [с. 441–442].

Наиболее распространенным в среде неблагополучной молодежи авторы настоящей статьи сочли третий тип дискурса – дискурс разочарования. Его смыслообразующими элементами выступают жалобы на удаленность молодых от центров принятия основных политических решений и «глухоту» общества. Однако будучи вынуждена отойти на периферию социально-политического пространства, проблемная молодежь не порывает с обществом полностью. Такое поведение, подразумевающее частичное и непостоянное участие молодежи в общественной жизни, описывается в работе в терминах «пунктирного гражданства» [с. 443].

Рассматривая политизацию в неразрывной связи с повседневностью, авторы предприняли попытку раскрыть механизм активации потенциала политической агентности молодежи. Анализ жизненных историй респондентов подтвердил, что вхождение в какую-либо общественную группу или ассоциацию, не являясь в большинстве случаев осознанной стратегией политизации тем не менее создает некий универсум социальности, пространство взаимодействия с «другими», что, в свою очередь, многократно упрощает развитие основ гражданственности. Ассоциации служат источником эмоциональной поддержки для своих членов и эффективным инструментом решения повседневных проблем. Но одновременно, в случае объединения по принципу протестной мобилизации «снизу», они могут восприниматься молодежными активистами как единственный способ быть признанными властью предрежащими в качестве полноценной стороны диалога. В данном контексте особый интерес Х. Бенедикто и М.Л. Моран вызывает обнаружившийся параллелизм процессов гражданского участия, т.е. последовательного принятия на себя новых обязательств перед коллективом, и достижения персональной автономности, описываемый респондентами в терминах обретения контроля над собственной жизнью [с. 444–445].

В основе активной гражданской позиции молодежи лежат два фундаментальных фактора: признание присутствия (*presencia*) и протагонизм (*protagonismo*). Молодые люди смогут наполнить реальным содержанием свой формальный статус граждан, только будучи замеченными, услышанными и признанными в качестве *субъекта* действия властями как неким значимым «другим». Дру-

гим важнейшим условием является вера в свою способность изменить ход вещей, стать главными действующими лицами на этапе перемен [с. 446–448].

В заключение авторы подчеркивают, что вопреки представлению о неблагополучных группах молодежи как о политически инертных категориях населения, они сохраняют способность к политизации и заинтересованность в жизни социума. Зачастую эта политизация разворачивается в ограниченном наборе областей, молодежь испытывает значительные трудности с выработкой адекватных решений для преодоления поставленных перед нею проблем, но в коллективном действии укрепляется ее потенциал политической субъектности [с. 449].

А.М. Понамарева

Дос Сантос И.

**АНГОЛА – ЭЛЬДОРАДО ДЛЯ ПОРТУГАЛЬСКОЙ
МОЛОДЕЖИ? ВООБРАЖАЕМЫЕ МИРЫ
И ОПЫТ МОБИЛЬНОСТИ
В ПОРТУГАЛОЯЗЫЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ¹**

Реф. ст.: *Dos Santos I.*

L'Angola, un Eldorado pour la jeunesse portugaise? Mondes imaginés et expériences de la mobilité dans l'espace lusophone // Cahiers d'études africaines. – P., 2016. – Vol. 221, N 1. – P. 29–52.

Ключевые слова: социальные представления; Португалия; Ангола; экономическая миграция; трудовая мобильность; португалоязычный мир.

В работе Ирэн Дос Сантос (Междисциплинарный институт современной антропологии, Париж, Франция; Научно-исследовательский антропологический центр, Новый Лиссабонский университет, Лиссабон, Португалия) описываются причины и мотивации современной трудовой миграции португальцев в Анголу, а также анализируются связь миграционных процессов с постколониальной ностальгией и отражение отношений с бывшей колонией в общественном сознании португальцев.

Объектом исследования стали португальцы, работающие в Анголе. Эмпирическую основу исследования составили данные

¹ Впервые реферат был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2017. – № 3. – С. 15–21.

полевых наблюдений и проведенных автором неструктурированных интервью.

К изучению соответствующей проблематики автора подтолкнуло фиксируемое с начала 2000-х годов прогрессивное увеличение численности португальцев, проживающих в Анголе. На момент написания статьи их насчитывалось около 115 тыс. [с. 30]. Они составляли третью по численности группу иностранцев в стране (после китайцев и бразильцев). Экономическую миграцию в бывшие колонии (кроме Анголы миграционные потоки из Португалии идут в Бразилию и Мозамбик) называют «иронией истории», отмечая произошедшую инверсию позиций метрополия – колония, а также отношений Север – Юг. Португалия – одна из наиболее пострадавших от кризиса стран Европы, тогда как экономика бывшей колонии, Анголы, является самой быстрорастущей среди государств Африки южнее Сахары¹. При этом нельзя не учитывать политический аспект миграции, которая началась с одобрения олигархического режима президента Ж.Э. душ Сантуша, находившегося у власти с 1979 г. А также тот факт, что приезжает в основном образованная португальская молодежь, тогда как 90% ангольского населения не относятся ни к элите, ни к среднему городскому классу, и режим блокирует возможности восходящей

¹ Для понимания специфики современного процесса перемещения португальцев в Анголу следует учесть, что та являлась колонией Португалии с конца XV в. до 1974 г. После Второй мировой войны вопреки процессу деколонизации, охватившему страны Африки, режиму португальского диктатора Салазара удалось удержать Анголу в состоянии колониальной зависимости, пойдя лишь на незначительные уступки. С 1961 по 1975 г. в стране шла война за независимость; после «революции гвоздик» в Португалии и отказа от своих колоний (1974) – гражданская война (1975–2002). В 1975 г. 350 тыс. португальцев были вынуждены покинуть Анголу. Определенный экономический рост фиксировался в стране уже в период между 1961 г. и началом гражданской войны. С завершением последней начался экономический бум, обусловленный интенсивным развитием сектора добычи нефти. На сегодняшний день ангольская экономика занимает третье место среди африканских стран, расположенных южнее Сахары. Тем не менее она до сих пор носит преимущественно сырьевой характер: промышленность и сельское хозяйство не развиты, 95% экспорта составляют доходы от продажи нефти. Показатели экономического развития и уровня жизни населения крайне низки, 70% живут ниже порога бедности. Начавшаяся в конце 1990-х годов интернационализация экономики выразилась, в числе прочего, в увеличении инвестиций за рубеж, в частности в Португалию. Рост объемов этих инвестиций с 2006 по 2007 г. привел к зависимости Португалии от ангольских элит. – *Прим. реф.*

мобильности. Противники нынешнего режима полагают, что властям безопаснее импортировать специалистов, чем давать образование собственному народу.

Респонденты настоящего исследования различались по: статусу пребывания в стране (экономические мигранты, экспаты, потомки «*retornados*» (вернувшихся), обладатели двойного гражданства); срокам и режиму пребывания (постоянный, временный или «маятниковый»); профессиональным навыкам (инженерно-технические специалисты, архитекторы, специалисты финансового сектора, юридические консультанты, предприниматели, работники сферы услуг). Тем не менее в их рассказах прослеживались три общих черты: они настаивали, что находятся в Анголе по собственному выбору, а не вынужденно; утверждали, что эта страна для своего развития нуждается в их знаниях и умениях; подчеркивали, что, поехав работать в Анголу, они бросили вызов, совершили подвиг, на что способны далеко не все их сограждане. Подобная риторика призвана работать на «героизацию» трудовой миграции португальских специалистов, выведение этого процесса за границы простой экономической целесообразности.

Трудовая миграция в Анголу непроста, несмотря на принадлежность обеих стран к португалоязычному миру. Условия проживания в стране скромны в смысле удобств и комфорта. Получение визы осложнено формальностями, ее продолжительность ограничена, возобновление связано с трудностями, в связи с чем некоторые респонденты сделали попытки получить ангольское гражданство (не отменяющее португальское). Кроме того, с 2010 г. власти страны, осознав, что в связи с экономическим кризисом Португалия может «импортировать» к ним свою безработицу, издали протекционистские законы в отношении местной квалифицированной рабочей силы. Однако это не остановило поток португальских «гастарбайтеров», начавшийся после окончания гражданской войны в 2002 г. Характер миграционного обмена между двумя странами, по мнению автора, зависит от двусторонних отношений между ними и состояния их экономик. Так, падение цен на нефть летом 2015 г. вызвало снижение доходов Анголы, что спровоцировало значительное сворачивание государственных строительных проектов и соответствующий отток части португальских специалистов.

Автор выделяет среди респондентов два типа: 1) классический «экономический мигрант», который бежит от тяжелой экономической ситуации на родине, от угрозы опуститься по соци-

альной лестнице; 2) квалифицированные кадры, обладающие очень высокой степенью мобильности; срок их пребывания варьируется от трех месяцев до трех лет, своего рода экспаты-космополиты. При этом И. Дос Сантос отмечает, что в реальности граница между выделенными категориями довольно размыта.

Мощное проникновение ангольских капиталов в экономику европейских стран заставляет молодых квалифицированных португальских специалистов рассматривать опыт работы в Анголе как своего рода перспективное вложение, поскольку он может стать трамплином для последующей успешной карьеры в Европе. В объяснении причин своего приезда многие респонденты стремились избегать упоминаний об экономическом кризисе в Европе, с тем чтобы не придать своим действиям характер вынужденных. Из их рассуждений вырисовывалась бинарная оппозиция мотивов профессиональной мобильности: квалифицированная трудовая мобильность по свободной воле, повышающая их положение и статус в обществе и в собственных глазах *versus* вынужденная экономическая мобильность, подрывающая их статус, представляющаяся унижительной.

Также интервьюируемые в большинстве своем возражали против определения себя как «эмигрантов» в силу вызываемых данным термином негативных коннотаций в массовом сознании португальцев. Обычно он связывается с неграмотными крестьянами, покинувшими страну в 60–70-х годах XX в. и появляющимися в родной деревне раз в год на праздник, демонстрируя напоказ приметы своего преуспевания.

У одних респондентов присутствует желание – в случае успеха – осесть, связать свою жизнь и профессиональную карьеру с Анголой. Другие же, напротив, считают свою работу на Черном континенте временной. При этом большинство настроенных на обретение ПМЖ в Анголе респондентов противопоставляют себя некому обобщенному образу португальского экспата, «неоколониалиста», приехавшего воспользоваться богатствами страны по соглашению с ангольским олигархатом. И это осуждение указывает на потенциально конфликтную точку в португальском обществе: между смешанными португало-ангольскими семьями, оставшимися в стране после провозглашения независимости и составившими элиту, и «белыми» португальцами, недавно приехавшими в страну.

Приезд португальцев в Анголу поднимает также тему сохраненных репатриантскими семьями связей, их отношения к Африке, памяти о ней, а также о совместном прошлом, чему посвящена

вторая часть статьи. В данной статье не ставится задача исследовать память о колониальном прошлом в португальском обществе; описываются лишь те аспекты коллективных представлений о нем, которые лежат в основе мобильности современной португальской молодежи.

В Португалии тема освобождения от колониальной зависимости является табуированной, при этом присутствует ностальгия по империи. «С момента утраты собственной империи Португалия не оставляла попыток воссоздать модель своего присутствия в мире: через национальную “диаспору”, а также выстраивая “португалоязычное пространство” (институционализированное в 1996 г. через создание Содружества португалоязычных стран)» [с. 42]. По мнению антрополога Стивена Любкеманна¹, «“возвратившиеся”² участвовали, начиная с 1990-х годов, в поиске и воссоздании национальной постколониальной идентичности. В тенденции к расширению португальского присутствия в мире они усматривали способ представить свою идентичность в более выгодном свете» [с. 42]. «Память о колониальном прошлом», со свойственными ей позитивной трактовкой и идеализацией, становится заметной в португальском обществе в 2000-е годы, когда она переходит из частной, семейной сферы в общественную; это находит выражение в появлении автобиографических романов, документальных фильмов, сериалов, представляющих трагический взгляд на травматичный опыт возвращения. При этом, отмечает автор статьи, африканские мигранты, проживающие в Португалии с 1980-х годов, так и не подняли «колониальный вопрос», чтобы разоблачить дискриминацию и расизм.

Беседы с возвратившимися семьями респондентов показали, что существует сильная ностальгия по жизни в Африке, воспринимаемой как «утраченный рай». Их рассказы воспроизводят идеализируемое прошлое; при этом акцент делается на интенсивной общественной жизни португальских семей и на особом отношении колонистов к Африке, ее природе и населению³. У них при-

¹ Lubkemann S. The moral economy of Portuguese postcolonial return // *Diaspora: A j. of transnational studies*. – N.Y., 2002. – Vol. 11, N 2. – P. 189–213.

² «Retornados» – термин, обозначающий португальских колонистов, вернувшихся в Португалию из Анголы после обретения ею независимости. – *Прим. реф.*

³ В 1950-е годы бразильский социолог Жилберто Фрейре (Gilberto Freire) сформулировал теорию так называемого лусотропикализма (*lusotropicalisme*), согласно которой португальцы являются лучшими колонизаторами из всех евро-

сутствует чувство, что, уехав из Анголы, они «покинули цивилизацию» [с. 43]. Опыт колониальной жизни до сих пор остается маркером этой группы по отношению к другим португальцам. В течение 40 лет их связь с Анголой поддерживалась путем сохранения и воспроизведения воспоминаний, фотографий, африканских предметов для украшения интерьера, пищевых практик; они сохранили связи между семьями, практики общения; ежегодно организуются встречи ассоциаций репатриантов. Кроме эмоциональных связей некоторые семьи сохранили социальные связи через оставшихся в Анголе или живших на две страны родственников; в основном речь идет о смешанных семьях.

У всех респондентов, происходящих из семей репатриантов, при объяснении причин приезда в Анголу в большей или меньшей степени проскальзывали ссылки на семейную историю, связанную с этой землей. Хотя не удалось определенно доказать, что их приезд осуществлялся с опорой на семейные связи с этой страной. Большинство респондентов были вывезены из Африки в раннем детстве и не сохранили воспоминаний о ней. Это избавляет их от присущего старшему поколению опасения разочароваться при столкновении воспоминаний с реальностью. Они лишь сопоставляют рассказы старших с ангольской реальностью, отмечая отсутствие ожидаемого налета европейской цивилизованности и неожиданно большую долю африканской аутентичности. Автор наблюдает у них «выстраивание отношения к этой территории, основанного на чувстве принадлежности к стране, но скорее к ее будущему, чем к ее прошлому» [с. 44].

При этом наличие ангольского гражданства воспринимается теми, у кого оно имеется, как экономический капитал и капитал мобильности. Оно позволяет остаться в стране дольше, чем на три года (срок длинной визы) и дает возможность строить планы на перспективу. Один из таких респондентов говорит, что в Португалии он не чувствовал свою причастность к решению общественных проблем, тогда как в Анголе у него возникло ощущение своей принадлежности к новому формирующемуся обществу. «Чувство

пейских народов. В качестве доказательств приводилась продолжительность существования португальской империи, ее цивилизационная миссия, склонность португальских колонистов к метисации. Теория была взята на вооружение «новым государством» Салазара с целью оправдания колонизаторской политики Португалии во время антиколониального движения после Второй мировой войны. – *Прим. реф.*

принадлежности и желание вписаться в коллективный проект» [с. 44], сопровождающие обладателей ангольского гражданства, не присутствовали у респондентов-экспатов, лишенных семейных связей с Анголой. Они отмечают, что не хотели бы жить и работать тут постоянно, подчеркивают профессиональные и экономические причины своего нахождения в стране.

Анализ полученных интервью позволяет автору заметить еще одну разделительную линию – отношение выходцев из семей репатриантов к семейному прошлому в колониальной Анголе. Когорта «дистанцирующихся» воспринимает его как нечто постыдное, избегая в разговоре этой темы. Они производят впечатление людей, «воспринявших официальную установку страны, повернувшейся спиной к прошлому» [с. 45]. «Принимающие» охотно и с гордостью рассказывают о посещении мест, связанных с семейным прошлым, и испытанных ими эмоциях. В случае закрепления на этой земле это означает для них восстановление связи с прошлым.

В данном контексте выбор места проживания также показателен с точки зрения отношений со временем – устремленности в прошлое или будущее. Луанда в качестве столицы, места концентрации власти, средоточия событий вынуждает к большим социальным взаимодействиям с элитами, связанными с режимом. Тогда как выбор одного из провинциальных городов может означать попытку свести к минимуму социальные взаимодействия с сегодняшними властями.

Подводя итоги, автор отмечает перспективность дальнейших исследований миграции из Португалии в Анголу в контексте радикальной смены позиций этих стран по отношению друг к другу в сравнении с прошлым. Эмиграция в Анголу является сегодня массовым феноменом в Португалии, охватывающим все слои общества. Для многих она представляет собой «стратегию избегания процесса деклассирования, под гнетом которого находятся многие дипломированные трудовые мигранты в западных странах» [с. 47]. И «экспаты», и «мигранты» рассчитывают на восходящую социальную мобильность, а также на существенное и быстрое улучшение своего материального положения. При этом одни хотят в дальнейшем использовать накопленный социальный капитал в Португалии, другие – уже сейчас и в Анголе. Последние, как правило, имеют семейные связи с Анголой, тогда как для первых пребывание в ней означает лишь промежуточный жизненный этап и способ преодоления социальной нестабильности.

Е.Л. Уикова

ЖИЗНЕННЫЕ ТРАЕКТОРИИ ЯПОНСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ИЗМЕНЕНИЕ ПАТТЕРНОВ РОМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ, БРАКА И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ

(Сводный реферат)¹

Реф. ст.:

1. *Hayashi Y.* The effect of married couples' incomes on marital satisfaction // Social science Japan newsletter. – Tokyo, 2012. – N 47. – P. 13–16.
2. *Ishida H., Motegi A.* Educational assortative mating in Japan and the United States // Social science Japan newsletter. – Tokyo, 2012. – N 47. – P. 3–8.
3. *Oshima M.* The transition from school to work: The role of job placement assistance provided by schools // Social science Japan newsletter. – Tokyo, 2012. – N 47. – P. 22–25.
4. *Suzuki F.* Marrying late or not at all: Changing life course choices among young women in Japan // Social science Japan newsletter. – Tokyo, 2012. – N 47. – P. 17–21.
5. *Yoshida T.* The impact of a woman's first job and non-regular employment on marriage timing // Social science Japan newsletter. – Tokyo, 2012. – N 47. – P. 9–12.

Ключевые слова: японская молодежь; жизненные траектории; брак; романтические отношения; профессиональная занятость.

¹ Впервые реферат был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2013. – № 4. – С. 13–25.

Статьи японских социологов, опубликованные в тематическом выпуске журнала «Social science Japan» (SSJ), который издается Институтом социальных наук (ИСН) Токийского университета, отвечают задачам национального лонгитюдного проекта по изучению поколенческих жизненных траекторий в современной Японии. Инициатором и координатором проекта, стартовавшего в 2007 г. под названием «Japanese life course panel survey» (JLPS), является Центр социальных исследований и архивных данных Токийского университета. Как отмечают редакторы настоящего выпуска SSJ, проект нацелен на выявление динамики жизненного пути японцев, прежде всего молодежи, «в условиях меняющихся конфигураций национального рынка труда и демографических сдвигов... на фоне коллапса традиционных японских управленческих практик и продолжающейся экономической рецессии»¹. В статьях, представленных ниже, нашли отражение следующие проблемы: процессы и результаты трансформации поведенческих паттернов и предпочтений молодых людей в таких сферах жизни, как романтические отношения, брак и семья [2]; профессиональная занятость и нацеленность на карьерный рост женщин, состоящих и не состоящих в браке [4; 5]; удовлетворенность браком в зависимости от уровня доходов семьи [1]; профессиональное самоопределение молодежи и практика ее трудоустройства по окончании профессионально-технических и специальных учебных заведений [3].

Директор ИСН Хироши Ишида и его коллега по Институту и проекту Акира Мотеги анализируют факторы, обуславливающие поиск и выбор молодыми японцами подходящего спутника жизни – объекта романтических отношений и / или вероятного брачного партнера [2]. Среди описанных в литературе социоэкономических, демографических, психологических и прочих параметров, которые могут служить причиной или стимулом индивидуальных предпочтений при выборе спутника жизни (как для брака, так и внебрачных обязательств), авторы выделяют уровень и характер образования потенциальных партнеров. Они проводят также сравнительный анализ значения этой переменной в контексте романтических отношений молодежи в Японии и США (до брака, вне брака, в браке).

Практика добрачных и внебрачных союзов молодых людей, связанных романтическими отношениями, выступает устойчивой характеристикой современного образа жизни на Западе, замечают

¹ Nakagawa J., Gagné Okura N. Introduction // Social science Japan newsletter. – Tokyo, 2012. – N 47. – P. 2.

Ишида и Мотеги. В Японии в силу национальных традиций внебрачный союз не является доминирующим или предпочтительным типом отношений между молодыми людьми. Однако их совместное проживание до брака уже не может рассматриваться как исключение, не говоря уже о предшествующей созданию семьи стадии романтических свиданий. Сегодня брачный союз в Японии по преимуществу основывается на взаимной сердечной склонности жениха и невесты, а не на решении их родителей. Между тем в японской социологии практически нет исследований, посвященных добрачным романтическим отношениям, а также сопоставлению жизненных ориентиров и поведенческих паттернов пар с разным статусом партнерства (влюбленные; совместно проживающие до или вне брака; супруги). С этой точки зрения Ишида и Мотеги видят принципиальную новизну своей работы в расширении исследовательских горизонтов национальной социологии путем дифференцированного анализа партнерских предпочтений, характерных для разного типа романтических отношений (в браке, вне брака, до брака).

В своем исследовании Ишида и Мотеги использовали данные JLPS (2007–2011), полученные путем опроса респондентов в возрасте 24–44 лет; для сравнения были взяты данные для аналогичных возрастных категорий, собранные в рамках общенационального проекта по изучению динамики семьи в США (2006–2010). Объектом исследования являлись пары с разным статусом партнерства: а) влюбленные и б) состоящие в браке – для Японии; а) влюбленные; б) влюбленные, проживающие вместе; в) состоящие в браке – для США. В качестве основной переменной выступал образовательный уровень партнеров (отдельно мужчин и женщин). Таким образом, осмыслению подлежали различные комбинации образовательных, гендерных и статусных характеристик партнеров. Анализ данных выявил общую для США и Японии тенденцию к «образовательной гомогамии» при выборе партнера для романтических отношений. В обеих странах молодые люди обоего пола отдавали предпочтение партнеру с тем же уровнем образования, которым располагали сами. Однако степень выраженности тенденции к образовательному равенству оказалась наиболее высокой у тех респондентов, кто имел только среднее или незаконченное среднее образование или, напротив, диплом университета. При этом девушки со средним специальным образованием предпочитали партнеров, имеющих степень магистра или окончивших университет (авторы называют эту тенденцию обра-

зовательной гипергамией или «восходящим браком»). Тем самым гипотеза о значимости образования как фактора, влияющего на выбор спутника жизни, получила эмпирическое подтверждение.

Вместе с тем Ишида и Мотеги обнаружили значительное расхождение в подходах к выбору партнера для брака и для романтических отношений у японской и американской молодежи. В Японии пары, не состоящие в браке, проявляют меньшую озабоченность соответствием образовательного уровня друг друга по сравнению с теми, кто является супругами. В США фактор образовательной гомогамии имеет большое (если не решающее) значение для пар любого партнерского статуса. Это наблюдение позволило авторам статьи сделать следующие выводы. Во-первых, «японцы, по всей вероятности, придерживаются разных стандартов выбора применительно к фазам свиданий и вступления в брак, поэтому образовательные и прочие характеристики партнера приобретают больший вес в том случае, если речь идет о семейном, а не о романтическом союзе» [2, с. 7]. Во-вторых, выявленная национально-культурная специфика связана с различными стратегиями перехода от внебрачных и добрачных романтических отношений к семейной жизни в Японии и в США. Так, по данным опросов, 54% американских семейных пар проживали вместе до брака, планируя заключить официальный союз; среди японских респондентов об этом заявили лишь 26% опрошенных семейных пар [там же]. Следовательно, в США изменение партнерского статуса пары – от совместного проживания к официальному семейному союзу – носит характер «плавного продолжающегося перехода»; в Японии этот процесс является скорее «переходом прерывным и менее гладким», что находит отражение в несовпадающих паттернах выбора партнера по принципу образовательной гомогамии.

Такаши Йошида (факультет гуманитарных и социальных наук Университета Сидзуока) анализирует возможные корреляции между типом профессиональной занятости молодых японок (постоянная / временная работа; квалифицированная работа по специальности / случайные заработки) и их планами в отношении семейной жизни (решение вступить в брак, отсрочить этот шаг или вовсе отказаться от обязанностей жены и матери) [5]. Согласно популярной на Западе гипотезе экономической независимости¹, современ-

¹ *Becker G.S. A treatise on the family.* – Cambridge (MA): Harvard univ. press, 1981.

ные молодые женщины все чаще придерживаются тактики «отложенного брака», намереваясь сначала сделать карьеру, приобрести экономическую самостоятельность и независимость от мужчины и только тогда создать семью. В Японии проблема сочетания карьеры и семьи также является актуальной, в особенности для молодых женщин, получивших хорошее образование. В связи с этим автор задается вопросом: каким образом тенденция к отложенному браку проявляет себя в условиях затяжного кризиса национального рынка труда, нестабильность которого в первую очередь сказывается на жизненных траекториях недавних выпускников учебных заведений?

Как свидетельствует статистика, молодые люди (как девушки, так и юноши), которым не удалось устроиться на постоянную работу сразу по окончании школы, колледжа или университета, вряд ли смогут сделать это в дальнейшем, что означает в перспективе неизбежное снижение их социального статуса. С середины 1990-х годов, подчеркивает Йошида, постоянно растет число японцев обоего пола, преимущественно моложе 25 лет и не состоящих в браке, которые вынуждены работать от случая к случаю [5, с. 9]. На первый взгляд, данные как будто доказывают справедливость гипотезы об экономической независимости применительно к молодым японкам: среди мужчин 25–30 лет, не имеющих стабильной занятости, число не состоящих в браке выше, чем среди их сверстников, которым повезло больше; напротив, женщины, которые работают постоянно, чаще, чем их ровесницы, имеющие только временную работу, предпочитают отложить вступление в брак или вовсе отказаться от семейной жизни [5, с. 10]. Однако автор статьи не считает вывод о доминировании в японском обществе тенденции к отложенному браку достаточно обоснованным, хотя бы потому, что часть молодежи, вступив в брак, по-прежнему имеет лишь временную или случайную работу.

Для прояснения общей картины выбора молодых японок в пользу брака либо карьеры (с учетом типа их занятости) Йошида предлагает принять во внимание такие переменные, как образовательный уровень респонденток и характер избранной ими профессии, а также дополнить статистику (сиюминутный срез проблемы) результатами лонгитюдных эмпирических наблюдений. С этой целью он анализирует широкий спектр данных, представленных в рамках общенациональных опросов, включая JLPS. На основании этих материалов он приходит к заключению, что западная гипотеза экономической независимости не работает в контексте совре-

менного японского общества. Корреляции выбранных переменных – пол, возраст, тип занятости, уровень образования, профессия и связанные с ней условия труда – показали, что молодые японцы обоего пола, имеющие образование на уровне колледжа либо университета и получившие по окончании учебного заведения постоянную работу, вступают в брак в более раннем возрасте, чем их менее удачливые сверстники. Следовательно, молодые японки, имеющие хорошее образование и стабильную занятость, а значит, и перспективу экономической независимости, создают семью раньше и охотнее, чем девушки, которым изначально не удалось устроиться на постоянную работу. Ключом к осмыслению происходящего на фоне наблюдающейся обратной тенденции к отложенному браку у молодых успешных женщин, по мнению автора, должен служить именно тип профессиональной занятости, обусловленный уровнем образования: няня в детском саду – по окончании средней школы; воспитательница и учительница начальных классов – после колледжа; учитель старших классов, программист в солидной фирме – при наличии университетского диплома и т.п. Таким образом, резюмирует свои выводы Йошида, для осмысления современной практики выбора молодыми японками времени вступления в брак или отказа от него следует принимать в расчет не только их положение на рынке труда, но и содержание их профессиональных занятий, уровень образования, а также общие социально-психологические условия труда, включая длительность пребывания на рабочем месте и гендерный состав коллектива.

Тему современных жизненных предпочтений женщин в Японии в рамках дилеммы «карьера / семья» продолжает Фумико Сузуки (сотрудница ИСН и участница проекта JLPS) [4]. Ее интересует динамика жизненных ожиданий девушек, получивших образование (школа, колледж, университет) и реализующих свой жизненный идеал (домохозяйка; замужняя работающая женщина; бизнес-леди, отказавшаяся от обязанностей жены и матери) в условиях длительной нестабильности национального рынка труда. До 1970-х годов в стране доминировал традиционный идеал замужней женщины как жены, матери и хранительницы домашнего очага; с середины 1980-х годов предпочтительной становится практика «прерывной профессиональной занятости» (М-образная модель): трудоустройство по завершении образования; перерыв в работе, связанный с замужеством и воспитанием детей; возвращение в профессию, когда дети подрастут. По данным опроса 2010 г., 30,6% респонденток (незамужние японки в возрасте от 18 до 34 лет)

в качестве «идеальной» жизненной перспективы выбрали возможность работать и иметь семью; при этом 35,2% опрошенных отдали предпочтение М-образной модели занятости, но только 24,7% были уверены в том, что они на самом деле смогут продолжить работать, если появятся дети [4, с. 17]. Поскольку сегодня рынок труда в Японии предоставляет очень мало шансов молодым людям обоего пола на получение постоянной работы со стабильным заработком, разрыв между жизненными ожиданиями молодых женщин и возможностью их реализовать постоянно увеличивается, подчеркивает Сузуки. С одной стороны, женщина, как и прежде, стремится найти мужа, способного содержать жену и детей (традиционное гендерное разделение труда), хотя количество молодых мужчин, отвечающих этому требованию, уменьшается из года в год. С другой стороны, женщина вынуждена практиковать отложенный брак или вовсе отказаться от планов иметь семью, если она имеет стабильную работу и перспективу карьерного роста. На этом фоне, по наблюдениям ряда социологов, в японском обществе набирает силу тенденция к «консерватизму», или «профессионализации функций домохозяйки» среди молодых женщин¹. Существенная диверсификация предпочитаемых жизненных траекторий молодых японок, по мнению Сузуки, требует углубленного анализа трансформации их жизненных ожиданий в контексте нестабильной экономической ситуации в стране.

В качестве материала для подобного анализа автор использует данные, собранные в ходе серии опросов выпускников высшей школы в рамках проекта JLPS (2008–2011). Сравнению подлежали результаты анкетирования 223 женщин спустя пять и восемь лет после окончания ими учебного заведения. Прежде всего, изучались жизненные ожидания респонденток (ориентация на семью или на карьеру), а в качестве факторов предположительной трансформации избранного жизненного идеала фигурировали следующие переменные: уровень образования; тип занятости; профессия; доход; статус проживания; брачный или партнерский статус. Цель своей работы Сузуки определяет как «выявление причин

¹ *Matsuda S.* Seibetsu yakuwari bungyo ishiki no henka: Jakunen jousei ni mirareru hoshuka no kisazhi (Changes in the awareness of gender division of labor: A sign that young women are becoming more conservative) // Life design report. – Tokyo, 2005. – N 9. – P. 24–26; *Yoshizawa M.* Onna mo hatarakitsuzukeru ka? (Should women keep working?) // Hiroshima univ. of economics research bull. – Hiroshima, 2005. – Vol. 28, N 3. – P. 11–35.

неопределенности и колебаний, которые испытывают молодые женщины в связи с их жизненными ожиданиями», что, как полагает автор, «является отражением современных трудностей вступления в брак на принципах прежнего гендерного разделения труда» [4, с. 19]. Другими словами, автора статьи интересуют возможные корреляции между жизненными ожиданиями молодых японок и перечисленными социальными переменными в неблагоприятной экономической ситуации, разрушающей прежние стереотипы относительно создания семьи.

В зависимости от высказанных предпочтений респондентки были отнесены к одной из двух групп: ориентированные либо не ориентированные на карьеру. В первую группу вошли молодые женщины, выразившие желание: а) продолжать работать после замужества и рождения детей; б) продолжать работать после замужества, но не заводить детей; в) продолжать работать и не вступать в брак. Во вторую группу попали респондентки, заявившие о своем желании: а) не работать после замужества; б) оставить работу вследствие беременности; в) выйти замуж и работать с перерывами, пока не вырастут дети. Результаты сопоставительного анализа жизненных ожиданий опрошенных через пять и восемь лет после окончания ими учебного заведения выявили существенные корреляции между желаемой жизненной траекторией и такими факторами, как тип занятости, доход и брачный статус (но исключительно для восьмилетнего периода). Главной детерминантой изменения и / или стабильности жизненных ожиданий оказался тип занятости респонденток (постоянная работа и стабильный заработок; работа время от времени; отсутствие работы). Примерно половина опрошенных, получивших или сохранивших постоянную работу за истекшие восемь лет, принадлежали к группе женщин, ориентированных на карьеру (из тех, кто не имел постоянной работы или не работал вовсе, сохранили данную ориентацию только 10%). Вступление в брак явилось значительным событием только для женщин второй группы и малосущественным для тех, кто ориентировался на карьеру. При этом более половины респонденток из первой группы сообщили о сохранении или росте уровня своих доходов и менее 30% – об их уменьшении. Смена партнера вне брачного союза или отсутствие бойфренда были типичны скорее для не ориентированных на карьеру женщин; впрочем, обнаруженные в данном случае различия оказались статистически незначимыми.

Анализ выявленных корреляций (или отсутствие таковых) позволил Сузуки сделать вывод о том, что «нестабильность в сфе-

ре занятости и доходов в тенденции подрывает желание женщин продолжить работу, а вероятная перспектива усугубления этой нестабильности вследствие перехода на временную работу или потери рабочего места... может определить выбор женщины в пользу брака», вынудив ее отказаться от первоначальных жизненных ожиданий, связанных с карьерой [4, с. 20]. В связи с этим автор подчеркивает первостепенную роль в жизни и судьбе женщины ее раннего карьерного становления.

Влияние структуры совокупного дохода семьи на удовлетворенность браком супругов является предметом анализа Юсуке Хаяши (факультет комплексных гуманитарных наук Университета Шокей Гакуин) [1]. Автора интересует роль пропорционального участия в семейном бюджете мужа и жены как фактора, сказывающегося на удовлетворенности семейной жизнью каждого из них. Конкретизируя тему своего исследования, он акцентирует внимание на следующих аспектах:

1) динамика общего дохода семьи, а также доходов мужа и жены в отдельности, как индикатор удовлетворенности браком каждого из супругов (что подразумевает несколько комбинаций переменных: удовлетворенность мужа / жены вследствие роста собственного заработка и / или заработка супруга); предположительно рост доходов мужа и, соответственно, увеличение его доли в совокупном бюджете семьи должны способствовать большей удовлетворенности браком обоих супругов, тогда как увеличение заработка жены, а значит, и ее экономической независимости (в том числе от мужа), может повлечь за собой снижение уровня ее удовлетворенности семейной жизнью;

2) пропорциональное участие мужа и жены в семейном бюджете (или показатель их взаимной экономической зависимости) как индикатор их удовлетворенности браком.

Отправным пунктом исследования Хаяши выступают гипотезы С. Роджерс и С. Нока¹, касающиеся факторов повышения риска разводов: автор считает их пригодными для осмысления в числе прочего феномена удовлетворенности браком. Согласно первой гипотезе, взаимные экономические обязательства супругов укрепляют их союз; следовательно, вероятность развода выше в

¹ *Rogers S.J.* Dollars, dependency and divorce: Four perspectives on the role of wives' income // *J of marriage a. family.* – Menasha (WI), 2004. – Vol. 66, N 1. – P. 59–74; *Nock S.L.* When married spouses are equal // *Virginia j. of social policy a. the law.* – Charlottesville (VA), 2001. – Vol. 9. – P. 48–70.

семьях, где доходы мужа и жены примерно равны, так как в этом случае их обязательства друг перед другом минимальны. Вторая, альтернативная, гипотеза состоит в том, что равный вклад супругов в семейный бюджет – на фоне их приверженности идее эгалитарного брака – укрепляет брачный союз, тогда как существенный перевес доходов одного из них увеличивает риск развода. Первая гипотеза известна в литературе как модель равной зависимости, вторая – как модель ролевого сотрудничества [1, с. 13].

В своей работе Хаяши использовал данные JLPS; выборка составила 1120 мужчин и 1344 женщины средних лет, которые состояли в браке с одним и тем же партнером на протяжении 2007–2010 гг. В ходе опросов выяснялся размер дохода каждого из супругов, а также степень их удовлетворенности семейной жизнью (по 5-балльной шкале). Предварительный анализ данных выявил общее снижение последнего показателя на протяжении указанного периода – как у мужчин, так и у женщин. При этом оказалось, что удовлетворенность семейной жизнью мужчин не зависит ни от их собственных доходов, ни от заработка жены, тогда как женщины демонстрируют большую удовлетворенность браком на фоне роста доходов супруга. Вместе с тем вклад жены в семейный бюджет существенно не влиял на субъективные оценки мужчинами своей жизни в браке; жены, в свою очередь, были довольны браком до тех пор, пока их доля в семейном бюджете не превышала $\frac{1}{4}$ (наиболее высоко оценивали свою семейную жизнь женщины, пропорциональный вклад которых в совокупный доход семьи колебался от 15 до 25%). Если женщина работала полный день, ее заработок мог равняться или превышать доход мужа; между тем наибольший уровень удовлетворенности семейной жизнью наблюдался у женщин, которые работали нерегулярно или неполный рабочий день [1, с. 14–15].

При оценке выявленной тенденции (наивысшая удовлетворенность браком женщин, заработок которых не превышал четверти семейного бюджета) необходимо иметь в виду, что подобная пропорция типична для японских семей, которые не могут быть названы состоятельными, поскольку в этих случаях заработок жены редко достигает даже той суммы (1,3 млн иен), которая требуется для покрытия пенсионных и страховых взносов, замечает автор [1, с. 15]. Резюмируя полученные результаты, он подчеркивает, что наибольшую удовлетворенность браком демонстрировали женщины с частичной профессиональной занятостью и несущественной долей участия в семейном бюджете; менее всего были довольны

семейной жизнью женщины, занятые полный рабочий день, чьи высокие доходы не избавляли их от работы по дому. Таким образом, делает вывод Хаяши, в японском обществе сохраняет устойчивость тенденция к гендерному разделению труда, базирующаяся на традиционных семейных ценностях.

Статья Масао Ошимы (ИСН Токийского университета) посвящена посреднической роли национальных высших профессионально-технических школ и двухгодичных ремесленных училищ в трудоустройстве выпускников [3]. В Японии, где существует практика непрерывной работы в одной и той же фирме или компании на протяжении всей жизни, крайне важно получить хорошее место сразу по окончании учебного заведения. Японские работодатели (как в частных, так и в государственных компаниях) предпочитают набирать новых сотрудников именно из числа недавних выпускников, поэтому у работника, которому изначально не повезло с трудоустройством, остается очень мало шансов улучшить свое положение в будущем. В связи с этим студенты учебных заведений разного уровня и профиля начинают подыскивать себе место работы еще до завершения образования.

Анализируя факторы, определяющие поиск выпускником своего первого (и, скорее всего, единственного) рабочего места, Ошима использовал данные опросов 4800 респондентов в возрасте 20–40 лет, которые регулярно проводились в рамках JLPS (2007–2012). Респондентам были предложены вопросы об их первом месте работы и способах его получения. Поскольку ранее автор провел аналогичные опросы среди выпускников университетов, он имел возможность сравнить варианты трудоустройства, популярные среди студентов учебных заведений разного уровня.

Старшекурсники университетов обычно ищут работу через веб-сайты соответствующих фирм или путем отправки резюме потенциальному работодателю. Профессионально-технические школы и ремесленные училища чаще всего сами помогают своим студентам с трудоустройством. Администрация таких учебных заведений наделена функциями государственных агентств по трудоустройству. Поэтому фирмы, нуждающиеся в профессионально-техническом персонале, направляют свои заявки непосредственно в те учебные заведения, где готовят такие кадры. Администрация знакомит выпускников с вакансиями и в случае их заинтересованности осуществляет посредничество между потенциальными рабочими и компанией. При этом в роли посредников выступают не только представители администрации, но и педагоги-наставники

(часто это одни и те же люди), которые добавляют к официальным каналам трудоустройства молодежи свои личные связи в профессиональной среде. Подавляющее большинство респондентов, окончивших профессионально-технические и ремесленные школы, указали на содействие своего учебного заведения как на главный инструмент поиска ими первого рабочего места. Реже встречались ссылки на помощь членов семьи, друзей и знакомых или на рекламные объявления.

Для оценки эффективности сложившейся практики трудоустройства выпускников профессионально-технических учебных заведений при посредничестве администрации и наставников Ошима использует три критерия, свидетельствующих о статусе и привлекательности для соискателя его первого рабочего места. Во-первых, это практика отложенной занятости, которая не слишком популярна в Японии вследствие кризиса на рынке труда. По данным JLPS, только 10% от общего числа респондентов – выпускников учебных заведений разного уровня и профиля заявили о том, что не приступили к работе сразу же по завершении образования; среди получивших профтехобразование таких были единицы [3, с. 23]. Вторым критерием служит размер компании, поскольку в маленьких фирмах (менее 100 человек) ниже зарплата и меньше возможностей для карьерного роста. Как свидетельствуют данные, меньшинство выпускников профтехшкол, имевших поддержку со стороны наставников и администрации, были вынуждены довольствоваться подобными малопrestiжными рабочими местами. Третий критерий связан с типом занятости (постоянная, в перспективе пожизненная / временная работа по контракту). Опять-таки респонденты, имевшие профессионально-техническое образование и воспользовавшиеся содействием администрации, реже получали работу по контракту по сравнению с основной массой участников опросов [3, с. 24].

В заключение Ошима подчеркивает, что система профессионально-технического образования в Японии не только дает студентам востребованные рабочие навыки, но и существенно расширяет горизонты их трудоустройства, обеспечивая своим выпускникам заметные преимущества на рынке труда.

Е.В. Якимова

Шпрехер С., Хэтфилд Э.

**ЗНАЧЕНИЕ ЛЮБВИ КАК ОСНОВЫ БРАКА:
ПО СЛЕДАМ ИССЛЕДОВАНИЯ У. КЕПХАРТА (1967)¹**

Реф. ст.: *Sprecher S., Hatfield E.*

The importance of love as a basis of marriage: Revisiting Kephart (1967) // J. of family issues. – L., 2015. – March 11. – P. 1–24.

Ключевые слова: представления о любви; гендерные различия; брак; развод; социоисторические изменения.

Сьюзен Шпрехер (Университет штата Иллинойс, г. Нормал, США) и Элейн Хэтфилд (Гавайский университет, г. Гонолулу, США) представляют результаты лонгитюдного эмпирического исследования представлений американской молодежи о любви как непереносимом условии брака. Авторы рассматривают свою работу как новый этап и современный вариант социологического анализа феномена любви и ее роли в межличностных отношениях, впервые предпринятого полвека назад У.М. Кепхартом². В 1967 г. Кепхарт опросил более тысячи студентов американских колледжей, с тем чтобы выяснить, согласны ли молодые люди и девушки вступить в брак с партнером, который обладает всеми желаемыми качествами, но к которому они не испытывают любви. Как оказалось, 50 лет назад американские юноши по большей части не были гото-

¹ Впервые реферат был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2017. – № 4. – С. 14–21.

² *Kephart W.M.* Some correlates of romantic love // J. of marriage a. the family. – Hoboken (NJ), 1967. – Vol. 29, N 3. – P. 470–479.

вы жениться без любви: 65% респондентов-мужчин ответили на заданный вопрос отрицательно, 11% – положительно, 24% затруднились с ответом. Среди опрошенных студенток «затруднившихся» оказалось в три раза больше (72%), 24% девушек не допускали для себя такой возможности, 4% ответили согласием. Выявленные Кепхартом гендерные различия в ответах респондентов в те годы объясняли более прагматичным отношением к браку представительниц слабого пола, что было связано с их ограниченными образовательными, карьерными и экономическими перспективами в сравнении с мужчинами.

В последующие десятилетия американские социологи неоднократно возвращались к этой теме, продолжают Шпрехер и Хэтфилд. Так, Дж. Симпсон и его коллеги провели серию аналогичных опросов среди американских студентов в 1976 и 1984 гг.; их цель состояла в том, чтобы проследить вероятную трансформацию гендерного аспекта представлений о роли любви для брака (и в браке) на фоне существенных социально-экономических изменений, произошедших в американском обществе через 10 и 20 лет со времени публикации статьи Кепхарта¹. Главным фактором предполагаемой трансформации послужило расширение спектра образовательных и социальных возможностей для женщин, что обеспечивало им экономическую независимость и соответствующий общественный статус, так что брак уже не рассматривался в качестве безальтернативного способа устроить свою жизнь. Авторы данного проекта дополнили основной вопрос Кепхарта темой о необходимости любви для *сохранения* брака и семейных отношений. В выборке 1976 г. акцент, сделанный респондентами на необходимости любви для людей, не один год состоящих в браке (и соответственно, на желательности развода, если любви больше нет), был более значительным, чем у опрошенных в 1984 г. 80% (1976) и 86% (1984) респондентов сочли для себя неприемлемым брак без любви, причем гендерные различия в ответах участников опросов были минимальны (вразрез с результатами 1967 г. для новых поколений американцев ценность любви для брака, а также в браке была несколько выше для девушек, чем для юношей). В 1990-е годы «вопрос Кепхарта» часто включали в проекты кросс-культурной направленности, которые и в разных этнических и

¹ *Simpson J.A., Campbell B., Berscheid E. The association between romantic love and marriage: Kephart (1967) twice revisited // Personality a. social psychology bull. – L., 1986. – Vol. 12, N 3. – P. 363–372.*

культурных контекстах также не выявили существенной гендерной специфики в отношении к любви как к условию брака и семейной жизни (если не считать того факта, что во всем мире женщины дорожат любовью больше, чем мужчины)¹.

Задачу собственного эмпирического исследования Шпрехер и Хэтфилд видели в том, чтобы освежить классический подход к теме любви (в браке и для брака), разнообразив социологическую палитру осмысления этой проблемы новыми переменными, которые гипотетически могут повлиять на соответствующие представления молодых людей начала III тысячелетия. При разработке проекта авторы преследовали двойную цель: во-первых, выявить содержание современных представлений молодых американцев о значении любви для вступления в брак и его сохранения и, во-вторых, проследить динамику этих представлений на протяжении 16-летнего периода исследований (1997–2012). Предпосылкой содержательного изменения представлений о любви на рубеже XX–XXI вв. они считают радикальную социальную трансформацию многих сфер общественной жизни в западном мире, а именно: существенное увеличение (по сравнению с 1967 г.) временного интервала между первым опытом романтических отношений и вступлением в брак; исчезновение с повестки дня многих традиционных ограничений и предписаний этического порядка, касавшихся официального оформления любых близких отношений; распространение и социальное признание альтернативных браку форм интимного партнерства (домашнее партнерство, совместное проживание вне брака) и т.п. В программу своего исследования авторы включили социодемографические и личностные характеристики, которые могут влиять на представления людей о любви в качестве основы брака и семейной жизни (на фоне четко обозначившейся тенденции к размыванию гендерных различий в таких представлениях).

К личностным параметрам, задающим вектор суждений о любви, Шпрехер и Хэтфилд относят: а) самооценку (уверенные в себе индивиды скорее будут ожидать и требовать любви в браке

¹ Love and marriage in eleven cultures / Levine R., Sato S., Hashimoto T., Verma J. // J. of cross-cultural psychology. – L., 1995. – Vol. 26, N 5. – P. 518–530; Love: American style, Russian style and Japanese style / Sprecher S., Aron A., Hatfield E., Cortese A., Potapova E., Levitskaya A. // Personal relationships. – Hoboken (NJ), 1994. – Vol. 1, N 4. – P. 349–369; Sprecher S., Toro-Morn M. A study of men and women from different sides of earth to determine if men are from Mars and women are from Venus in their beliefs about love and romantic relationships // Sex roles. – B.; N.Y., 2002. – Vol. 46, N 5/6. – P. 131–147.

и для брака и скорее настоят на разводе, чем индивиды с низкой личностной самооценкой); б) сексуальность (раскрепощенность индивида в сфере сексуальных контактов, его готовность к «сексу без любви» как досуговому времяпрепровождению; свободные в этом плане индивиды скорее согласятся с утверждением, что любовь не обязательна для заключения брака и его сохранения, чем те, для кого интимные связи без любви неприемлемы); в) стиль (тип, эмоциональная окрашенность) привязанностей (позитивная / негативная рабочая модель межличностных отношений, обусловленная детским опытом индивида: любовь, привязанность / невнимание, пренебрежение; индивиды с позитивной межличностной ориентацией с большей вероятностью согласятся с идеей о необходимости любви для брака и его сохранения, чем те, кто в собственной семье имел негативный опыт привязанностей). К социодемографическим переменным, которые учитывались в рамках лонгитюдного проекта, авторы отнесли культурную и расовую принадлежность индивида, его социальный (классовый) статус, религиозность, структуру семьи (отношения между родителями, которые счастливы в браке, состоят в разводе или живут вместе без любви). Согласно авторской гипотезе (с учетом имеющихся на сегодняшний день социологических исследований и эмпирических данных), с тезисом о необязательности любви для создания семьи и сохранения семейных отношений скорее согласятся люди с более низким социально-экономическим статусом, глубоко религиозные и те, чьи родители продолжают совместную жизнь без любви; напротив, индивиды светской ориентации и те, кто пережил развод родителей, скорее всего поддержат тезис о любви как основе и условии брака. Предполагалось также, что гендерные, расовые и культурные переменные не окажут существенного влияния на ответы респондентов.

Участниками проекта стали студенты-социологи из одного из университетов американского Среднего Запада; общее число респондентов за 16 лет составило 4245 человек в возрасте 18–22 лет; 36,6% мужчины, 85 белые, 9,5 афроамериканцы, 3,1 латиноамериканцы, 1,3% азиаты, прочие – американские индейцы и др. [с. 7]. Анонимные опросы проводились в учебное время как составная часть учебного курса. Главным итогом своей работы Шпрехер и Хэтфилд считают «новое понимание характера влияния гендера и прочих индивидуальных переменных на представления молодых американцев о важности любви как для вступления в брак, так и для его сохранения» [с. 16]. Как и в предыдущих ис-

следованиях, одним из наименее значимых показателей в рамках данного проекта оказалась гендерная принадлежность респондентов (что кардинально отличает нынешнее поколение американцев от их сверстников, отвечавших на вопрос Кепхарта 50 лет назад). Несмотря на большую ценность любви как аспекта близких отношений для девушек XXI столетия (которые не только имеют большие социальные возможности, чем респондентки Кепхарта, но и отличный от 1967 г. опыт внутрисемейной социализации: они воспитаны поколением матерей, для которых брак уже не являлся единственной гарантией материального благополучия), обязательной для брака любовь продолжают считать основная масса опрошенных. В тенденции процент юношей, придерживающихся этого мнения, за 16 лет несколько снизился, что не меняет общего вывода о том, что пол более не имеет значения при ответе на «вопрос Кепхарта», считают Шпрехер и Хэтфилд [с. 17].

Среди прочих социодемографических переменных существенным фактором признания любви в качестве обязательной предпосылки брака оказалась расовая принадлежность участников (респонденты-афроамериканцы придавали этому условию меньше значения, чем белые американцы, демонстрируя более прагматичное отношение к семейной жизни, причем мужчины-афроамериканцы чаще, чем женщины, заявляли, что «любовь – это еще не все»). Что касается личностных характеристик (самооценка, сексуальность, стиль привязанностей), то результаты лонгитюдного проекта в целом подтвердили предположения авторов: обязательным условием брака и его сохранения любовь признали респонденты с высокой самооценкой и позитивным стилем межличностных контактов; сексуальность, как и глубокая религиозность, коррелировали с тезисом о необязательности любви для семейной жизни. Недостатком своего проекта Шпрехер и Хэтфилд считают тот факт, что полученные данные не поддаются однозначной интерпретации применительно к теме «любовь, брак и развод», так как не всегда возможно дифференцировать мнение респондентов о значении любви для сохранения брака и их отношение (готовность) к разводу. Перспективным направлением в развитии данной темы авторам статьи видится анализ представлений молодого поколения американцев о разных типах любви (включая такие ее аспекты, как уровень доверия между партнерами, страсть, привязанность и верность), а также изучение влияния на их выбор «требований социоисторического времени» и этапа жизненного цикла [с. 21].

Е.В. Якимова

ХИКИКОМОРИ И НЕЕТ: ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ САМОИЗОЛЯЦИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

(Сводный реферат)¹

Реф. ст.:

1. **Li T., Wong P.** Youth social withdrawal behavior (hikikomori): A systematic review of qualitative and quantitative studies // *Australian a. New Zealand j. of psychiatry.* – Abingdon, 2015. – Vol. 49, N 7. – P. 595–609.
2. **Holte B.H.** Counting and meeting NEET young people: Methodology, perspective and meaning in research on marginalized youth // *Young.* – L., 2017. – Vol. 26, N 1. – P. 1–16.

Ключевые слова: социальная самоизоляция; молодежь; хикикомори; NEET; современное общество.

Статья китайских исследователей Тима Ли и Пола Вонга (Гонконгский университет) посвящена феномену хикикомори в современном японском обществе [1]. Термином «хикикомори» (сокращенно «хикки») обозначают людей, намеренно отказывающихся от социальной жизни и пребывающих в крайней степени самоизоляции. Они чаще всего не имеют работы и находятся на иждивении родных. Очевидно, что образ жизни хикки является одной из форм проявления эскапизма (от англ. *escape* – убежать,

¹ Впервые реферат был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2017. – № 4. – С. 118–124.

совершать побег) – стремления убежать от окружающей действительности в мир фантазий и иллюзий.

Авторы подчеркивают, что понятие «хикикомори», как правило, употребляют в научной литературе восточноазиатских стран (Японии, Китая, Южной Кореи); в то же время в европейской исследовательской традиции более распространено использование аббревиатуры NEET, которая расшифровывается как «не работает, не учится и не стажирется» («not in employment, education or training»). Под NEET-молодежью обычно подразумевают людей в возрасте 16–34 лет, которые в силу различных обстоятельств оказываются на время исключены из жизни общества. В США тех, кто долго не покидает отчий дом и живет за счет родителей, принято называть *twixters* (от англ. *betwixt* – между, т.е. между подростковым возрастом и взрослостью); даже если *twixter* находит работу, она, как правило, временна и низкооплачиваема.

В исследовании Т. Ли и П. Вонга применялся метод систематического обзора. Авторы стремились на основании обобщения имеющейся информации глубже раскрыть понятие социальной самоизоляции молодежи, а также обнаружить факторы, обуславливающие возникновение данного явления, и выявить пути их преодоления. Для поиска необходимых источников использовались крупные международные базы данных – ProQuest, ScienceDirect, Web of Science и PubMed.

Основными критериями, на основании которых отбирались тексты для анализа, стали следующие. Статья должна быть посвящена феномену молодежной самоизоляции, опубликована в научном англоязычном рецензируемом журнале, основана на результатах количественных и качественных исследований. Первоначальный поиск дал более 300 результатов. Однако впоследствии несколько десятков статей были исключены по причине неполного соответствия предложенным критериям, а результаты некоторых исследований показались авторам уже неактуальными; в итоге для анализа были отобраны 42 статьи.

В силу малоизученности феномена хикикомори данные о численности хикки в том или ином социуме достаточно приближительны. По подсчетам одних исследователей, их обычно не более 1% от общего числа населения в стране; по мнению других, не более 2–3% среди молодежи [1, с. 595–598]¹.

¹ Подробнее см., например: Lifetime prevalence, psychiatric comorbidity and demographic correlates of «hikikomori» in a community population in Japan / *Koyama A.*,

Нередко у исследователей социальной самоизоляции возникает вопрос, кого именно идентифицировать в качестве хикки. Часть ученых считают, что настоящие хикки не поддерживают личных отношений ни с кем¹, тогда как другие полагают, что хикikomори изредка общаются с членами семьи² и близкими друзьями³. Для одних исследователей главный признак принадлежности к хикikomори – «нахождение почти все дни дома»⁴; вместе с тем, по мнению других, типичный хикки время от времени позволяет себе ненадолго отлучиться из дома⁵. Вышесказанное позволило некоторым специалистам⁶ выдвинуть предположение о существовании «жестких» и «мягких» типов хикки: первые не контактируют с близкими и никогда не покидают комнаты, в которой живут,

Miyake Y., Kawakami N., Tsuchiya M., Tachimori H., Takeshima T. // Psychiatry research. – Oxford, 2010. – Vol. 176, N 1. – P. 69–74; The prevalence and correlates of severe social withdrawal (hikikomori) in Hong Kong: A cross-sectional telephone-based survey study / Wong P.W., Li T.M., Chan M., Law Y.W., Chau M., Cheng C., Fu K.W., Bacon-Shone J., Yip P.S. // International j. of social psychiatry. – L., 2015. – Vol. 61, N 4. – P. 330–342; Home visitation program for detecting, evaluating and treating socially withdrawn youth in Korea / Lee Y.S., Lee J.Y., Choi T.Y., Choi J.T. // Psychiatry a. clinical neurosciences. – Oxford, 2013. – Vol. 67, N 4. – P. 193–202.

¹ Comorbid social withdrawal (hikikomori) in outpatients with social anxiety disorder: Clinical characteristics and treatment response in a case series / *Nagata T., Yamada H., Teo A.R., Yoshimura C., Nakajima T., van Vliet I. // International j. of social psychiatry. – L., 2013. – Vol. 59, N 1. – P. 73–78; Teo A.R., Gaw A.C. Hikikomori, a Japanese culture-bound syndrome of social withdrawal? A proposal for DSM-5 // J. of nervous a. mental disease. – Baltimore (MD), 2010. – Vol. 198, N 6. – P. 444–449.*

² *Hattori Y. Social withdrawal in Japanese youth: A case study of thirty-five hikikomori clients // J. of trauma practice. – Binghamton (NY), 2006. – Vol. 4, N 3/4. – P. 181–201.*

³ *Suwa M., Suzuki K. The phenomenon of «hikikomori» (social withdrawal) and the socio-cultural situation in Japan today // J. of psychopathology. – Pisa, 2013. – Vol. 19, N 3. – P. 191–198.*

⁴ General condition of hikikomori (prolonged social withdrawal) in Japan: Psychiatric diagnosis and outcome in mental health welfare centres / *Kondo N., Sakai M., Kuroda Y., Kiyota Y., Kitabata Y., Kurosawa M. // International j. of social psychiatry. – L., 2013. – Vol. 59, N 1. – P. 81.*

⁵ Lifetime prevalence, psychiatric comorbidity and demographic correlates of «hikikomori» in a community population in Japan / *Koyama A., Miyake Y., Kawakami N., Tsuchiya M., Tachimori H., Takeshima T. // Psychiatry research. – Oxford, 2010. – Vol. 176, N 1. – P. 69–74.*

⁶ *Heinze U., Thomas P. Self and salvation: Visions of hikikomori in Japanese manga // J. of the German institute for Japanese studies. – B., 2014. – Vol. 26, N 1. – P. 151–169.*

тогда как вторые иногда коммуницируют с родными и выходят из своего «убежища». К хикикомори, как правило, относят людей, чья социальная самоизоляция длится более шести месяцев. Впрочем, некоторые предлагают снизить этот срок до трех месяцев [1, с. 598–600]¹.

Авторы выделяют психологические, социальные и поведенческие факторы, способствующие социальной самоизоляции. Большинство хикикомори выросли в чрезмерно опекающих² и обеспеченных семьях³ – в подобных условиях довольно сложно научиться быть независимыми от родительской поддержки. Иными словами, у хикки недостаточно сформирована мотивация покинуть зону комфорта и перестать бояться взаимодействий с внешним миром. Зачастую самоизоляционное поведение провоцируют высокие ожидания родителей в отношении профессиональной карьеры их детей в будущем⁴. Авторитаризм и стресс отрицательно влияют на саморазвитие, особенно в сложном и нестабильном обществе, где академический успех не всегда связан с дальнейшими карьерными перспективами. Иногда, продолжают Т. Ли и П. Вонг, к самоизоляции приводят дисфункциональные отношения в семье или со сверстниками: хикки часто становятся молодые люди, пережившие в детстве насилие или издевательства, а также имеющие проблемы с коммуникацией [1, с. 601–603].

Демонстрируемое хикикомори поведение рассматривается многими исследователями не только как социальная, но и как психиатрическая проблема⁵. И это неудивительно, ведь самоизоляция – частый симптом у тех, кто мучается от депрессии, обсессивно-компульсивного синдрома или расстройства аутистического спектра.

¹ Home visitation program for detecting, evaluating and treating socially withdrawn youth in Korea / Lee Y.S., Lee J.Y., Choi T.Y., Choi J.T. // *Psychiatry a. clinical neurosciences*. – Oxford, 2013. – Vol. 67, N 4. – P. 193–202.

² Teo A.R. A new form of social withdrawal in Japan: A review of hikikomori // *International j. of social psychiatry*. – L., 2010. – Vol. 56, N 2. – P. 178–185.

³ Does the «hikikomori» syndrome of social withdrawal exist outside Japan? A preliminary international investigation / Kato T.A., Tateno M., Shinfuku N., Fujisawa D., Teo A.R., Sartorius N., Akiyama T., Ishida T., Choi T.Y., Balhara Y.P., Matsumoto R., Umene-Nakano W., Fujimura Y., Wand A., Chang J.P., Chang R.Y., Shadloo B., Ahmed H.U., Lerthattasilp T., Kanba S. // *Social psychiatry a. psychiatric epidemiology*. – B., 2012. – Vol. 47, N 7. – P. 1061–1075.

⁴ Home visitation program for detecting, evaluating and treating socially withdrawn youth in Korea. Op. cit.

⁵ Does the «hikikomori» syndrome of social withdrawal exist outside Japan? Op. cit.

По статистике, 78% японских хикки обеспокоены собственным состоянием, и каждый второй имеет проблемы с психикой и нарушения настроения¹; многие из них страдают тяжелой формой тревожного расстройства² и интернет-зависимостью³.

Для преодоления проблем хикки специалисты предлагают различные методы вмешательства: терапевтические (медикаментозное лечение вкупе с использованием психотерапии); педагогические (специализированные образовательные программы); социальные (требующие вовлечения в социальную деятельность и наработок коммуникационных навыков). Однако, по словам Т. Ли и П. Вонга, для борьбы с самоизоляционными тенденциями в молодежной среде необходимо также применять инновационные стратегии, основанные на более глубоком понимании психологических особенностей социального эскапизма. Например, тем, кто страдает синдромом хикки, авторы считают целесообразным предложить интернет-консультации специалистов (психологов, психиатров, социальных педагогов и т.п.) через популярные сети и мессенджеры типа Facebook, WhatsApp, Twitter и т.д. Поскольку семья и школа играют значительную роль в распространении самоизоляционного поведения, родителям и педагогам, убеждены Т. Ли и П. Вонг, следует участвовать в разработке каких-либо программ по профилактике подобного поведения с учетом собственного накопленного опыта.

В целом явление молодежной самоизоляции существует во многих странах, характеризующихся сходными социально-экономическими условиями, среди которых, по мнению Т. Ли и П. Вонга, стоит выделить: резкие социальные трансформации, высокие доходы основной массы населения, жесткую систему образования и проблемы с трудоустройством (что подпитывает интерес молоде-

¹ Lifetime prevalence, psychiatric comorbidity and demographic correlates of «hikikomori» in a community population in Japan / *Koyama A., Miyake Y., Kawakami N., Tsuchiya M., Tachimori H., Takeshima T.* // *Psychiatry research.* – Oxford, 2010. – Vol. 176, N 1. – P. 69–74.

² Comorbid social withdrawal (hikikomori) in outpatients with social anxiety disorder: Clinical characteristics and treatment response in a case series / *Nagata T., Yamada H., Teo A.R., Yoshimura C., Nakajima T., van Vliet I.* // *International j. of social psychiatry.* – L., 2013. – Vol. 59, N 1. – P. 73–78.

³ *Wong V.* Youth locked in time and space? Defining features of social withdrawal and practice implications // *J. of social work practice.* – L., 2009. – Vol. 23, N 3. – P. 337–352.

жи к стратегии дауншифтинга), повсеместное использование Интернета и популярность онлайн-игр [1, с. 604–607].

Авторы статьи подчеркивают, что их обзор не претендует на всеохватность. Они понимают, что количество рассматриваемых исследований слишком мало и не позволяет экстраполировать их результаты на все сообщество хикикомори. К тому же из поля зрения ученых выпал целый пласт возможных работ, опубликованных не в англоязычных изданиях. По словам Т. Ли и П. Вонга, феномен хикикомори достаточно нов и малоизучен, поэтому специалисты, занимающиеся данной проблематикой, больше ставят вопросов, чем находят ответов.

В статье норвежского исследователя Бьорна Хольте (Специализированный университет VID, г. Осло) поднимается проблема неоднозначности и содержательной размытости категории «NEET-молодежь», к которой традиционно относят юношей и девушек, не учащихся, не работающих и не стажирующихся где-либо более шести месяцев [2]¹.

Автор отмечает, что статистические данные о количестве юношей и девушек, формально относящихся к поколению *ни-ни*, как правило, не дают возможности составить более или менее адекватный портрет представителя NEET-молодежи². По мнению Б. Хольте, прежде всего это связано с тем, что в разных исследовательских традициях у концепта NEET имеются различные коннотации. Так, С. Йетс и М. Пейн³ полагают, что концепция NEET охватывает слишком гетерогенную группу людей, к тому же классифицируя их в апофатическом смысле (говорится преимущественно о том, кем молодые люди не являются, а не о том, каковы они на самом деле) [2, с. 2–6].

В представлениях некоторых исследователей NEET – это группа людей, которая содержит множество подгрупп, обладающих особыми характеристиками и потребностями; причем только

¹ В русскоязычных научных и публицистических текстах часто в качестве аналога данного термина используется понятие «поколение *ни-ни*» («не делает *ни* того *ни* другого»). – *Прим. реф.*

² В работе Б. Хольте речь идет прежде всего о молодежи 16–20 лет, хотя обычно в социологической литературе в NEET-сообщество включают молодых людей до 35 лет. – *Прим. реф.*

³ Yates S., Payne M. Not so NEET? A critique of the use of «NEET» in setting targets for interventions with young people // J. of youth studies. – L.: Routledge, 2006. – Vol. 9, N 3. – P. 338.

некоторые из них признаются асоциальными. Итак, по мнению специалистов, к поколению *ни-ни* одинаково можно отнести:

- условно безработных;
- ограниченных в своих возможностях (молодые родители; те, кто имеет проблемы со здоровьем и т.п.);
- «свободных от обязательств» (молодые люди, которые намеренно не ищут работу и не желают учиться, а также ведущие опасный и асоциальный образ жизни);
- формально «социально исключенных», но ищущих возможность включиться в полноценную общественную жизнь;
- тех, кто добровольно выбрал жизненную траекторию представителя NEET («вечные» путешественники и те, кто нацелен на конструктивную творческую деятельность и саморазвитие, – «вольные» художники, музыканты и пр.) [2, с. 7]¹.

В то же время автор отмечает, что статистические данные, как правило, не учитывают, что, оставаясь *де-юре* вне работы и учебы, юноша или девушка могут быть заняты в семейном бизнесе, осуществлять волонтерскую деятельность, выполнять функции активистов религиозных или общественных организаций. Существенную помощь в решении названных проблем, уверен Б. Хольте, могут оказать качественные исследования, более полно раскрывающие самые разные, иногда трудно предугадываемые, аспекты жизни современной молодежи².

Опираясь на результаты собственных научных изысканий, Хольте замечает, что в общественном сознании во многом сложился сугубо отрицательный образ представителя NEET-сообщества. Так, по мнению большинства норвежских обывателей, не учатся и не работают, как правило, юноши с девиантными наклонностями, рискующие в будущем пополнить ряды преступников, религиозных или политических экстремистов. Примечательно, что благодаря патриархальным представлениям о «домашней» роли женщины в семье неучащиеся и неработающие девушки зачастую воспринимаются как некий вариант нормы.

¹ NEETs: Young people not in employment, education or training: Characteristics, costs and policy responses in Europe / Eurofound. – Luxembourg: Publications office of the European Union, 2012. – P. 24.

² Grødem A.S., Nielsen R.A., Strand A.H. Unge mottakere av helserelaterte ytelser: Fordelingen mellom offentlig og familiebasert forsørgelse av unge NEET (Young recipients of health-related benefits: The distribution between public and family provision for young NEETs). – Oslo: FAFO, 2014. – S. 96–101.

Помимо этого, существует проблема самоидентификации и стигматизации NEET-молодежи. Нередко даже те, кто по формальным признакам точно относится к группе *ни-ни*, не хотят признаваться в этом исследователям, поскольку опасаются выглядеть социально уязвимыми маргиналами. Надо ли говорить о том, что страх респондента перед возможной стигматизацией серьезно осложняет «полевую» работу ученого?

Поэтому, по мнению Б. Хольте, исследователям необходимо изучать не столько собственно NEET-молодежь, сколько те социальные группы, в которых представители NEET-сообщества должны присутствовать (например, волонтеров, молодых матерей, правонарушителей и т.п.). Позже, после знакомства с несколькими нужными информантами, дальнейший отбор участников исследования может осуществляться методом «снежного кома» [2, с. 10–12].

М.А. Ядова

БУЛЛИНГ В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

(Сводный реферат)¹

Реф. ст.:

1. *DeCamp W., Newby B. From bullied to deviant: The victim – offender overlap among bullying victims // Youth violence a. juvenile justice. – Thousand Oaks (CA), 2015. – Vol. 13, N 1. – P. 3–17.*
2. *Faris R., Felmlee D. Casualties of social combat: School networks of peer victimization and their consequences // American sociological rev. – Wash., 2014. – Vol. 79, N 2. – P. 228–257.*

Ключевые слова: буллинг и его последствия; агрессия; подростки; школа; сетевой анализ.

В реферируемых статьях анализируются различные стороны такого сложного социокультурного феномена, как буллинг в подростковой среде. Буллинг – слово английского происхождения (от англ. *bully* – хулиган, грубиян, задира), обозначающее травлю, психологический террор, агрессивное преследование кого-либо. Не секрет, что данное явление имеет широкое распространение в организованных детских коллективах, в том числе школьных. За последние десятилетия понятие «буллинг» прочно вошло в научный

¹ Впервые реферат был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2015. – № 3. – С. 125–135.

обиход социологов, психологов и педагогов, став общепризнанным международным социально-психологическим термином.

Статья американских социологов Уитни ДеКэмп (Университет Западного Мичигана, г. Каламазу) и Брайана Ньюби (Университет штата Делавэр, г. Ньюарк) посвящена последствиям школьной травли для детей, оказавшихся в роли жертв [1]. Авторы исследования попытались выяснить, существует ли связь между пережитым опытом издевательств и склонностью человека к поведенческим девиациям.

По словам ДеКэмп и Ньюби, несмотря на множество работ о подростковом буллинге, эта тема по-прежнему остается недостаточно изученной. Большинство исследований, посвященных травле в учебных коллективах¹, фокусируются на общем описании явления и статистическом учете случаев насилия подростков в отношении ровесников. Однако ученые, как правило, игнорируют проблему влияния пережитого опыта издевательств на дальнейшую жизнь и взгляды потерпевших. Вместе с тем некоторые данные свидетельствуют о крайне неблагоприятном воздействии травли на последующее поведение человека: испытывавшие на себе агрессию одноклассников впоследствии нередко становятся правонарушителями [1, с. 3–5].

ДеКэмп и Ньюби, стремясь преодолеть указанную исследовательскую лакуну, сосредоточиваются на долгосрочных эффектах воздействия на мировоззрение и поведение жертв. Их работа базируется на результатах начавшегося в 1997 г. в США масштабного «Национального лонгитюдного исследования молодежи» (NLSY97), которое охватило 8984 юношей и девушек, родившихся в период с 1980 по 1984 г. Повторные «срезы» с теми же участниками проводились ежегодно до достижения ими 18 лет.

Основным методом анализа стал достаточно новый в статистике метод подбора контрольной группы по индексу соответствия (англ. *propensity score matching*, или PSM), по сути являющийся усложненным вариантом мэтчинга (*matching*)².

¹ См.: Campbell A. Self-reporting of fighting by females: A preliminary study // British j. of criminology. – L., 1986. – Vol. 26, N 1. – P. 28–46; Bullying in 25 secondary schools: Incidence, impact and intervention / Glover D., Gough G., Johnson M., Cartwright N. // Educational research. – L., 2000. – Vol. 42, N 2. – P. 141–156; Graham J., Bowling B. Young people and crime. – L.: Home office, 1995. – (Home office research study; N 145).

² Мэтчинг представляет собой метод целенаправленного отбора с целью нахождения сопоставимых единиц в наборе данных. Методика подбора

В исследовании ДеКэмп и Ньюби процедура поиска соответствий включала несколько этапов. Вначале была дихотомизирована независимая переменная, фиксирующая наличие или отсутствие у респондента опыта буллинга, что позволило разделить общее число наблюдаемых случаев на контрольную и экспериментальную группы. Участники опроса, не подвергавшиеся «террору» со стороны одноклассников, были отнесены к контрольной группе, а школьники-виктимы – к экспериментальной. На следующем этапе для каждого информанта рассчитывалась индивидуальная вероятность быть подвергнутым травле. После этого был проведен поиск соответствий, когда каждому наблюдению из экспериментальной группы подыскивалось наблюдение из контрольной с максимально близкой индивидуальной вероятностью пострадать от буллинга. В итоге авторы получили новую так называемую совпадающую выборочную совокупность (*matched sample*), в которую вошли пары наблюдений из двух групп, «виктимной» и «обычной» [1, с. 6–7].

Что касается зависимых переменных, то они были распределены по нескольким содержательным блокам: уличная преступность, девиантность, употребление психоактивных веществ и социальные последствия. Авторы статьи предположили, что техника PSM-анализа позволит обнаружить, существует ли связь между опытом пребывания в роли жертвы буллинга и совершенными в дальнейшем противоправными действиями¹.

Вопросы, имеющие отношение к уличной преступности, акцентировались на наличии у респондентов опыта правонарушений. Участников опроса спрашивали, совершали ли они когда-либо акты вандализма, порчу чужого имущества, мелкие и крупные кражи, а также нападали ли на других людей или были членами уличных банд. Вопросы «девиационного» блока помогали выявить

контрольной группы по индексу соответствия базируется на ином понимании схожести: исследователь не сравнивает значения ковариат напрямую, а стремится определить вероятность отнесения случая к «экспериментальной» группе при заданных фоновых характеристиках. – *Прим. редф.*

¹ По словам ДеКэмп и Ньюби, гипотеза о наличии подобной связи согласуется с рядом современных исследований. См., например: *Carbone-Lopez K., Esbensen F., Brick B.T.* Correlates and consequences of peer victimization: Gender differences in direct and indirect forms of bullying // *Youth violence a. juvenile justice*. – Thousand Oaks (CA), 2010. – Vol. 8, N 4. – P. 332–350; *Gender, bullying victimization and juvenile delinquency: A test of general strain theory / Cullen F.T., Unnever J.D., Hartman J.L., Turner M.G., Agnew R.* // *Victims a. offenders*. – Philadelphia (PA), 2008. – Vol. 3, N 4. – P. 346–364.

склонность информантов ко лжи / обману, бродяжничеству (фиксировались случаи ухода из родительского дома), проявлению сексуальной распушенности (задавались вопросы о возрасте начала половой жизни и количестве половых партнеров). В категорию «Употребление психоактивных веществ» вошли вопросы о «взаимоотношениях» респондентов с алкоголем и марихуаной; в числе прочего собирались данные о возрасте первого употребления алкоголя. И наконец, в целях выяснения социальных последствий для жертв буллинга информантов спрашивали, не имели ли они опыта исключения из школы и ареста правоохранительными органами. В целом опрос позволил социологам проследить жизнь американских подростков в наиболее важный для них – формативный – возрастной период (с 12 до 18 лет) [1, с. 7–8].

Сравним, продолжают авторы, как изменились средние значения наблюдаемых переменных после проведения процедуры поиска соответствий. Так, оказалось, что молодежь, испытывавшая на себе издевательства сверстников, тяготеет к уличным преступлениям. Виктимные юноши и девушки по сравнению со своими более благополучными сверстниками имеют склонность к проявлению вандализма, обману, воровству, дракам и бродяжничеству. Также для виктимов обоих полов существует достаточно сильная вероятность быть исключенными из школы.

Однако некоторые ответы респондентов обнаруживают специфические гендерные различия. Например, виктимных девушек от невиктимных отличает рискованное сексуальное поведение, в то же время у юношей, независимо от наличия или отсутствия пережитого ими опыта травли, подобной разницы не прослеживается. В юношеской подвыборке не замечено явных отличий и в отношении к употреблению психоактивных веществ; правда, у виктимов средний возраст приобщения к алкоголю ниже, чем в группе их сверстников, не подвергавшихся буллингу. У девушек, напротив, эти различия очевидны: жертвы более склонны к употреблению алкоголя и курению «травки». Стремясь к объективности, авторы статьи подчеркивают, что полученные ими данные носят противоречивый характер: они согласуются с результатами одних исследований схожей тематики¹ и вместе с тем опровергаются работами

¹ Carbone-Lopez K., Esbensen F., Brick B.T. Correlates and consequences of peer victimization: Gender differences in direct and indirect forms of bullying // Youth violence a. juvenile justice. – Thousand Oaks (CA), 2010. – Vol. 8, N 4. – P. 332–350.

других авторов¹. ДеКэмп и Ньюби полагают, что значительная гендерная дифференциация обусловлена различиями в эмоциональных и поведенческих реакциях юношей и девушек на издевательства. Впрочем, пишут они, данный вопрос открыт и ждет подробного изучения [1, с. 9–11].

Настоящая работа является поисковой и ставит множество нетривиальных, требующих решения вопросов, уверены авторы. В качестве недостатка своего исследования они отмечают возможное искажение результатов за счет смещения выборки (*selection bias*) и не совсем корректного сравнения сильноконтрастных групп. К сожалению, метод вероятностных соответствий, который дает возможность сбалансировать группы по наблюдаемым признакам и тем самым облегчает расчет эффектов воздействия, решает эту проблему лишь частично. Помимо этого, мэтчинг не преодолевает трудностей, связанных с так называемой ненаблюдаемой гетерогенностью, или неучетом латентных переменных.

Кроме того, информация о виктимном опыте респондентов является неполной, поскольку исследователи обращали внимание лишь на случаи издевательств, произошедшие с участниками в раннем подростковом возрасте (до 12 лет). Поэтому авторам статьи кажется продуктивным проведение в будущем схожего опроса среди молодежи. Новое исследование, вероятно, поможет сделать межкогортные сравнения и даст ответ на вопрос, в каком возрасте – подростковом или юношеском – влияние буллинга более травматично [1, с. 12–13].

Вместе с тем несомненным достоинством работы У. ДеКэмпа и Б. Ньюби является интерес к малоизученной стороне проблемы: к сожалению, жертвы буллинга в отличие от самих булли обделены вниманием ученых.

Продолжает поднятую тему исследование американских социологов Роберта Фэриса (Калифорнийский университет, г. Дэвис) и Дианы Фелмли (Университет штата Пенсильвания, г. Юниверсити-Парк), которое опровергает расхожее представление о том, что жертвами буллинга обычно становятся социально уязвимые маргиналы [2]. По мнению авторов, агрессии со стороны сверстников нередко подвергаются популярные в своей среде подростки, а издеательства над ними есть не что иное, как способ соперничества. В то же время дети, занимающие самые высокие статусные пози-

¹ Gender, bullying victimization and juvenile delinquency. Op. cit.

ции в классе, лишены риска стать жертвой или тиранящим других булли.

Авторы статьи замечают, что многочисленные эмпирические исследования молодежной виктимности сформировали стереотип о том, что буллингу подвергаются в основном робкие, необщительные или стигматизированные дети¹. Подобные рассуждения, являясь, по сути, общим местом в работах о школьной травле, почти не подвергаются сомнению. Фэрис и Фелмли призывают специалистов пересмотреть привычные трактовки, взглянув на имеющуюся проблему под другим углом зрения [2, с. 228–229].

Кратко остановимся на выдвинутых исследователями гипотезах. Во-первых, полагают авторы, отставание в физическом развитии, низкая самооценка и социальная изоляция действительно должны повышать риск оказаться жертвой агрессоров-булли. Впрочем, это предположение подтверждается большинством эмпирических исследований². В то же время, замечают социологи, число детей, имеющих объективные проблемы физического или психоэмоционального характера, ничтожно мало, однако, по данным массовых опросов, почти пятая часть американских подростков признаются в том, что их травят в школе³. А это значит, что в жернова коллективной травли может попасть даже благополучный ребенок. В связи с этим, продолжают Фэрис и Фелмли, стоит вспомнить, что в подростковой среде зачастую наиболее популярными считаются дети с повышенным уровнем агрессии, использующие насилие в качестве инструмента достижения и поддержа-

¹ Подробнее см.: *Graham S., Juvonen J.* Self-blame and peer victimization in middle school: An attributional analysis // *Developmental psychology*. – Wash., 1998. – Vol. 34, N 3. – P. 587–599; *Hay D., Payne A., Chadwick A.* Peer relations in childhood // *J. of child psychology a. psychiatry*. – Malden (MA), 2004. – Vol. 45, N 1. – P. 84–108; *Hodges E., Perry D.* Personal and interpersonal antecedents and consequences of victimization by peers // *J. of personality a. social psychology*. – Wash., 1999. – Vol. 76, N 4. – P. 677–685.

² См., например: *De Bruyn E., Cillessen A.H.N., Wissink I.* Associations of peer acceptance and perceived popularity with bullying and victimization in early adolescence // *J. of early adolescence*. – L., 2010. – Vol. 30, N 4. – P. 543–566; *Bullying behaviors among US youth: Prevalence and association with psychosocial adjustment / Nansel R., Overpeck M.D., Pilla R., Ruan W.J., Simons-Morton B., Scheidt P.* // *J. of the American medical association*. – Chicago (IL), 2001. – Vol. 285, N 16. – P. 2094–2100.

³ *Bullying behaviors among US youth.* Op. cit.

ния власти¹. Неудивительно, что увеличение социального статуса влечет за собой усиление агрессии, по крайней мере до момента достижения лидером вершины иерархической лестницы, на которой ему никто не будет угрожать². Опыт показывает, что травля сильного соперника «ценится» и социально вознаграждается выше, чем «стандартные» издевательства сильного над слабым³. Таким образом, агрессивные действия подростков носят прагматично-инструментальный характер, подчиняясь своеобразной логике [2, с. 230–231].

Данное рассуждение приближает нас ко второй гипотезе: «По мере продвижения индивида к центральной компоненте социальной сети, обозначающей позицию лидера класса, увеличиваются его шансы оказаться жертвой буллинга; в то же время достижение вершины социальной иерархии этот риск снижает» [2, с. 233].

В-третьих, пишут исследователи, в каждом классе существуют подростки, поддерживающие дружественные связи с противоположным полом; в коллективах, где межгендерные взаимодействия нетипичны, такие отношения становятся весомым социальным ресурсом. Поэтому продолжительная систематическая травля подростков – «проводников» межгендерной дружбы маловероятна [2, с. 233–234].

В-четвертых, предполагают Фэрис и Фелмли, девушки имеют больше шансов стать мишенью агрессии одноклассников. По результатам некоторых исследований, основные причины издевательств над девочками кроются в их популярности у сверстников и неумении постоять за себя⁴. В то же время другие авторы отмечают, что слабый пол в силу меньшей конфликтности редко подвер-

¹ Cillessen A.H.N., Mayeux L. From censure to reinforcement: Developmental changes in the association between aggression and social status // *Child development*. – Chicago (IL), 2004. – Vol. 75, N 1. – P. 147–163; Garandeau C.F., Ahn H.-J., Rodkin P.C. The social status of aggressive students across contexts: The role of classroom status hierarchy, academic achievement and grade // *Developmental psychology*. – Arlington (VA), 2011. – Vol. 47, N 6. – P. 1699–1710.

² Faris R., Felmlee D. Status struggles: Network centrality and gender segregation in same- and cross-gender aggression // *American sociological rev.* – Menasha (WI), 2011. – Vol. 76, N 1. – P. 48–73.

³ Faris R. Aggression, exclusivity and status attainment in interpersonal networks // *Social forces*. – Chapel Hill (NC), 2012. – Vol. 90, N 4. – P. 1207–1235.

⁴ Overt and relational aggression and victimization: Multiple perspectives within the school setting / Putallaz M., Grimes C., Foster K., Kupersmidt J., Coie J., Dearing K. // *J. of school psychology*. – Thousand Oaks (CA), 2007. – Vol. 45, N 5. – P. 459–586.

гается нападкам буллии¹. Существует и третья точка зрения, согласно которой представители обоих полов с одинаковой частотой испытывают на себе воздействие буллинга [2, с. 234]².

Наконец, последняя гипотеза касалась последствий, которые несет жертвам систематический психофизический террор со стороны одноклассников. Фэрис и Фелмли, ссылаясь на результаты других исследований³, предположили, что буллинг не проходит бесследно, ввергая жертв в состояние психологического дистресса и социальной маргинализации; причем популярность увеличивает неблагоприятные психологические и социальные эффекты виктимизации [2, с. 234–235].

Проверка выдвинутых гипотез потребовала проведения эмпирического исследования, в ходе которого были опрошены учащиеся 19 американских средних школ штата Северная Каролина. По словам авторов, для моделирования социальной сети использовалась часть данных гигантского, включавшего семь волн (более 8 тыс. участников) научного проекта на тему дружбы в подростковом возрасте. Настоящее исследование охватило 4214 учащихся 8–10 классов и основывалось на результатах четвертой (осень 2004 г.) и пятой волн (весна 2005 г.). При работе с данными использовался сетевой анализ, цель которого, как известно, состоит в моделировании структурных взаимодействий между социальными единицами. На основе полученных результатов были построены модели социальных сетей, отображающие сложившиеся в классах межличностные связи и дружеские компании, а также наиболее явных лидеров школьного коллектива.

В ходе опроса респондентов просили назвать имена пятерых лучших друзей, а также сообщить, подвергались ли они когда-либо буллингу или, может быть, сами участвовали в издевательствах над другими. Причем информанты были предупреждены о необ-

¹ См., например: *Bullying behaviors among US youth: Prevalence and association with psychosocial adjustment* / Nansel R., Overpeck M.D., Pilla R., Ruan W.J., Simons-Morton B., Scheidt P. // J. of the American medical association. – Chicago (IL), 2001. – Vol. 285, N 16. – P. 2094–2100.

² The complex relation between bullying, victimization, acceptance and rejection: Giving special attention to status, affection and sex differences / Veenstra R., Lindenberg S., Munniksma A., Dijkstra J. // *Child development*. – Chicago (IL), 2010. – Vol. 81, N 2. – P. 480–486.

³ См., например: *Baldry A.C. The impact of direct and indirect bullying on the mental and physical health of Italian youngsters* // *Aggressive behavior*. – N.Y., 2004. – Vol. 30, N 5. – P. 343–355.

ходимости говорить лишь о серьезных происшествиях, не беря в расчет безобидные приятельские подтрунивания. Впоследствии итоговые данные, состоявшие из двух отдельных баз по «жертвам» и «агрессорам», были сведены в единую матрицу. Для каждого участника рассчитывалось индивидуальное расстояние, на котором он находится от центральной – «лидерской» – компоненты социальной сети [2, с. 235–237].

Что касается социально-демографических сведений, то в опросе принимали участие 52% девушек и 48% юношей, большую часть которых составили белые (56%) и афроамериканцы (33%). Большинство респондентов – выходцы из полных, достаточно образованных семей (хотя бы один из родителей учился в колледже), ведущие активный образ жизни (занимаются спортом, ходят на свидания).

Авторы выделяют две формы школьного буллинга – физическую и нефизическую. Для первой характерны различные виды физических притеснений, начиная с тычков, пинков и заканчивая нанесением травм. Нефизические преследования выражаются в словесных оскорблениях или проявлении косвенной агрессии (распространение сплетен, слухов, высмеивание, ostrакизм).

В целом результаты опроса подтвердили большую часть выдвинутых гипотез. Исследователи отметили, что, несмотря на существование агрессии по отношению к социально депривированным детям, буллингу подвержены преимущественно не «слабые», а «сильные», пользующиеся популярностью подростки. В той или иной мере испытывают на себе систематические издевательства одноклассников около трети опрошенных. Наиболее жесточесные преследования, как и предполагалось, начинаются на подступах к лидерским позициям, и лишь около 5% явных «королей» и «королев» школы не только недоступны для травли, но и сами никого не третируют.

Подобная ситуация имеет место как в юношеских, так и в девичьих компаниях. В то же время девушки чаще подвергаются агрессии со стороны одноклассников и одноклассниц. По словам авторов, это связано с общественными представлениями о должном гендерном поведении в конфликтных ситуациях и налагаемыми в связи с этим ограничениями. К тому же женская травля изощреннее мужской: в борьбе с соперницами, как правило, в ход идут самые сильные средства косвенной агрессии – сплетни, доносы, клевета.

По замечанию Фэриса и Фелмли, интенсивность проявлений буллинга зависит от господствующей в школе модели гендерной сегрегации. Так, уровень агрессии между учащимися снижается по мере развития в учебном коллективе межгендерных взаимоотношений. Вместе с тем в коллективах, характеризующихся слабыми взаимодействиями между юношами и девушками, дружба с представителями противоположного пола способствует продвижению по иерархической лестнице [2, с. 238–243].

Примечательно, что агрессивное поведение сродни болезни и в некотором роде «заразно». Например, друзья жертвы или подростка-булли имеют значительные шансы быть втянутыми в конфликт в будущем, что может привести к ситуации «войны всех против всех» и криминализации школьной атмосферы.

Жертвы буллинга, как правило, постоянно испытывают множество отрицательных эмоций (грусть, тревогу, гнев, фрустрацию), что в свою очередь нередко приводит к депрессиям и проблемам с успеваемостью. Причем негативные последствия травли более болезненны для популярных подростков, чем для тех, кто привык к положению изгоя. Даже единичные случаи издевательств жертвы, не склонные к виктимным поведенческим моделям, воспринимают особенно остро, считая их посягательством не только на статус, но и на собственную личность. Впрочем, предостерегают от преждевременных выводов авторы, не стоит считать, что дети-изгои заслуживают меньшего участия, чем те, кого травят из чувства соперничества [2, с. 250–251].

Таким образом, проведенные исследования обнаружили, что кажущийся на первый взгляд безобидным школьный буллинг имеет опасные психологические последствия для его жертв, а виктимизация в подростковом возрасте может отразиться на всей последующей жизни человека. На наш взгляд, представленная в статьях У. ДеКэмп, Б. Ньюби, Р. Фэриса и Д. Фелмли информация была бы эффективна для выработки рекомендаций по профилактике и предотвращению случаев агрессии в детско-юношеских коллективах.

М.А. Ядова

Райт М.Ф.

**КИБЕРВИКТИМИЗАЦИЯ
И ВОСПРИНИМАЕМЫЙ СТРЕСС:
СВЯЗЬ КИБЕРАГРЕССИИ С ОСОБЕННОСТЯМИ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ¹**

Реф. ст.: *Wright M.F.*

Cyber victimization and perceived stress: Linkages to late adolescents' cyber aggression and psychological functioning // Youth a. society. – L.; Thousand Oaks (CA), 2015. – Vol. 47, N 6. – P. 789–810.

Ключевые слова: кибервиктимизация; киберагрессия; стресс; депрессия; беспокойство.

В статье Мишель Ф. Райт (Масариков университет, г. Брно, Чешская Республика) анализируются результаты проведенного ею исследования, которое было посвящено проблеме взаимосвязи проявлений кибервиктимизации, киберагрессии и особенностей психологического функционирования в подростковом возрасте.

Киберагрессия, по словам автора, является распространенной в интернет-среде формой девиантного поведения и подразумевает унижение, манипулирование, остракизм по отношению к жертве [с. 790]. В свою очередь кибервиктимизация – происходящий в виртуальном пространстве процесс, в результате которого

¹ Впервые реферат был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2016. – № 4. – С. 61–65.

человек превращается в жертву. Чтобы объяснить связь между кибервиктимизацией и киберагрессией, исследовательница апеллирует к общей теории напряжения (*general strain theory*), согласно которой такие негативные эмоции, как гнев и фрустрация, усиливаются в результате психологического давления или различных стрессовых факторов¹ [с. 791]. Стресс может быть вызван отсутствием положительного стимула, блокированием цели или негативными стимулами. В связи с этим опыт переживания кибервиктимизации и желание справиться с негативными эмоциями может стать причиной выбора подростками неудачных стратегий нивелирования стресса, в том числе таких как киберагрессия.

Автор статьи отмечает, что подростки, достаточно редко сталкиваясь с тяжелыми стрессовыми ситуациями (*major stressors*), зачастую не в состоянии избежать незначительных ежедневных стрессов (*minor stressors*) типа конфликтных ситуаций со сверстниками, споров с родителями, проблем в школе². Однако даже малозаметные факторы стресса могут приводить к негативным эмоциям и нарушению питания³. Вследствие этого М. Райт строит предположение, что выражение агрессии в виртуальной реальности становится для подростка своего рода «отдушиной» и возможностью ослабить переживаемый стресс с минимальными для себя негативными последствиями.

С целью проверки этой гипотезы и выявления корреляции между кибервиктимизацией, киберагрессией и стрессовыми факторами автором статьи было проведено лонгитюдное онлайн-тестирование подростков. На первом этапе изучался уровень стресса, вызванного ближайшим окружением (родителями, сверстниками, учителями) участников проекта, а также проявления кибервиктимизации в подростково-юношеской среде. На втором этапе осуществлялось исследование уровня киберагрессии, депрессии и беспокойства у респондентов год спустя. Изначально в тестировании приняли участие 450 юношей и девушек, контакт с которыми устанавливался через социальную сеть Facebook; спустя

¹ *Agnew R.* Foundation for a general strain theory of crime and delinquency // *Criminology*. – St. Louis (MO), 1992. – Vol. 30, N 1. – P. 47–87.

² Coping with daily hassles in the peer group in early adolescence: Variations as a function of peer experience / *Bowker A., Bukowski W.M., Hymel S., Sippola L.K.* // *J. of research on adolescence*. – Mahwah (NJ), 2000. – Vol. 10, N 2. – P. 211–243.

³ *Auerbach R.P., Kertz S., Gardiner C.K.* Predicting adolescent risky behavior engagement: The role of cognitive vulnerability and anxiety // *International j. of cognitive therapy*. – N.Y., 2012. – Vol. 5, N 3. – P. 300–315.

год выборка сократилась до 423 респондентов. Такой способ отбора респондентов был неслучаен: предполагалось, что те, кто кликнулся на предложение принять участие в проекте, с большей вероятностью сталкивались с проявлениями киберагрессии или кибервиктимизации [с. 795].

Отобранном по определенным критериям подросткам (учащиеся 11–12 классов; жители Чикаго; те, кто имеет открытый профиль в Facebook) отправлялось сообщение с описанием нюансов исследования. Также в сообщении упоминалось, что для участников анкетирования, не достигших 18-летия, необходимо согласие родителей (в этом случае родители заполняли специальную форму разрешения). После принятия условий анкетирования респонденты перенаправлялись на страницу вопросника.

Анкета состояла из нескольких разделов: личная информация, киберагрессия, кибервиктимизация, беспокойство, депрессия. Также она включала вопросы относительно видов стресса: со стороны родителей, сверстников и учителей. Аудитория респондентов – учащиеся 11 классов в возрасте от 16 до 18 лет. Спустя год проводился повторный опрос. На этом этапе вопросник содержал следующие разделы: личная информация, киберагрессия, беспокойство, депрессия.

Для оценки ряда категорий (воспринимаемый стресс, беспокойство, депрессия) автор исследования использовала уже существующие методики тестирования, например «Перечень симптомов беспокойства» Бека¹. Для исследования же относительно новых в социологии категорий – киберагрессии и кибервиктимизации – была разработана анкета из 13 вопросов, ориентированных на изучение специфики проявлений агрессии и виктимизации в виртуальной среде. Так, тестом «на кибервиктимизацию» стал вопрос: «Как часто ваши сверстники распространяют дурные слухи о вас в Интернете или с помощью текстовых сообщений?» В то же время уровень киберагрессии, например, измерялся в том числе на основании ответа на вопрос: «Как часто лично Вы распространяете плохие слухи о сверстниках в Интернете или с помощью текстовых сообщений?» [с. 795]. Основным методом исследования стало структурное регрессионное моделирование (structural regression model).

¹ Beck A.T., Steer R.A. Manual for the Beck anxiety inventory. – San Antonio (TX): Psychological corp., 1990.

Анализ полученных данных показал, что все исследуемые факторы стресса (родители, сверстники, учителя) усиливают процесс подростковой кибервиктимизации, провоцируя у последних депрессию и беспокойство. При этом не была выявлена связь между полом, этническим происхождением респондентов и проявлениями ими киберагрессии или кибервиктимизации [с. 799]. Помимо этого, найдена следующая закономерность: сильный уровень стресса усиливает взаимосвязь кибервиктимизации и киберагрессии. Также была верифицирована взаимозависимость кибервиктимизации и депрессии при значительных показателях какого-либо из факторов стресса (родители / сверстники / учителя) в сочетании с киберагрессией. Райт обнаруживает, что симптомы депрессии проявляются острее при более высоком уровне стресса, кибервиктимизации и киберагрессии [с. 798]. По словам автора, широкое применение технических устройств делает новые средства связи чрезвычайно популярными в молодежной среде; в конечном итоге это приводит к тому, что негативный опыт общения в виртуальном мире переживается подростками не менее остро, чем в реальности.

В результате проведенного исследования была подтверждена гипотеза о влиянии трехсторонней связи кибервиктимизации, киберагрессии и второстепенных ежедневных стрессов на проявление депрессии. Было обнаружено, что жертвы виртуальной агрессии, находящиеся под воздействием незначительных факторов стресса, как правило, страдают от депрессии [с. 802]. Также, по словам автора статьи, киберагрессия и кибервиктимизация часто сопутствуют друг другу. Например, согласно результатам повторного опроса, респонденты, пережившие опыт кибервиктимизации, спустя время сами начинали демонстрировать агрессивное поведение в виртуальном пространстве. Райт объясняет этот факт желанием прежних жертв нивелировать стресс, «выплеснув» негативные эмоции на собеседников в Сети.

Подводя итоги, М.Ф. Райт отмечает, что пережитый опыт виктимизации в виртуальном пространстве представляет собой значительный стресс для подростков и может в дальнейшем подталкивать жертву к выбору таких неуспешных стратегий поведения, как киберагрессия и кибербуллинг. Таким образом, кибервиктимизация, киберагрессия и ежедневный стресс могут породить взаимосвязанный «порочный» круг из агрессивных и неадекватных действий.

Размышляя о перспективах изучения данной темы, Райт предполагает, что эмпирическим объектом исследования могут

быть не только старшие подростки, но и дети, так как агрессивное поведение в Сети нередко проявляется в совсем юном возрасте, например с пяти-семи лет, когда дети начинают использовать мобильные устройства для выхода в Интернет и общения. Также, по мнению социолога, представляется интересным исследование «ответного» проявления агрессии, следующего сразу после пережитого буллинга и стресса. Кроме того, автор статьи считает полезным в дальнейшем разделить понятие жертвы на пассивную и провоцирующую. Подобное деление, на ее взгляд, должно дать дополнительную информацию о том, как процесс кибервиктимизации сочетается со спецификой психологического функционирования подростков.

Ю.О. Кондрашова

**ЭТА «ОПАСНАЯ» ФЕМИННОСТЬ:
ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ СТРЕССОВЫХ
ПЕРЕЖИВАНИЙ МОЛОДЫХ ШВЕДСКИХ ЖЕНЩИН /
СТРЁМБЁК М., ФОРМАРК Б., ВИКЛУНД М.,
МАЛЬМГРЕН-ОЛССОН Е.-Б¹**

**Реф. ст.: The corporeality of living stressful femininity:
A gender-theoretical analysis of young Swedish women's
stress experiences / *Strömböck M., Formark B., Wiklund M.,
Malmgren-Olsson E.-B.* // Young. – L., 2014. – Vol. 22, N 3. –
P. 271–289.**

Ключевые слова: стресс; молодые женщины; Швеция; гендер и тело; концепты женственности; феминизм.

В центре внимания шведских исследовательниц Марии Стрёмбёк, Бодиль Формарк, Марии Виклунд и Евы-Бритт Мальмгрен-Олссон (все – из Университета г. Умео) – негативные эмоциональные переживания современных молодых женщин, находящихся под давлением существующих социальных стереотипов феминности. Авторы исследования обнаружили, что нормативные представления о женственности, сложившиеся в последние годы в западном обществе, зачастую становятся причиной экзистенциального личностного конфликта в среде девушек-подростков и молодых женщин. Погоня девушек за успехом любой ценой при-

¹ Впервые реферат был опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2016. – № 3. – С. 93–97.

водит к потере ими контроля над своим телом и, по сути, собственной личностью.

Представленные в статье данные основываются на результатах индивидуальных глубинных интервью с 25 молодыми женщинами, которые в период с 2007 по 2008 г. посещали курсы по управлению стрессом в Молодежном центре здоровья в северной части Швеции. Обратившихся за помощью беспокоили усталость, чувство тревоги, депрессия, расстройства сна и пищевого поведения. Возраст участниц исследования – от 17 до 25 лет. Все они обладают разным уровнем образования: почти половина из них учатся в средней школе или в университете; некоторые обучаются по муниципальным учебным программам для взрослых или работают; часть опрошенных безработные либо временно нетрудоспособны (по состоянию здоровья). Подавляющее большинство опрошенных – горожанки, выросшие в Швеции. Большая часть респонденток живут отдельно от родителей, хотя есть и те, кто еще не покинул отчий дом; ни у одной участницы исследования нет своих детей [с. 271–273].

Теоретическую базу исследования составили идеи приверженцев феминистского подхода – Симоны де Бовуар, Айрис Мэрион Янг и Джудит Батлер. Так, согласно взглядам С. де Бовуар, исторически мужчине предоставлялось право на трансцендентность, дающее возможность активно действовать во внешнем мире и достигать поставленных целей. Женщине же на протяжении многих веков социокультурная традиция отводила скромную роль продолжательницы рода и хранительницы домашнего очага, т.е. предписывала жизнь в рамках имманентности – пассивного однообразного существования. По мнению де Бовуар, конфликт между должным (замкнутость на имманентности) и желаемым (потребность в трансцендентности) составляет главную трагедию в жизни каждой женщины¹.

Воззрения де Бовуар развивает концепция *подавленной интенциональности*, предложенная американским политологом А.М. Янг². Наблюдая за особенностями женских поз, исследовательница заметила, что конфликт имманентного и трансцендентного влияет на движения женского тела. В то время как мальчиков с детства учат стремиться к расширению границ своего бытия и

¹ Beauvoir S. de. The second sex. – N.Y.: Knopf, 2010.

² Young I.M. On female body experience: «Throwing like a girl» and other essays. – N.Y.: Oxford univ. press, 2005.

реализации задуманного (достижение ощущения «я могу»), попытки самовыражения девочек ограничены представлениями о нормальном в женском поведении. Последнее, к сожалению, создает плодотворную почву для развития у представительниц слабого пола робости и неуверенности в себе, ощущения, что «я многое не могу».

Близка настоящим идеям и *перформативная концепция гендерной идентичности*, которая была предложена американским философом Дж. Батлер¹. Автор концепции считает недопустимым строить представления об истинной природе женщины или мужчины, основываясь на особенностях строения их тела. Гендер, полагает она, является всего лишь следствием повторяющихся *перформативных действий*, кажущихся естественными за счет многократного воспроизведения.

Помимо этого, по словам социального историка Джоан Брумберг, в сегодняшнем мире женское тело превратилось в бесконечный объект потребления². Причем популярные социокультурные конструкты женственности фокусируются в первую очередь вокруг тем, связанных со способами поддержания внешней привлекательности³. Особый психологический прессинг создают пользующиеся невероятной популярностью неолиберальные дискурсы свободного выбора и необходимости постоянного самосовершенствования [с. 274–276]⁴.

Контент-анализ транскриптов интервью позволил выявить сходство и различия в рассказах молодых женщин о себе и своем опыте переживания стрессовых ситуаций. Как отмечают авторы статьи, ключевой темой беседы стало стремление участниц исследования к саморазвитию и совершенству.

Во-первых, информантки часто говорили о том, что мечтают стать интеллектуальными, независимыми и успешными женщинами; причем успех в их понимании связан прежде всего с реализацией профессионального мастерства. Чтобы достичь столь высоких результатов, опрошенные девушки стараются хорошо

¹ Butler J. Gender trouble: Feminism and the subversion of identity. – N.Y.: Routledge, 1999.

² Brumberg J.J. The body project: An intimate history of American girls. – N.Y.: Vintage books, 1997. – P. 97–99.

³ Bordo S. Unbearable weight: Feminism, Western culture and the body. – Berkeley: Univ. of California press, 2003.

⁴ McRobbie A. The aftermath of feminism: Gender, culture and social change. – L.: SAGE, 2009. – P. 19–20.

выполнять порученную работу, посещают курсы повышения квалификации, осваивают новые знания и профессиональные навыки, которые могут пригодиться в дальнейшем.

Во-вторых, быть успешной, по мнению респонденток, невозможно без обладания красивым и здоровым телом, соответствующим современным стандартам красоты. Достижение физического совершенства требует от информанток не меньше времени и усилий, чем стремление к профессиональной реализации.

Кстати, в представлениях опрошенных нацеленность на успех неразрывно связана с умением планировать свою жизнь, рационально распределяя время на путешествия, учебу или работу, общение с семьей и друзьями. Участницы проекта подчеркивали, насколько для них важно все успевать – развиваться умственно и физически, находить время на отдых, общение с родными и близкими. Неудивительно, что девушки, жизненный ритм которых хоть немного не вписывался в образ жизни успешной, умной, привлекательной и социально активной молодой женщины, испытывали сильнейший стресс. Даже те, кто на словах признавал абсурдность стремления к подобного рода «идеальности», не могли самостоятельно справиться с переживаниями по поводу собственной «неполноценности» [с. 277–279].

Еще один типичный для участниц исследования способ «быть женственной» – презентация себя в качестве человека, проявляющего заботу об окружающих людях. Большинство информанток стремятся быть заботливыми дочерьми, хорошими подругами и / или сестрами; они высоко оценивают такие личностные качества, как умение выслушать и поддержать в трудной ситуации. Помимо этого, многие девушки считают для себя важным вносить хоть небольшую «индивидуальную» лепту в решение различных глобальных социальных проблем, прежде всего связанных с вопросами заботы об окружающей среде, борьбы с сексуальным насилием, оказания помощи детям из бедных семей и т.п. Те, кому кажется, что они недостаточно добры и внимательны к близким, как правило, испытывают чувство вины и всеми силами пытаются преодолеть или хотя бы замаскировать свою «черствость». Так, одна из информанток самокритично именуется социальным инвалидом за то, что ей не всегда удается искренне сопереживать людям, нуждающимся в помощи. В силу этого девушка вынуждена сознательно развивать недостающие ей личностные качества: открытость, чуткость, коммуникабельность.

Большинство молодых женщин, посещавших занятия по управлению стрессом, описывали в качестве тревожащего их ощущение потери контроля над собственным телом; они отмечали, что организм перестал их слушаться, у них «нет сил ни на что» [с. 283]. По замечанию авторов статьи, исторически сложилось, что распространенные в обществе дискурсы женственности выполняли функцию своеобразных социальных инструментов для ограничения пространства жизнедеятельности женщин¹. Сегодня социум требует от молодых женщин «заботиться» о себе и своем теле самостоятельно². В итоге складывается парадоксальная ситуация: стремление представительниц новых поколений к тотальному самоконтролю и достижению недостижимого идеала ведет к утрате ими собственной субъектности, а значит, к потере контроля над собой и своей жизнью [с. 279–284].

Подводя итоги, М. Стрёмбёк с коллегами еще раз подчеркивают то негативное влияние, которое оказывают на эмоциональное и психологическое состояние молодых шведок противоречия между традиционными концептами женственности и современными представлениями об идеальной женщине. Преодолеть эти расхожеслования, полагают исследовательницы, невозможно без целенаправленной государственной политики, слаженных действий различных социальных институтов и отдельных акторов.

М.А. Ядова

¹ *Brumberg J.J.* The body project: An intimate history of American girls. – N.Y.: Vintage books, 1997.

² *Ibid.* – P. 98.

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ABSTRACTS AND KEYWORDS

**М.А. Ядова
Е.В. Якимова**

Тенденции взросления в эпоху постмодерна

В статье анализируются особенности взросления в эпоху поздней современности. Особое внимание уделяется таким ключевым параметрам этого процесса, как удлинение / расширение границ молодости, нелинейность, возвратность и диверсификация жизненных траекторий молодежи.

Ключевые слова: взросление; молодежь; эпоха поздней современности; жизненные траектории.

**M.A. Yadova
E.V. Yakimova**

Trends of becoming adults in the postmodern era

The article analyzes peculiar features of becoming an adult in the era of late modernity. Particular attention is paid to such key parameters of the given process as prolongation / expansion of the limits of youth, nonlinearity, recurrence and diversification of young people's life trajectories.

Keywords: becoming an adult; youth; late modernity; life trajectories.

А.М. Понамарева
Вовлечение молодежи в сетевые структуры
«Исламского государства»

В настоящей статье рассматриваются некоторые приемы и методы вербовки молодежи, используемые группировкой «Исламское государство» (ИГ). Возрастание насилия и нестабильности на Ближнем Востоке прокатилось ударной волной по ряду европейских стран, США и России. Негативные «вибрации» ощущаются далеко за пределами региона и находят выражение в том числе в так называемой проблеме боевиков-иностранцев в рядах ИГ. Несколько тысяч молодых людей, часть которых являются представителями второго или третьего поколения исламской иммиграции, а часть – новообращенными приверженцами Аллаха, присоединились к силам ИГ в Сирии. Также серьезной угрозой международной безопасности является применяемая ИГ стратегия по использованию терроризма «волков-одиночек». Выражаясь словами Ч. Бхатта, в основе эффективности пропаганды современных террористических организаций лежит следующий принцип взаимодействия с целевой аудиторией: «Вы не должны приезжать к нам для прохождения боевой подготовки, мы перенесем обучение к вам домой; вы сможете сделать все, что угодно самостоятельно, используя инструкции, находящиеся в общем доступе; вам не требуется чье-либо разрешение для начала операций, вы всего лишь должны сделать первый шаг». Очевидно, что за последние годы терроризм значительно эволюционировал. Доля атак со стороны группировок традиционного вертикально-субординационного (иерархического) типа снизилась, уступив место терактам, совершаемым представителями сетевых структур, малых независимых ячеек или одиночками. В данной работе представлен краткий обзор основных причин, вынуждающих молодых людей поддерживать салафитско-джихадистское движение и соответствующую идеологию. Сквозь призму исследований различных дисциплинарных профилей (включая теорию культурной травмы Дж. Александера) рассматриваются ключевые психологические, связанные с семейным воспитанием и социально обусловленные факторы, которые определяют степень уязвимости молодого человека перед пропагандистскими призывами ИГ и других подобных организаций, а также его подверженность радикализации и втягиванию в насильственный экстремизм.

Ключевые слова: молодежь; «Исламское государство»; вербовка; Ближний Восток; культурная травма; радикализация; экстерриториальный ислам; ксенофобия.

A.M. Ponamareva
Involving young people in network structures
of the «Islamic State»

The article discusses some of the means and methods of ISIS' youth recruitment. The escalation of violence and insecurity in the Middle East is sending shock waves across Europe, North America and Russia. Negative vibrations have been felt far beyond the borders of the region and are reflected i.a. in the so-called foreign fighters issue. Several thousand young people, some of whom are second- or third-generation migrant youth of Muslim origin, while others are young converts, have joined ISIS forces in Syria to fight a jihadist war. Another serious threat to international security is ISIS' lone-wolf terroristic strategy. According to Ch. Bhatt, the efficiency of the propaganda of modern terrorist organizations is based on the following principle of working with the target audience: «You don't have to travel to us for training, we will bring the training to you; you can make everything yourselves using commonly found materials; you do not need anyone's permission to undertake operations, you just need to take the first step». Obviously, terrorism has evolved dramatically in recent years. Terrorist attacks by groups with defined chains of command (with traditional vertical / hierarchical subordination) have become rarer, giving way to attacks by representatives of terrorist networks, small autonomous cells and individuals. The paper gives a brief overview of the main reasons why young people become supporters of the Salafi-Jihadi movement and follow its ideology. Drawing on a number of disciplinary perspectives, including the theory of cultural trauma (J.C. Alexander), the author considers key psychological, family-related and social factors that determine to which degree young people are rendered susceptible to the seductive ideological appeals of ISIS and the like and ultimately become radicalized into violent extremism.

Keywords: youth; ISIS; recruitment; Middle East; cultural trauma; radicalization; extraterritorial Islam; xenophobia.

С.Г. Ким
Молодые люди как виновники и жертвы насилия.
(Реферативный обзор)

Обзор посвящен проблеме насилия в молодежной среде. На примере работ немецких исследователей автор пытается понять, что именно и при каких обстоятельствах толкает молодых людей к совершению общественно опасных, уголовно наказуемых деяний, а также – как быстро они сами становятся жертвами насилия.

Ключевые слова: молодежь; насилие; агрессия; страны «третьего мира».

S.G. Kim
Young people as perpetrators and victims of violence.
(Summary review)

The review is devoted to the issue of violence in the youth environment. On the example of studies by German researchers, the author seeks to understand what exactly and under what circumstances provokes young people into committing socially dangerous, criminal offences, as well as how quickly they themselves become victims of violence.

Keywords: youth; violence; aggression; «Third World» countries.

М.А. Ядова
Крымский кризис-2014 в представлениях «модернистов»
и «традиционалистов» постсоветского поколения

В статье анализируются результаты индивидуальных глубинных интервью с представителями постсоветского поколения, демонстрирующими современные и традиционные поведенческие установки. Основная тема разговора – присоединение Крыма к России в 2014 г. Как показало исследование, большинство «модернистов» и «традиционалистов» одобряют вхождение Крыма и Севастополя в состав РФ. Однако эта поддержка является скорее символической, чем реальной.

Ключевые слова: Крымский кризис-2014; «модернисты» и «традиционалисты» постсоветского поколения; поведенческие установки.

М.А. Ядова
The Crimean crisis-2014 as seen
by «modernists» and «traditionalists»
of the post-Soviet generation

The article analyzes the results of individual in-depth interviews with representatives of the post-Soviet generation, demonstrating modern and traditional behavioral attitudes. The main topic of the conversation is the incorporation of Crimea into Russia in 2014. As the study has shown, most «modernists» and «traditionalists» approve of the entry of Crimea and Sevastopol into the Russian Federation. However, this support is symbolic rather than real.

Keywords: the Crimean crisis-2014; «modernists» and «traditionalists» of the post-Soviet generation; behavioral attitudes.

Я.В. Евсеева
М.А. Ядова
Социологические исследования
детства и юности в современной России:
Аналитический обзор материалов
Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием «Дети и общество:
Социальная реальность и новации»,
23–24 октября 2014 г.

В фокусе внимания авторов – два десятка работ российских обществоведов по наиболее актуальным проблемам социологии детства и юности. Среди обсуждаемых тем: проблемы социализации детей и подростков; взаимоотношения детей и родителей; девиантное поведение молодежи; информационная безопасность юношества; этнокультурная адаптация детей мигрантов и др.

Ключевые слова: социологические исследования детства и юности; дети и подростки; первичная социализация; семья; школа; девиантное поведение; социальное сиротство.

Ya.V. Evseeva

M.A. Yadova

Sociological studies of childhood and adolescence in contemporary Russia: Analytical review of the papers of the All-Russian scientific and practice-oriented conference with international participation «Children and society: Social reality and innovations», October 23–24, 2014

The review considers two dozen works of Russian social scientists on the most pressing issues of the sociology of childhood and youth. Among the topics discussed are the following: issues related to the socialization of children and adolescents; parent-child relationship; young people's deviant behavior; information security of youth; ethnocultural adaptation of migrant children, etc.

Keywords: sociological studies of childhood and youth; children and adolescents; primary socialization; family; school; deviant behavior; social orphanhood.

М.А. Ядова

**Молодежные исследования в Латинской Америке:
Тенденции и перспективы. (Реферативный обзор)**

В работе представлен обзор статей одного из разделов номера ведущего европейского журнала «Young», посвященного молодежным исследованиям Латинской Америки. Автор предполагает, что понимание модернизационных вызовов, с которыми сталкиваются молодые латиноамериканцы, даст возможность лучше осмыслить похожие процессы, происходящие в нашем обществе, и глубже уяснить специфику взросления российской молодежи.

Ключевые слова: молодежь; ювентология; страны Латинской Америки; социальная нестабильность; модернизация общества.

M.A. Yadova

**Youth studies in Latin America:
Trends and prospects. (Summary review)**

The paper presents a review of the articles in one of the sections of an issue of «Young», a leading European journal, devoted to youth studies in Latin America. The author of the review suggests that

understanding the modernization challenges faced by young Latin Americans will provide an opportunity to make sense of similar processes taking place in our society and to comprehend the peculiarities of Russian youth becoming adults.

Keywords: youth; juventology; Latin American countries; social instability; modernization of society.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Евсеева Ярослава Вячеславовна – научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: yar_evseeva@mail.ru

Ким Светлана Григорьевна – доктор исторических наук, независимый исследователь

Кондрашова Юлия Олеговна – маркетолог ООО «Киберника». E-mail: y.msc.1535@gmail.com

Понамарева Анастасия Михайловна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: amp1982@mail.ru

Ушкова Екатерина Леонидовна – ведущий редактор отдела глобальных проблем Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: vegeer@list.ru

Ядова Майя Андреевна – кандидат социологических наук, заведующая отделом социологии и социальной психологии ИНИОН РАН. E-mail: m.yadova@mail.ru

Якимова Екатерина Витальевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии ИНИОН РАН. E-mail: e.yakimova2011@yandex.ru

МОЛОДЕЖЬ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ XXI ВЕКА

Сборник научных трудов

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование
и компьютерная верстка К.Л. Синякова
Корректор М.П. Крыжановская

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 30 / XII – 2018 г.
Формат 60х84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 14,25 Уч.-изд. л. 12,0
Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 185

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел./Факс: (925) 517-36-91
E-mail: inion@bk.ru**

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
В ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88 литера У
Тел.: 8-800-700-86-33 / (845-2)24-86-33